

Литературно-художественный журнал
Харьковского отделения Союза писателей России

Основан в январе 2010 г. Выходит 6 раз в год

**Том 4
2011**

ХАРЬКОВ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Ганичев В.Н. – председатель Союза писателей России, член Общественной палаты Российской Федерации, заместитель главы Всемирного русского народного собора, вице-президент Международной славянской академии, доктор исторических наук, профессор.

Котькало С.И. – сопредседатель Союза писателей России и Духовно-просветительского центра имени святого праведного Феодора Ушакова. Член бюро Президиума Всемирного Русского Народного Собора.

Скворцов К.В. – секретарь правления Союза писателей России, действительный член Петровской академии наук и искусств.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Председатель – Романовский А.Г

Главный редактор – Мачулин Л.И.

Отдел прозы – Глебова И.Н.

Отдел поэзии – Воргуль В.Р.

Редакция не ведёт полемику на страницах издания.
Переписка с читателями – по усмотрению редакции.
Рукописи не рецензируются, и не возвращаются.

Адрес для писем: а/я 9127, Харьков, 61057, Украина.

e-mail: editor01@list.ru
тел./факс +38 (057) 700-40-25

ОТ РЕДАКЦИИ

4

Валентина Ерофеева-Тверская

ПРОХЛОПАЛИ ЗАВЕТНОЕ

ЗА ЧАЕМ

За рюмкой чая собрались поэты.
Вели весьма приватный разговор –
кем пишутся верлибры, кем сонеты...
Подогревался «чаем» вечный спор –
о глубине величий и познаний,
нужна ли современная строка...
...а за столом незримо были с нами
кого не позабыли мы пока:
Кутилов, Ляпин, Дронников, Шипилов
Никола Дмитриев и Юрий Кузнецов...
Так дай нам Бог, –

чтоб памяти хватило

Под этим небом и земным светилом
их каждого

не позабыть лицо!

Москва, Переделкино – Омск

НА КРАЮ ЛИСТОПАДА

Прохлопали заветное...
И гонит тучи ветрами
К нам с инородных мест.
От слёз глаза туманятся,
От боли души плавятся,
Когда глядим окрест:
За каждую околицей,
Под пустошью неволится
Земля – родная Русь.
Бурьянов понавыросло
Рожь потеснив, повыпростав...
В полях гуляет грусть.
Берёзы белокорые,

Нравом непокорные —
На четырёх ветрах.
О, сколько русских воинов
Под ними упокоено —
Да будет свят их прах!
Неймётся тучам с Запада —
С восходом, днём и полночь,
Грозятся взять в полон...
Очнитесь, православные,
Неужто поослабли мы.
Церквей не слышим звон?!
С разором миром справимся,
На то и духом славимся,
Пребудет с нами Бог!
Посеем лён с пшеницею...
И русские традиции,
Пусть возродятся в срок.
Ах, Русь многострадальная,
Душа исповедальная,
Пречист-лазорев цвет.
Умывшись ранней зорькою
Стань сильною и зоркою,
Храни Господний свет!

Рвется ввысь душа
по-над просекой
Черным вороном,
белым лебедем.
Начались дожди,
лето вдребезги.
Грусть горчит во рту,
слезы просятся.
Озерко блестит,
и черна вода
Возле берега,
по-над тиною.
Вслед идет за мной,
Валентиною,
По судьбинушке
за бедой беда.

Богородица,
Мать Божия,
Я молюсь тебе,
сердцем веруя:
Светлых дней в судьбе
приумножится,
Пусть отцепится
доля скверная...
Разгони тоску...
В чистом полюшке
Поотстонется,
поотплачется.
В черном омуте
слезы спрячутся,
Я порадуюсь
скоро вволюшку.
Отцепись, отстань
злое слово – грусть!
Буду счастлива.
Пусть завидуют.
Сброшу горести,
как заплечный груз,
Впереди судьба
светлой видится.
Рвется ввысь душа
по-над просекой,
К солнцу ясному,
к счастью просится.

* * *

Живется мне беспокойно –
Глупое сердце ропщет.
Надежда горько-солёная,
Похожая на слезу,
Росой опадает на листья
За домом в знакомой роще.
Мне грустно – вдруг среди буден
Счастье свое прослежу.
Я душу пушу на волю,
На непогоду, на ветер,
Чтоб выстрадала по праву

Любить, ничего не страшась.
Нельзя, чтоб прошло бесследно
Мое пребыванье на свете,
И знаю, что от страданий
Окрепнет моя душа.
Меж жерновами времени
Молодость раскрошится.
Сквозь годы и листопады.
Однажды себе не солгу, –
Большую любовь придумала,
И страшно мечты лишиться.
Что найдено?
Что потеряно?
А жить просто так не могу.

Внуку Ванечке Ерофееву

Уютно обвивают руки
Сопящий кокон дорогой.
Легко младенца убаюкать.
Ещё легко!
Но, Боже мой,
Уже тревожно и забавно
Душа моя вперёд спешит:
Какие страсти ждут Ивана,
Каким и где он будет жить.
С кем и какие отраженья
Он будет в зеркалах ловить,
Какие принимать решенья,
Как ненавидеть, как любить.
Какие дали помаячат,
Какие кликнут города...
Всё впереди, уснувший мальчик –
Моя сверхновая звезда.

* * *

Ах, на удивленье тиха река!
Послетались на воду облака –
И плывут вдоль берега Иртыша,
как венки сонетные: не спеша.

Васильки прибрежные вслед глядят,
в облаках купаться они хотят.
Заплету косицею свой венок,
где за каждой строчкою – василёк...
Зааукал город мне за рекой...
Я с Сибирью – матушкой дорогой
не расстанусь надолго.

В даль – краях
Не бросать судьбинушке якоря.
Над рекою быстрою - вышина.
По-над левым берегом тишина,
вдоль него раскинулся синь – покров...
Омская сторонушка – отчий кров.

* * *

Жарко печь топлю, –
Чурка к чурочке.
По ночам не сплю, –
Дура дурочкой.

Замела весна
Сплошь черёмухой.
Что же я грустна.
Шаль зарёвана?

Чтобы спрятать стон,
Губы кусаны.
Мой желанный сон
Рвётся бусами.

Крикну воронью:
Вам бы мимо бы!
Нежность сохраню
Всю для милого.

Жарко печь топлю,
Печь сердечную.
В ней любовь люблю –
Тайну вечную.

* * *

«Я осенняя женщина»

Так незаметно закончилось лето.
Вызрела, убрана рожь.
Иволгой летняя песенка спета,
В роще волненье и дрожь.

Остановлюсь на краю листопада
И провожу журавлей.
С грустью нагрянувшей вовсе нет сладя,
Сладу нет с песней моей.

С ней мне тоскуется, с ней и смеётся,
С ней холода нипочём.
С ветки рябиновой плавно сорвётся
Птицею лист на плечо.

Мне никогда не привыкнуть к утратам,
В час при вечерней поре,
Осень уходит и манит куда-то,
Вечно бы жить в сентябре.

Арсен ТИТОВ

ТОВАРИЩ ЧЕ И БОЖЕНЬКА

Повесть

1

И вроде были мы не совсем зеленые юнцы – имели кое-что за спиной, отчего всякая похвальба давно ушла в область глубоких преданий. А на Ярославском вокзале пошли взять перед поездом по пивку, Железяка вдруг сказал:

– Если у кого что-то было, значит, у того что-то есть!

– Так точно, товарищ капитан! – сообразил я, в какую степь он потянул подобными выпренностями.

– Потому, ухарье, прошу, чтобы не приказывать, и особенно тебя, товарищ Че! Все, что есть, – на грудь, и не снимать до самого дома! – сказал Железяка.

Товарищ Че – это я, Сурков Алексей Петрович, прозванный так за то, что из всей бригады больше всех по лесам и горам бегал, как Эрнесто Че Гевара. Начал я бегать еще в восемьдесят седьмом в Кандагарском батальоне, и добегался до сегодняшнего дня, когда выхожу из лесов и гор вчистую, на жизнь мне абсолютно неизвестную, непонятную, именуемую гражданкой. Выбегал я за все это время три войны, одну победу на соревнованиях ну очень высокого уровня, контузию, которую мне не записали, вероятно, чтобы к старости лет бесплатные лекарства не тратить. И еще выбегал я полную выслугу, сертификат на бунгало, то есть квартиру, которую ни в жисть на этот сертификат не приобрести по несоответствию его нынешним ценам. Что еще? А, воинское звание я выбегал самое высокое и почетное, но только в армии Ржечи Посполитой – было такое государство, мечтающее за счет России раскинуться от моря и до моря. Звучит мое звание «прапорщик», и переводится с ржече-посполитского языка как «знаменосец». В нашей родной, непобедимой и легендарной это звание ничего к несению знамени не имеет, и зависло между офицером и не офицером, прямо по поговорке: курица не птица, прапор не офицер.

Своим бойцам, я можно сказать, отец родной, потому что их жалею и деру, как сидоровых коз и даже более.

Железяка – это наш ротный командир капитан Михайлов Александр Михайлович, прозванный мной лично Железным канцлером за исключительную невозмутимость и выносливость. Обожающий его личный состав роты, для благозвучия во время связи или боестолкновения, переделал Железного канцлера

в Железяку. И сей Железяка сейчас сказал о моих двух орденах Мужества и медали «За отвагу», полученную еще за Кандагар. И его «прошу» относилось более всего ко мне потому, что я должен был ехать не со всеми вместе, а отдельно, ибо досталось мне место в другом вагоне, и Железяка Александр Михайлович имел подозрение, что все, о чем он «прошу», я сниму тотчас же, лишь войду в вагон, и останусь с первозданно чистой грудью, как мелкий новобранец перед присягой.

Я бы так и сделал. Нечего таскать свои заслуги всуе напоказ, тем более что не особо кому они нужны. Не с Великой Отечественной мы возвращались, а из Чечни, или, как волхвуют наши родненькие правозащитнички, с войны против своего народа.

Но ребята проводили меня до моего вагона. А Добрендох, часто называемый Дубером, Дуброй и Дубралеем, мой замок – то есть заместитель и старый друг сержант Дубравин Алеша, потащился за мной до купе, мол, надо же узнать, где, как и с кем будет коротать одиночество их незабвенный товарищ Че.

И уж как он расписывал ребятам предстоящее мне одиночество, когда вышел из вагона, я не знаю. Но досталось мне оно, мое одиночество, в купе на двоих в соседстве с самого прелестного вида молодой особой, при которой имел место быть тарашенький ясноглазый крепышок лет этак трех.

Такого одиночества я сильно застенялся, быстро-быстро вытолкал из вагона Дубру и сел на свое место, отчего-то еще спросив, мое ли оно.

– Ваше, надо полагать! – нехотя ответила женщина.

– Спасибо, – сказал я.

Крепышок потянулся к ее уху.

– Что? – хмуро спросила она.

– Мама, а дядя боженька? – вслух спросил он.

– Дядя солдат, – строго сказала она.

Я понял, что отчего-то я ей сильно не понравился, но вдруг подмигнул крепышку:

– Здравствуй, братишка. Я солдат. А ты тоже солдат?

– Я не шолдат. Мама не пушкает! – сказал крепышок.

– Куда не пускает? – спросил я.

– Ну, чтобы шолдат, мама не пушкает, – объяснил он.

– А как же звать тебя? – спросил я.

– Иван Шельгеевич! – ответил крепышок.

– А меня звать Алексей Петрович! – назвал я себя.

– Нет. Ты шолдат Алексшей Петлович! – поправил крепышок.

– Ваня, не приставай к дяде! – легонько, но недовольно дернула крепышка за рукав особа, и он смолк, но не надолго и снова потянулся к ее уху.

– Что? – снова спросила она.

– Мама, а вот это же боженька! – показал крепышок пальчиком на ордена.

Молодая особа машинально поглядела на меня. Ничего располагающего в

ее взгляде я не нашел.

– Это всего лишь медали, Ваня. И пальцем показывать не красиво. Я же тебя учила! – нагнала она строгости.

Я за один миг обозлился на нее.

– Красиво, Иван Сергеевич! – сказал я. – Не красиво ордена с медалями путать. Ну да ведь твоя мама не солдат. Она не знает! А ты хочешь их потрогать?

Крепышок сжался и затрепетал одновременно. Его голубые глаза просто плеснулись на меня.

– Да! – выдохнул он.

– Сиди смирно и не приставай к дяде! – снова дернула особа его за рукав.

– А вот возьми, потрогай! – отцепил я один орден.

– Молодой человек, я не знаю, кто вы там в ваших званиях. Но ведите себя прилично! – не столько вскричала, сколько прошипела особа.

Крепышок, было ко мне потянувшийся, снова сжался, но сжался, не как полуминутой назад, не от нахлынувших чувств, а будто от удара или от стыда за маму, если такой стыд присущ трехлетним детям. Да и я не ожидал такого поворота.

– Есть вести себя прилично! – зло и с кривой усмешкой посмотрел я на особу.

Она демонстративно отвернулась в окно. А я снял остальные награды, а потом вышел в коридор посмотреть, не ушли ли ребята.

– Черт знает, чего она... гюрза какая-то... что я ей... и парнишку мордует. А хорош парнишка, крепышок, шолдат Иван Шельгеевич!.. – бормотнул я себе под нос.

И неожиданная моя злобень выросла так, что не входил я в купе, наверно, часа два – все два часа стоял у окна. Здесь же я отдал проводнице билет, здесь ответил ей, что чая мне не надо, и потом еще ответил, что стою и не захожу в купе просто так, люблю-де постоять. Крепышок в купе щебетал и, наверно, порывался выйти ко мне. Молодая особа заставляла его сидеть смирно и глядеть в окно, пробовала читать ему, потом принялась кормить.

– Гюрза, гюрза, – всякий раз после ее окрика повторял я.

А потом вдруг вспомнил жену. Наверно, она сейчас так же покрикивала и так же заставляла своего крепышка есть ложку какой-нибудь молочной смеси или йогурта за маму, за бабушку, за дедушку, за папу, потом за всех остальных зайчиков, лисичек, гномиков и бабаек. Или наоборот. Сначала она просила есть ложку за папу, а потом за всех остальных. Она очень его любила, папу, и вернее всего, просила съесть сначала за него. И еще, наверно, говорила, что вот-де скоро папа приедет с работы и покатает его на бибике. Хотя, наверно, нынешние дети уже обходятся без этого переходного слова и напрямую требуют катать их на мерсе, на мицубиси, пежо, лендровере. Если же вдруг узнают, что у их отцов наскребено по офисам только на какую-нибудь дэу-нексия или ладу, то ревмя, до родимчика и посинения ревут, считая свою судьбу пропащей.

Моя жена была вполне хорошей женщиной, не чета этой гюрзе. Просто кто же вынесет прапора, вечно торчащего в гарнизоне, вечно мотающегося с группой по лесам, вечно бегающего на войну и не имеющего за это ну ничего: ни квартиры, ни машины, ни ребенка, ни котенка. И жена нашла себе не прапора, не рейдера, не вояку чокнутого, а вполне нормального человека.

– Неисповедимы твои помыслы, Господи! – ернически снова забубнил я себе. – Одним ты отвалил только протирать по офисам, кабакам и казино дорогие штаны и обзаводиться дорогими машинами, квартирами, дачами и яхтами. Другим, как мы... – хотел я дальше поплакаться по поводу того, что именно он нам отвалил, однако спохватился. – А что мы... А этой гюрзе, может быть, наши кресты и медали встали кое-чего поперек, – подумал я, и дальше подумал, что муженек этой особы и этого крепышка папик, небось, так от армии откосил и сейчас весь в трудах праведных наотмашь рубит зелень. А эта особа была в свое время училкой, преподавала в школе какую-нибудь литературу, через Петю Ростова и княжну Марью прививала прекрасное и предупреждала о непременном наказании за преступления. Сейчас же прекрасное прививается через упомянутую зелень и больших ее любителей каких-нибудь Чубайсов-Абрамовичей и ее мужа, а непременность наказаний стала весьма избирательной. Она стала бить все больше по нам, солдатикам, а Чубайсов-Абрамовичей и ее мужа она стала обходить самой дальней стороной. Потому в этой особе-училке разыграло ретивое. «Хам! – стала думать она про меня. – Мой муж сутками в трудах праведных из офиса, кабака и казино не выходит, а на груди его болтается только толстый золотой нательный крест и больше ничего. А этот бурбон куда-то сбегал, где-то нагадил, в кого-то пострелял, мирное население понасиловал – и крестами, какие моему бедному никогда не добыть, весь обвешался, да еще и смеет поучать: «Некрасиво ордена медалями называть!» Хам!.. Нет в мире справедливости!» – вот как она сказала себе. То-то и шипит. И то-то я, парнишка-крепышок и весь белый свет у нее виноваты!

Я понимал, что горожу явную хрень, что все совершенно не так. Но городить хрень мне было приятно, будто я этой особе мстил.

И еще при своих словах о рубке зелени, трудах офисных и праведных я вспомнил, как мы выручали братьев-десантников и как зацепило Фугу, пулеметчика Игорька Ефремова, любящего музыку Чюрлениса и за это соответственно прозванного. Его зацепило – и надо было вытаскивать, а чехонь из недалеких непроницаемых зеленых кустов секла так, что не только ползти, а вообще выглянуть из канавы было нельзя. Но Добрендох кувырками прорвался к заваленному «Уралу», вытащил из-под тента агеев, то есть автоматический гранатомет станковый, за секунду раскорячился с ним около «Урала» и к растакой матери очередями в упор срубил всю эту зелень, все эти непроницаемые зеленые кусты, так что там все затихло и, полагаю, затихло навечно.

Я достоял у окна до того, что гюрза соизволила снизойти, так сказать, до мэнэ с вопросом, который скрытым раздражением более походил на претензию.

– Вы не собираетесь заходить в купе? – спросила она.

Я и ухом не повел что-либо ей ответить.

А тут в вагон цепочкой повалило мое ухарье, уже переодетое в спортивные костюмы и тапки, и уже, кажется, позволившее себе после буфетного пива кое-чего еще.

– Командир, товарищ Че! – в восторге завозгудали они. – Смотрите, один! Это он, как и положено товарищу Че, бдит в засаде! Настоящий бандерлог!

– Да нет, пацанва, что вы понимаете! Это у них уже размолвка! Он теперь ночь стоять будет, а в купе не зайдет! – перебил всех Добрендох.

Я только в сердцах плюнул и отвернулся. Что бы понимали, остряки. Кроме как по лесам бегать и по скалам лазать, ни черта в жизни не понимают, а туда же.

Но странное дело. Гюрза их приняла довольно сносно, этак напружинилась, блеснула глазками, вздернула бровками. И так-то была хороша – в плане прелестей, а тут изыскала резерв похорошеть еще, будто мне назло. Она встала всем навстречу, пригласила в купе, мол, проходите, я догадываюсь, вы друзья нашего с Ванечкой попутчика. «Ванечка, скажи дядям солдатам «Здравствуйте!» Куда только гюрза в ней подевалась. На смену ей пришла этакая лесная горlinkка. Да только ведь нам, бандерлогам, то есть лесным горным и пустынным обезьянам, известно, что гюрза с виду куды как баска, а снугре она, язви ее, гюрза и есть. Хуже кобры. Хотя хрен редьки не слаще.

А мое ухарье расплылось перед ней, как майский жук перед сиропом, умильное такое стало, галантное: ах-ах, мадам, ах не извольте беспокоиться, вы столь любезны, мы и здесь постоим, мы пришли на минутку проведать нашего командира, героя Абдал-Забазуля и других вершин Кавказа, а также Афгана, пришли узнать, как тут ему одному скучается, да пригласить его к нам на рюмочку чая; а тут с ним этикие два прелестных создания, ах-ах, не согласитесь ли и вы с нами разделить нашу скромную компанию возвращающихся домой вояк...

От такого их нашествия бедный крепышок полез в угол за спину матери и отказался здороваться. Он словно бы онемел. И сколько ухарье ни пыталось с ним заигрывать, он не вылезал из своего угла и не подавал голоса. Ухарья он явно испугался. Тарашенькие его ясные глаза едва не брызнули слезами. Я снова сплюнул и погнал вояк восвояси, да и сам подался с ними.

2

– Вот везуха нашему командиру! – ахали и охали мои ухарьики весь путь до их вагона.

А как вломились все восьмеро в одно купе, в котором сторожем сидел капитан Железяка, то распоясались вовсе.

– Хоть нынче в русской армии, в отличие от советской, стало принято, чтобы командир грудью закрывал бойца, но я готов нарушить эту традицию и заменить

командира на его отдаленном и одиночном боевом посту! – заюродствовал с поднятой кружкой Фуга. Знал стервец себе цену. Знал, что он в случае чего со своим пулеметом – первый прикрывальщик. А потому позволял себе подобные фуги Чюрлениса.

– И я готов! А я еще готовее! – завопили остальные.

Железяка выдержал их вопль и будто серьезно спросил:

– Товарищ прапорщик, вас можно поздравить?

– С чем? – снова зазlobел и от того глупо спросил я.

– Ну, вы теперь не только герой и покоритель Абдаль-Забазуля и всего прочего, но и покоритель, по описанию очевидцев, едва ли не шемаханской царицы? – в том же будто серьезном тоне спросил Железяка.

Воодушевленное его словами ухарье собралось было зубоскалить дальше. Но Добря, хоть и начал подковыривать первым, понял, что хватит.

– И ша, пацанва! Скомандуйте, товарищ капитан, чтобы от Чеки отстали! – сказал он.

По моей харе Железяка тоже понял, что лучше сменить тему.

– Прошу, чтобы не приказывать! – сказал он.

– Да ты что, командир, да мы за тебя любого порвем! Да мы за тобой, как за каменной стеной, да чтобы при этом тебя обижать... да ты что, командир! – застыдились мои ухарики.

– Раскудахтались, волю почуяли! А небось на задаче помалкивали, как неизвестно кто, да с моей руки глаз не спускали! – все еще в злобе сказал я, но уже почувствовал что отмякаю, и попытался держать характер из последних сил.

Глаз не спускали – это в том смысле, что на задаче в тылу у противника все исполняется знаками да условными сигналами: шлепком, взмахом, в крайнем случае – условленным птичьим и прочим лесным голосом.

– Дааа, ухарики, – вспомнил Железяка, – я как-то с группой на задаче был девятнадцать суток. Связь – только в случае двухсотого или трехсотого. Когда вышли, так я забыл, как звучит мой голос, говорю, а сам все оглядываюсь: кто это рядом со мной говорит!

– А первый выход на войну помните, на Абдал поднимались, помните? Вот же дурье мы были! – вставился снайпер Данта, Макс Зубарев, кстати, один из лучших снайперов по всей нашей российской армии.

– Да, мы тогда десантуру проводили! – прибавил Фуга.

– На них нагрузили все, чем их Родина обеспечила, на бедных. Караван ослов получился, а не десантура! – продолжил Макс. – Ты помнишь, командир, они из-за этого нам задачу срывать начали, отставать!

– Да ты бы сам столько-то в гору попер! – вступился за десант Шурик Шугаев или, естественно, по прозвищу Шуруп.

– Да, а эти двое были у них из химбригады. Ё-моё! Мы их за десантуру принимали. Смотрели на них, мол, ну и наберут в десант сморчков да окурков.

«Давай-давай, поспевай!» – покрикивали. А они еще «Шмели» тащили на себе, но за нами тянулись. Потом еще командир, – вспоминая этот эпизод Фуга мельком посмотрел на меня, – их спрашивает: а для чего вы, солдатики, еще и бронжилеты с собой тащите. Вы как бы на смотр собрались? – А они говорят: а нам бронжилеты жизнь спасают! – командир так и сел: как жизнь спасают? Что-то мы не знали, чтобы броники кому-то жизнь спасали! – помнишь, командир? – А они: а на них спать тепло и удобно! – Вот логика! Командир спрашивает: и что, у вас в десанте все такие, на броники стукнутые? – А мы, – говорят, – не из десанта, мы из химбригады, десанту на задачу приданные! – Тут наш товарищ Че на что уж товарищ Че, а сел во второй раз: мать-перемать, да вам же, ребята, памятник ставить надо! Да такого, чтоб химики за бандерлогами попевали, отродясь с сотворения наших войск не бывало! – Так, командир?

Я уже отмяк, но решил продолжить держать характер и смолчал.

– Ну, командир, ну, товарищ командир, ну, прости ты нас, детей твоих неразумных! – картинно упал на колени Добрендох. – Пацаны, проси о прощении хором! Три-четыре!..

– Прости нас! – взвыли мои ухарики.

Я не успел вздернуть брови, выпятить брюхо и сказать какую-нибудь сентенцию, тем изображая милостивого господина и отца, как из соседних купе застучали, и прибежала проводница:

– Ребята, да вы чо, вы же военные люди! Сейчас же сюда бригадира и милицию пассажиры вызовут!

– Сестренка, молчим! – позажимали ладонями свои луженые глотки мои ухарики.

И несколько минут потом говорили шепотом или, вернее, сильно шипели, так как за стуком колес шепота не было слышно. А потом снова все и едва не враз заговорили вслух.

– Дурье-то были! – вернулся Фуга к первому выходу на Абдал-Забазуль. – Вышли мы на вершину. Солнышко уже припекает. Мы разделись. Сидим. Дышим. Кто рядом-то сидел? Командир, ты, Добря, я, а еще кто, не ты, Данта? А, вспомнил, химик-лейтенант сел с нами. Сидим вчетвером, ждем десант, видом любимеся. А внизу аул, помните? И Добря говорит: а вон и духи! – А внизу в ауле действительно духи, чехонь, расстояние – километра полтора. Они на нас показывают. Мы на них. Я им показал это: фак ю!, мол, мы уже на горе!.. И вдруг ветки с куста на нас посыпались. Мы друг на друга уставились. Потом наверх посмотрели. А там веером: фю-фю-фю-фю! Пули! Свист от них. Пули ветки над нами срезали, а звук уж потом пришел. Что, откуда? Стали смотреть. А ветки – снова на нас. И снова: фю-фю-фю-фю... Мы рассыпались. Смотрим, а на окраине аула дзот. И оттуда вспышечка – и опять над нами: фю-фю-фю-фю. Посмотрели мы на срезанные кусты и прикинули по расстоянию: на миллиметр он мушку выше взял. Взял бы пониже на миллиметр – и все, четыре

трупа получай мотопехотный батальон.

– Почему мотопехотный? – спросил недавно к нам пришедший бурят Номгонов, которому сначала была кличка по его национальности, а потом вдруг стала меняться на кличку Лиходей. Причиной такой клички стал он сам. Он как-то рассказал, что он в семье старший сын, и его по обычаю называют почетным именем типа Ахаадий или Ахадей. Тотчас почет его был поставлен с ног на голову. Его это ничуть не задело. Он вместе со всеми поржал над собой и теперь охотно откликнулся на обе клички.

Мотопехотным же наш батальон было приказано считать из секретных соображений начальства. Но все вокруг – и даги, то есть местные жители дагестанцы, и чехонь, то есть нохчи, то есть духи, очень быстро догадались, что никакая мы не мотопехота. Нашему батяне, комбату, нохчи даже написали письмо, мол, слюший, комбат, мы знаем, кто вы, потому давай договоримся – вы с нами не воюете. Мы с вами не воюем. Батяня выстроил нас, продрал, как цуциков: у кого язык длинный, кто продал?.. – а что продавать, если даже даги папахи с голов роняли, головы на кручи задираючи, где то и дело наши пятки мелькали. А у нохчей, между прочим, тоже были глаза и порой поострей наших.

– Да, а дурьё под пулями прыгало! – продолжал вспоминать тот же бой Добря.

И действительно было – бегали дитятки мои под огнем. Сначала бегали и прыгали под пулеметом, который из дзота по ним садил. Дитятко мое пробежит по гребню, а очередь за ним простелется. Следующий проскочит поперек гребня. И опять очередь только гребень вспорет. «Командир, – кричат. – Мы теперь обстрелянные! Мы теперь настоящие рейдеры!» Я им приказываю лежать, не слушают. Потом объявился снайпер. Они с ним стали играть. Проскочит дитятко через гребень. Снайпер тоже запоздает. Другой в другом месте прыгает. Снайпер опять всадит в белый свет, как в копеечку. Ему бы, дураку, притихнуть и дожждаться, когда они угомонятся и подкараулить. А у него, видно, злобень глазыньки залила, не лучше же ухариков моих в детство впал. Данта не стерпел. «Пойду, – говорит, – маленько его погоняю». С ним Шурупчик пошел. Слышим: бах-бах. Возвращаются наши: «Ну его кое-куда. Он нас чуть не убил. У него же все пристреляно. А мы его даже определить не смогли».

– Ну так и нечего, скотиняки такие, бегать! Ложись и лежи! – приказал я.

Кое-как я успокоил группу. Наше ведь дело терпеть. Я еще по Афгану знаю. Обстреляли нас – не ввязывайся. Затаись. Молчи. И если они не идиоты, то быстро сообразят, что дело не чисто, и лучше смотаться. А тут для всех первый бой был. Всех просто захлестнуло. Я свой первый выход почти не помню. Командир приказал ни на сантиметр от него не отлучаться – вот и вся моя задача была. Как кошка котенка, натаскивали меня. И химики со своими «Шмелями» нам тогда оченьгодились. Когда нас стали доставать минометом, лейтенант стал высчитывать траекторию выстрела из «Шмеля». Дальность его стрельбы всего на пятьсот метров. А тут до духов – полтора километра. Но

ведь высчитал, учел высоту, бабахнул. В ста метрах от миномета снаряд лег. На целый час духи примолкли.

– А вот еще было! – вспомнил что-то тихий Шурупчик, но его перебили.

Меня же вдруг ни с того ни с сего захлестнуло:

– Как же там мой крепышок, как там мой Иван Сергеевич!

Меня даже вдруг взял озноб от моих же слов – как это мой, какой такой мой. А он уже предстал перед моими глазами, тарашенький и ясноглазый шолдат, которого мама в шолдаты не пушкает.

– Ладно, вы тут не того, – сказал я. – А я пойду к себе. Разрешите, товарищ капитан?

– Как это? – под общее молчание спросил Добря.

Железяка посмотрел на меня пронцательно, как на компас, вместо севера показывающий юг, и молча пальчиками дал отмашку, мол, двигай. Дитятки мои хором заныли:

– Да товарищ командир, да мы, да нам... – и ни у кого ни капельки в глазах прежнего насмешливого выражения, а только тоска и обида.

– Отставить ныть! – сказал я.

И без их нытья я понимал, что вместе мы сегодня последний вечер, что завтра расстанемся, и я без них истоскуюсь, изревуся, исказню себя за то, что не остался, не побыл с ними. Но потащило меня к крепышку. Я молча отмахнул всем и ушел.

3

Купе оказалось закрытым. Стучать я не стал, а позвал проводницу. Она с тем же ерничаньем, что и мои ухарики, укорила:

– Что же вы, товарищ военный, соседку одну оставили. Ей и пришлось закрыться. Никто ведь не защитит.

Я промолчал. Она открыла дверь. Соседка, молодая особа, горза, крепышков мамик – уж и не знаю, как назвать ее, накинувшись простынкой, спала. По печальному лицу ее я понял, что она очень устала. «Мне-то какое дело» – подумал я с неприязнью. А крепышок тотчас поднял голову. Я приставил палец к губам, мол, не шуми, мама спит.

– Мама шпит! – сообщил он мне.

Я кивнул, мол, слышу, переоделся, прибрал форму, сходил умылся и тоже лег.

– И ты спи! – сказал я крепышку.

– Дядя шолдат, – позвал он.

Я поднял голову.

– Дядя шолдат, можно я боженьку потлогаю? – попросил он.

«Узнает – обоих со свету сживет! – подумал я про... и, не зная, как ее называть, решил называть мамиком. – Узнает – сживет». Но я встал и протянул

крепышку руки. Он ловко перелез ко мне, уселся рядышком. Я достал из сумки орден. Он со счастливым и сияющим лицом пальчиками взял его за колодку, посмотрел на меня, втянул голову в плечики и заулыбался:

– Боженька!

– Почему боженька? – спросил я.

– Мама шкажала – боженька. Мы ходили в чекловь – там такой же боженька! – сияя, сказал крепышок.

Я приобнял его и почувствовал его теплую детскую сладость, и вместе с ней – какую-то теплую и сладкую силу. Я посадил его на колени. Он прижался головой мне к груди. Потом оторвался, поглядел на меня и ткнул пальчиком против моего сердца:

– Там кто стучит?

– Дятел, – сказал я.

– Нет, – сказал он. – Там шечле стучит. У меня тоже шечле стучит. И у мамы стучит... А кто тебе дал боженьку?.. А как тебя жвать?

– Меня звать прапорщик Сурков, – сказал я.

– Нет. Тебя жвать шолдат Алексей Петлович! – исправил он.

– Ох, забыл, виноват! – сказал я.

– Ты не жабывай, а то потеляшишля, – сказал он.

– А ты не потеляшишля? – спросил я.

– Нет. Я ш мамой еду, – сказал он.

– И где ты живешь? – спросил я.

– В голоде Мулавленко, – сказал он.

– Где? – не понял я.

– В голоде Мулавленко, – невозмутимо повторил он.

Я снова не понял и спросил еще раз.

– Ну, в голоде Мулавленко же! – сказал он с нажимом.

– Да ведь нет такого города, – сказал я.

– Да ешть такой голод, – сказал он.

– И где же? – спросил я.

– Дома, – сказал он.

– Ну и логика у тебя. Все наоборот. Ты, небось, так и кроссовки обуваешь наоборот, – подверг я его критике.

Он на критику не обратил внимания.

– Это что? – показал он на форму и довольно фамильярно потребовал: – Покажи!

– Э, брат, да ты быстро на шею садишься, – продолжил я свою критику.

– Покажи, я тоже буду шолдат! – потребовал он и подошел к форме, взялся за полу куртки, оглянулся на меня: – Как? – то есть, надо полагать, спрашивал, как снять ее с плечиков.

Мне это не понравилось.

– Никак, – сказал я.

– Как? – будто не услышав меня, спросил он.

– Никак. Иди ко мне, – сказал я.

– Как? – он требовательно дернул куртку.

– Иди ко мне, – тоже, будто не слыша его, позвал я.

Он довольно, я бы сказал, не капризно, а нагло похлопал по моему плечу и, не сводя с меня глаз, швырнул орден на пол.

– Подними и дай мне, – как можно спокойней сказал я.

Он закусил губу. Таращенькие и ясные его глаза просто налились наглостью. Я понял – ему закозлило. Вообще наша работа требует чрезвычайной выдержки. Но выдержка – это не бездействие. Я взял крепышка поперек тулова и пару раз ткнул носом в валявшийся на полу орден.

– Подними, – сказал я.

Конечно, он не поднял. Он не испугался. Он не заупрямился. Он просто не понял, что с ним произошло, что требуют от него таким не привычным для него образом. Педагогика моя не сработала. Но я отчего-то чувствовал, что поступил правильно. Как когда-то говорил товарищ Ленин, подбадривая своих соратников, нельзя отчаиваться даже и в том случае, если посев отделяют от жатвы целые поколения.

Я поставил крепышка на пол. Он ловко и споро забрался к себе на полку, прополз за спину матери и оттуда уставился на меня. Таращенькие его глаза смотрели на меня и не могли понять, для чего он, то есть я, все это сделал, все самым непонятным образом испортил. Но в то же время таращенькие его глазенки показывали какую-то большую внутреннюю работу, будто он осмысливал то, что с ним произошло. «Ага, – сказал я, – посевная кампания, кажется, прошла удачно».

А самому мне вдруг стало стыдно и до щеки больно. «Одиноконький на всей земле маленький человек, во всем мире одиноконький, только с мамой. Папы-то ведь у тебя явно нет!» – навывлет прошило меня.

А он смотрел на меня и еще ничего не понимал ни во мне, ни во всем мире. Он еще не знал своего одиночества. Он смотрел на меня. Орден валялся на полу. И я не знал, что делать.

– Есть город Муравленко? – спросил я.

Он продолжал смотреть на меня.

– А еще есть гора Абдал-Забазуль. Большая-большая гора. И на нее взобрались злые духи и хотели всех людей захватить. А когда пришли солдаты, то они хотели всех солдат убить, – сказал я.

– Где? – спросил он. Глаза его, наконец, дрогнули. – Где Балда-Дабазуль?

– В далеких горах Дагестана, – речитативом, под сказочника, начал я.

А тут проснулась мамик. Она проснулась, сначала, конечно, как подобает женщинам, ощупала простынку, не сбилась ли, не свалилась ли в сторону и не обнажила ли, в общем-то, предназначенные для мужского взора, но лукаво и тщательно скрываемые женские прелести. Потом она подняла голову,

посмотрела на меня своим то ли со сна, то ли именно мне предназначенным отсутствующим взором. По мне, так бы лучше она вообще не смотрела в мою сторону. Но она скользнула по мне, как по пустой стене, и повернулась к крепышку, снова поправила простынку.

– Ты почему не спишь? – строго спросила она крепышка.

– Мама, ешь Балда-Дабажуль? – спросил крепышок.

– Нет, – сказала она, подвинула крепышка к себе, увернулась вокруг него калачом кормящим и валом крепостным, горным хребтом. Защитила – надо полагать, от меня.

4

Я никогда на сон не жаловался, хотя обычно спал в полглаза и вполуха. Это не было моей приобретенной особенностью. Это у меня было от природы. И это для нашей работы было хорошо. Говорят, к старости это обернется другой стороной, бессонницей. Но старость обладает одним интересным свойством. До старости не все доживают. С учетом специфики нашей работы – это существенно. Так что *gaudeamus igitur, juvenes dum sumus*, то есть будем веселиться, пока Бог послал, как распевали средневековые студенты. Сам я студентом не был, университетов не кончал, но очень люблю историю и языки. Ту же латынь я выучил самостоятельно и даже читал в подлиннике некоторых латинских авторов.

По определению психологов, я принадлежу к пассивно-агрессивному типу. Звучит жутковато и как-то подозрительно: дескать, ни то, ни се. Что значит пассивно-агрессивный? Или уж пассивный, или уж агрессивный! Но считается такой тип самым подходящим для нашей работы. А я думаю – если он пригоден для нашей работы, то дай Бог его каждому. Этот тип при достаточном интеллекте позволяет идти на разумный риск и быстро перестраиваться в зависимости от ситуации. Этак я не себя хвалю, а говорю то, что говорят психологи и то, что говорят служебные характеристики.

Одним словом, по определению психологов и по служебным характеристикам, я вот такой, кстати, как и все мои ухарики. И я думал, отчего же сия особа, мамик моего крепышка, на меня окрысилась, простите, – не попыталась скрыть своего отнюдь не пассивно-агрессивного характера хотя бы из этикета, из вежливости. Сумела же при моих ухариках изобразить, как сказал Железяка, шемаханскую царицу. Или на них, пришлых, она не посчитала нужным тратиться и просто дежурно искривилась в любезностях. А мне, соседу, сразу решила показать мое место. Мол, а этот прапорочек принадлежит к пассивно-агрессивному типу характера, что и видно из наличия на его груди побрякушек, с которыми он выпендрился. А раз выпендрился – получай.

Я так думал, но я и понимал, что всё это не правильно, всё не так. У меня были случаи, когда меня невзлюбливали ни за что, просто так.

Я, конечно, и сам никогда не был подарочком. И того же моего крепышка носом в пол потыкал. Виноват. Но как же без строгости, как же без требовательности? Здесь, конечно, надо различать жесткую требовательность и вот такую нелюбовь. Без жесткой требовательности в нашу работу лучше не лезть. В нашей работе каждодневное сдираание трех шкур с бойцов – это залог того, что с войны боец принесет домой ту единственную шкуру, без которой только – к Аллаху. Это любовь. А нелюбовь – это снисхождение к бойцу. Я сейчас говорю, в общем, без раскладки на детали, на индивидуальный подход, учет особенностей каждого бойца и прочее.

Однако бывали случаи, когда меня просто невзлюбивали, и всё.

– Товарищ прапорщик, такие, как вы, в вооруженных силах, а уж тем более в наших войсках не нужны! – заявил, например, мне прежний батяня, комбат.

Это после Чечни-первой было. За что? Про что? Десять лет нужен был. «За мужество» и «За отвагу» – на груди. А «в вооруженных силах и тем более в наших войсках» не нужен стал. Так и спросил:

– Объясните, товарищ майор!

А что он объяснит. Ему и вопрос мой – колом в одно место, так что он нарасшарагу ходит.

– Я все сделаю, чтобы такие, как вы, в нашей бригаде не служили! – вот и все его объяснение.

Да делай ты, чмо казарменное, думаю. Я и без тебя уйду. Меня хоть аксайцы, хоть чучкари, хоть... – да везде меня возьмут, вплоть до морпехов. Хоть мичманом буду называться, – сгоряча стал я думать. А потом опомнился. Да пошел он, комбат. Ну, будет гнобить. Ну, будет придираться. Будет сплошняком двойки и служебное несоответствие ставить. А мне-то что. Мне в карьере не расти. Мне, пока сила есть, по лесам побегать. А на войну и так пошлют, с несоответствием. Сам же и пошлет. И таких комбатов в любом месте без базарного дня рупь за кучку найдется.

Остался я в бригаде. И ведь, паразит, гнобил, а в другой отряд не переводил. Я тоже при случае поиздевался над ним. Даром, что ли, характер у меня пассивно-агрессивного типа, то есть, способен приноровиться к любым обстоятельствам.

– Товарищ майор, – при случае подковыривал его. – Меня в батальон, – называю фамилию комбата, – сватают. Отпустите!

– Я те отпущу! – едва не матерился. – Я тебя с позором из армии уволю!

– За что, товарищ майор? – делал я наивную рожу.

– За все хорошее! – рычал на меня он. А однажды проговорился. – А за то, – сказал, – что тебе Бог много дал, потому я много с тебя и спрашиваю!

Я даже заржал:

– Вы не путаете, товарищ майор, себя кое с кем? И не путаете «спрашивать» и «завидовать»?

Завидовал батяня сынку своему. Вот так было.

И как-то на показательных, перед начальником разведки округа, мы очень солидно отработали. Мы даже высадку группы с «Урала» на асфальт при скорости шестьдесят километров показали. Правда, подметки у сапог поотрывали, и Добрендох от усердия и переживания за меня – он первым пошел с «Урала» – башкой об асфальт грохнулся. Но мы показали и заслужили благодарность. Комбриг по окончанию показательных устроил дастархан, то есть застолье. Народ с женами пришел. И только смолкли все, потому что комбриг поднялся слово сказать, комбат, будто невзначай, соседа спросил:

– А что, правда, что ли, прапорщик Сурков говорит, что наш комбриг жене изменяет?

Это же надо, как можно от ненависти контроль над собой потерять. Это же надо, как можно зарваться и пойти на такой риск. Хотя, вот получается: истинным работником нашего ведомства выходил комбат. Ведь как считается. Человек нашего ведомства должен быть дерзким и не тривиально мыслящим, смело идущим на разумный риск. Батяня и доказал.

Правда, его риск не оправдался. Ни в какую измену комбрига никто не поверил по одной простой причине – в это невозможно было поверить, такой был наш комбриг.

Риск батяни не оправдался, но кое-какой эффект от риска все-таки был. Комбриг на меня косяка давил сильно. Скажу, убивающее это чувство – быть оболганным и под подозрением. Мне все советовали пойти и объясниться с комбригом. А мне закослило: с какой стати я пойду объясняться. А батяня свое гнет: у тебя, прапорщик тут не так, там не так, тут недочет, тут упущение, а ты еще и сплетнями занимаешься! – явно провоцировал на драку, после которой мне бы тюрьма грозила. Порой доходило – терял я самообладание и уже видел, как возвращаюсь, например, со стрельбищ или с тропы разведчика, да просто из леса, передаю группу Добре, захожу к батяне, кладу ему под зад гранаточку без чеки и вылетаю вместе со взрывом в дверь. Пусть потом ищут, отчего вдруг бате взбрело на гранату сесть.

А прекратилось все неожиданно. Каким-то образом дошло до комбрига, что я ни ухом ни рылом касательства к сплетне не имею, и никто вообще, кроме самого батяни, не имеет. Батяню бы за это из бригады с позором выпереть. Но. Но с одной стороны, позор и на бригаду ляжет, имя ее честное трепать начнут. И в первую очередь сам же батяня начнет. А с другой стороны, за что его выпирать – он передовой офицер, его отряд, во многом как раз благодаря моей группе, в передовых ходит. И нашел комбриг нетривиальное решение. Он отправил батяню в академию. И той пользы от этого стало, что подросли по службе младшие офицеры. Тот же Железяка, капитан Михайлов Александр Михайлович, пошел командиром роты, а теперь и вовсе отработал заместителем командира батальона. Едет сейчас с замены, как и все мы.

Вот так было. И вот так получилось сегодня.

Примерно с этим я уснул. И слышал, как крепышок во сне то всплакивал, то

бормотал что-то не совсем ясное. Какие-то переживания его уже одолевали. И мать просыпалась, гладила его и успокаивала. Слыша все это, я совершенно забыл про гюрзу и про все прочее. Мне было хорошо.

5

И с этим «хорошо» я проснулся. Только-только рассвело, и крепышок с мамиком спали. Простынка на мамике скомкалась. А крепышок ее вообще спинал. Мне захотелось простынку поправить. Однако я побоялся даже посмотреть в их сторону. Я прибрал свою постель, взял несессер и пошел в умывальник. На грех, подошли к крупной станции. Проводница умывальник закрыла. Я вышел на перрон. Уже по-сентябрьски было холодно, но не морозно.

– Что, вояка, не спится? Солдат спит, служба идет! – сказала проводница.

Я неопределенно махнул рукой, а потом неожиданно спросил:

– А эти мои соседи куда едут, не помните?

– Зазнобила? – усмехнулась проводница и в свою очередь спросила: – Сам-то без семьи? Да вижу, что без семьи. Куда едут, не помню. Потом зайдешь, скажу.

Я поблагодарил. Потом с обидой спросил:

– А почему это видно, что без семьи?

– Да по всему видно, – сказала проводница. – Уж я народу повидала. Семейный все равно какой-то не такой. Семейный какой-то равнодушный, что ли, успокоенный. Или наоборот, едет домой и вытерпеть не может, к жене, к детям. Или какая-нибудь рюшечка у него, маечки, носочки-платочки, тапочки.

– Да какие же платочки – из командировки едем! – возразил я.

– А черт их знает, какие. Какие-то все равно есть. Словом, не семейный ты, вояка! – сказала проводница.

– Профессионально определили, – сказал я.

– А то, – улыбнулась она.

– А вы семейная, – сказал я.

– По чему видно? – снова улыбнулась она.

– Да вот узнали, что я разведенек, но не стрельнули глазами! – сказал я.

Проводница покраснела.

– Я уж отстрелялась, – сказала.

– В смысле? – не понял я.

– Кабы не двое на горбу, которых растить надо, может быть, и стрельнула бы! – сказала она.

– Понятно, – сказал я и прибавил: – А вы вполне, очень даже!

– Да ладно обманывать-то. В свои тридцать я и баба, и мужик! – сказала она.

– Все наладится, – ободрил я.

– Не отказалась бы, – вздохнула она и спросила: – Убивать приходилось?

– Да мы всё в тылу, – отговорился я.

– Знаем таких тыловигов. В тылу в пылу, – усмехнулась она.

Я простоял на перроне до отправления, приятно пропитался холодом. Потом постоял еще в коридоре около окна и потом умывался, брился. Все это я делал медленно. Возвращаться в купе, где спала мамик крепышка, было как-то не по себе, стыдно, что ли, будто присутствием своим я мог ее скомпрометировать.

Я умылся и побрился, снова встал у окна в коридоре.

– А, – увидела меня проводница. – Сейчас! – и через минуту вышла с билетом. – Вот, Ноябрьск Свердловской железной дороги. Это где-то на севере.

– Иван Сергеевич про какой-то город Муравленко говорил, – сказал я.

– Не слыхала. На Украине, что ли? – спросила проводница и сама себе возразила. – Нет. Билет единый: Ноябрьск – Москва, Москва – Ноябрьск. Куплен сразу. Сейчас едут до Тюмени. Да ты не дрейфь, поухаживай да и вызнай. А то смотри, – она озорно и одновременно с чувством какой-то безысходности блеснула глазами. – А то ведь не посмотрю, что на горбу двое, и на твои ордена не посмотрю, возьму в плен!

– Вот вы сказали, что вам тридцать. Вы ведь и вправду хороша. Только вот разговор, интонация у вас какие-то не нынешние, а как будто постарше! – насмелился я сказать, еще вчера отмеченную особенность ее разговора.

Она усмехнулась.

– Какой внимательный! – сказала она. – Когда муж чужую машину разбил и сам погиб, а я с двумя в двадцать шесть лет осталась, да мне присудили платить за машину – я, кажется, дважды по тридцать прожила. Господи, и когда я только выплачу за эту проклятую... Каждый месяц уже четыре года вычитают, а конца не видать. Каждый месяц я на год старше становлюсь! – и вдруг вернулась к крепышковому мамуку. – Ладно. Я что-нибудь придумаю, посмотрю ее паспорт.

– Да не надо, что вы! – возмутился я и только потом понял, сколько уже успела хлебнуть эта женщина.

Не глядя в сторону крепышка и его мамика, я положил несессер в сумку и пошел к ребятам. Двери открыл Шурик-Шуруп, тоже бессонный человек. В купе отдавало перегаром. Но стол, как я всегда требовал, был тщательно прибран.

– Эх, зря ты ушел вчера, Алеша. Мы так хорошо повспоминали! – сказал он.

– Небось, до милиции дело дошло от ваших воспоминаний, – забурчал я.

– Да нет. Ржачка, конечно, стояла. Но в целом все обошлось нормально, – успокоил Шурик.

Мы посидели. Пока все проснулись, Шурик рассказал, о чем вспоминали. Вчера под водочку это было смешно. Сейчас – нет. В августе девяносто девятого перед Чечней-второй мы не получали зарплату уже несколько месяцев. Лично я Ельцину до сих пор благодарен – научил нас отец родной выживать. Вернее, не нас, а наши семьи. Мы-то, как древние схимники, сушеными кузнечиками да святым духом питались. Семьям досталось хуже. Моя ушла в это время. Я не верил. В день отправки комбриг вышиб из начфина по тысяче на отъезжающего.

Где взял их начфин, не знаю. Комбриг вышиб и, в нарушение приказа никого из расположения бригады не выпускать, отпустил нас до трех ночи по домам. Я оставил свою тысячу жене. А, нет. Я оставил ей девятьсот пятьдесят. Потому что накануне захотели мы с Добрей пива выпить, и я занял у соседа пятьдесят рублей. Но у киоска я вдруг сказал:

– Добря, давай хоть по-человечески наедемся. Давай купим корейской лапши.

Купили и наелись. И вот пятьдесят я отдал соседу, а жене оставил девятьсот пятьдесят. Добря матери оставил столько же. А пятьдесят рублей мы пропили, чтобы уж по всем законам – на войну под хмельком.

Смешные воспоминания? Очень. Как у Петросяна байки.

Ребята один за другим сходили в умывальник. Я сидел и не мог сказать простой фразы: «Ребята, скинемся, кто сколько может...» Это я, пока сюда шел, задумал собрать для проводницы, вернее, для ее двух ребятишек. И я мечтал, что ухарики мои кинут, ну, хоть по пятисотке. За четыре месяца мы заработали небольшие боевые. Но сейчас ехали, можно сказать, натошак. На водку, пиво и закуску, конечно, было, но не более. Я и мечтал о пятистах рублях с каждого. Но вдруг забоялся сказать. Я стал думать – а вдруг скажут, мол, ты чё, товарищ Че, ты чё, командир, небо не обогреешь, всех сирот в России не прокормишь. Вот так скажут – и я на всю жизнь останусь с занозой.

– Ладно, я пошел, – сказал я.

– Что-то с тобой, товарищ Че, не то! – сказал Добря.

– Да ничего, – попытался я сказать беспечно.

– Скажи, что! – пристал Добря. – Пацаны! Командиру плохо!

– Пивка? – засуетились мои ухарики. – Пацаны, пивко осталось?

– Кто же оставил! – тоскливо отозвался Фуга.

– Я оставил! – простенько сказал в дверях купе с высоты своего роста Железяка.

– Нет, я пойду, – сказал я.

Мне, правда, захотелось уйти.

– Товарищ капитан, что он нас уже второй день обижает? Разрешите взять его заложником! – возмутились ребята.

– Будут неоправданные жертвы как среди личного состава, так и среди мирного населения, – сказал Железяка.

Я схватился за слово «жертвы». Оно понесло меня, как хороший сильный светлый поток. У меня так бывало всегда при поиске нужного решения, при отдаче команды, в которой какое-то время я сомневался. И когда удавалось пересилить сомнение, то всегда получалось ступить в подобный сильный и светлый поток. И он легко нес меня, всегда нес на поверхности.

– А что, господа бандерлоги, слабо пожертвовать кое-какую сумму на одно благородное дело? – спросил я.

– А запросто! – сказали мои господа бандерлоги, явно полагая, что я имею в виду скинуться на бутылек. Во всяком случае, я так понял их и счел необходимым

предупредить.

– Надо помочь одной хорошей бабе, – конкретизировал я задачу.

– Твоей? – изумились мои господа бандерлоги. – Уже?

Намек был вызывающе толст. Однако я не обратил на него никакого внимания.

– Ребята, у проводницы муж на чужой машине разбился. Остались двое детей. И за машину присудили платить. А мы же один черт пропьем, – сказал я.

– Во, товарищ Че с утра уже себе заботу надыбал! – сказал Фуга.

– Вторую заботу, заметьте! – с тем же намеком на мамика крепышка сказал Бурят-Лиходей.

– По сколько? – спросил Шурик.

– Не было денег – и это не деньги! – положил пятисотку Добря.

– А меньше кинуть – жаба задавит! – сказал Бурят.

– Задавит-задавит, тебя, Лиходей, точно задавит, если не научишься правильно говорить! – сказали ребята, а Фуга тотчас выдал мне совет: – Ты жениться на ней не вздумай, как кто-то из революционеров женился на проститутке из публичного дома, думал, перевоспитает ее!

– Не кто-то, а лейтенант Шмидт! – сверх денег Фуги положил свою пятисотку Железяка.

– А, у них еще много детей лейтенанта Шмидта было! – сказал Бурят.

– Очень интеллектуально развитый человек вы, боец Номгонов! – вздохнул Железяка.

– Вот, товарищ капитан. Поступок старшего есть пример для младшего. Был лейтенант Шмидт, стал прапорщик Сурков! – сказал Фуга.

– Умнеее! – не стерпел я.

– Сами учили, – сказал Фуга.

Я взял деньги и пошел к себе.

– С тебя бутылка. Денег у нас больше нет! – крикнули ухарики вдогонку.

А проводница, когда до нее дошла моя затея, едва не съездила, как нынче говорят, мне по фейсу. Я другого не ждал. Русская баба не покупается. Она сама, кого захочешь, купит. И не деньгой. Но я уже был в потоке.

– На новый компьютер твоим ребятам не хватит. Но купишь с рук, – не слушая ее возмущения, сказал я. – Мы, сама понимаешь, откуда возвращаемся. Не возьмешь – в следующий раз кто-то не вернется.

Я не циник и не атеист. Ни с приметами, ни с Богом я не борюсь. Я в них не верю. Но когда верят другие, я не мешаю верить. Ребята знают, что я не верю, и тоже не мешают мне не верить. Группа у меня складывалась трудно. К созданию этих трудностей я был причастен самым непосредственным образом. Я был первым контрактником в бригаде. И я добился от комбрига формирования группы чисто из контрактников и с тем условием, что набирать буду я сам. Группа складывалась медленно. Я браковал людей беспощадно. Приходили ребята, отслужившие в боевых пловцах, в морской пехоте, в нашем же ведомстве. Как приходили, так и уходили. И разница была только в том, что приходили с

приветливой улыбкой, а уходили с отборным матом. Чего-то мне в них не хватало. Какой-то безоговорочной веры в мои требования, что ли, мне в них не хватало. Они шли, в моем представлении, служить. А мне надо было, чтобы они шли жить. И через неделю-другую я им говорил:

– Ребята, вы настоящие рейдеры! Я против вас чмо драповое. Уж простите, но я добился перевода вас в другую роту.

Это было сродни тому, как меня в свое время невзлюбил комбат. Но я так делал. А однажды во время моего отпуска комбриг принял сразу четверых пиджаков, четверых ухариков только за то, что они пришли и сказали: мы желаем служить у вас! Я вернулся из отпуска. Они встречают меня. Я посмотрел в их личные дела – ну сплошь мазутеи, стройляндия и пе – простите – хохота, то есть автобат, стройбат и пехбат. Все они о нашем ведомстве знали только из кино да книг, на обложках которых одна рожа гнуснее другой нарисованы. Такими же, как эти рожи, захотели мои пиджаки стать.

– Ну-ну, – сказал я. – Пришли. Хорошо. Но буду о вас еще лучшего мнения, если вы смоетесь из группы не завтра, а хотя бы послезавтра!

– Есть смыться не завтра, товарищ Че! – сказали они.

– Грамотные, – усмехнулся я на их знания о великом революционере Эрнесте Гевара де ла Серна, то есть Че Геваре, а потом добавил: – Грамотные и с юморком. А если грамотные да с юморком, то и устроим вам проверочку с ветерком!

С полной боевой выкладкой, в брониках пробежали мы десять километров. Посмотрел я на время – и свою рожу скривил. Для первого раза время было вполне терпимым. Посмотрел на них – еще больше рожу скривил. Хоть и язык у каждого около колен болтался, и уж, вопреки Некрасову, вода с языка давно не бежала, а вся высохла, шары, как у бешеного рака, выпучились и бельмастой пеленой затянулись, а никто не отстал. Я и скривил рожу – не по-моему получается, не желают ребятки добровольно завтра удариться из бригады в бега.

– Ладно, неплохо, – говорю. – А вот светофор на железной дороге пробежали. Каким светом он горел?.. Никто не заметил? Сбегать и выяснить!

Они же знали, что им после десяти километров сразу – на рукоход и все прочие снаряды в спортгородке, а потом еще и рукопашный бой, который, в принципе, обернется простым избием младенцев царем Иродом, то есть мной. И они вытянули десятку последними своими жилами. А тут их послали бежать еще три километра до какого-то светофора на какой-то железной дороге, которую они в упор не заметили, вместе с ее светофором. Но вздохнули они обреченно, прибрали языки, разули глазыньки и почесали смотреть светофор. Возвратились вообще никакие – кто на трех, кто на четырех мослах, истинные обезьяне. А я им ручкой делаю, мол, пожалте, господа бандерлоги, к рукоходу да к прочим снарядам. А у самого рожа еще кривее стала: слушают и исполняют – и куда мне с ними?

А туда и пришлось мне с ними, что падали, издыхали, ползком, на брюхе, на карачках, но – только вперед. Кое у кого судороги начались. Ну, думаю, слава тебе, Господи, можно снимать с проверки. Она, конечно, проверка, но ведь главное – не сломать человека. Подошел, говорю: отставить упражнение. Какое – рано радовался! Ткни, говорят, командир иголкой в мышцы. Посмотрел я на них. Пиджаки пиджаками: мазутеи, стройлянды, пе – извините – хохота. А сдаваться не желают. Ткнул. Нам не жалко. К нам в Печорской школе еще свирепее относились. Но дело не в свирепости. Дело в том, что пиджаки, а не сдаются и на рукопашный выходят, то есть практически уже выползают. Но, получается, выходят.

Отметелил я каждого, правда, не по полной программе, но по пяти минут метелил. Потом приказал привести себя в порядок и устроил проверку грамотности и интеллекта. Думал – тут точно сядут, и я хоть кривую свою рожу выправлю, возликую, мол, а что я говорил! Но... *Nec Caesar supra grammaticos*, как говаривали в Риме, что означает: не долго музыка играла – или, в данном случае: против грамматики и Цезарь не поперет. Справились мои ухарики с тестами. И осталось мне сказать себе в утешение, что это только начало. И гонял я их, и драл я с них трижды по три шкуры ежедневно. А они от моей свирепости только крепили и помышляли только, как бы лучше мои прихоти исполнить, как бы ндрав мой уважить. То есть вышло, что вот эти-то пришли сюда не служить, а жить, чем и переломили меня.

А однажды, глядя на нас, пришли ко мне парнишюночки-срочники из соседней роты и говорят:

– Товарищ прапорщик, не могли бы вы с нами позаниматься, как со своими?
И ведь правильно пришли, потому что жить хотели.

Вот такое наше ведомство. В нем чем тошнее, тем лучше. И не показатель, конечно, – но потерь у меня... а, скажу на латыни, чтобы не сглазить, потерь у меня *nullus*, то есть можно догадаться, сколько.

И при моих словах, что кто-то может из-за нее не вернуться, руки у проводницы затряслись, слезы побежали. Села она в кубрике в угол, отвернулась в окно, поплакала. Потом взяла деньги.

– Век не забуду, – сказала. – Не со мной бы случилось, не поверила бы. А ты бы знал, как с компьютером угадал. И чем же я отплачу тебе?

– Ничем, – хмыкнул я и вдруг тоже засентиментальничал: – Хоть немного ребятишек осчастливишь, тем и отплатишь!

А что еще женщине сказать?

6

В купе мамик крепышка читала. А сам крепышок тыкал игрушечным автомобильчиком в пол и приговаривал, подражая мне:

– Подними, подними!

– Да черт бы вас всех побрал! – едва не вскричал я. А вырвалось вскричать так, чтобы не разреветься, как та же проводница.

Крепышок меня не видел. Мамик же скосила глаза – надо еще раз отметить, довольно-таки красивые глаза, – и снизошла до вопроса:

– Он вам вчера надоедал?

Я не нашел, что сказать. Крепышок обернулся.

– Дядя шолдат! – обрадовался он и снова ткнул автомобильчик в пол: – Так, да?

Я опять не успел ничего сказать.

– Я прошу вас ничему его не учить. А если будет надоедать, отшлепайте его и посадите на место! – строго сказала мамик.

– Не будешь шлепать, нет? – спросил крепышок.

Я отрицательно помотал головой. Крепышок принял это за индульгенцию.

– Подними! Подними! – специально для меня отрывисто и, как ему должно было казаться, грозно закричал он, а потом вообще закривлялся, закуражился, не удержал равновесия, шарахнулся и ударился в полку, хотел, кажется, захныкать, но поглядел на меня и смолк.

Я снова подумал, что за все время он ни разу не вспомнил об отце. И за все время мамик тоже ни разу ему об отце не напомнила, не пригрозила отцовским наказанием, как это обычно делают матери. И выходил крепышок, как дети проводницы, безотцовщиной.

Я подмигнул крепышку. Он немного подумал и тоже попытался подмигнуть. Но у него зажмурились оба глаза. И сколько он ни пытался мигнуть одним глазом, у него обязательно закрывался другой. Все попытки прекратила мамик. Она одернула крепышка и посадила рядом с собой. Я принялся читать газеты, но наблюдения за крепышком не оставил. Он совсем немного посидел около мамика, тихонько слез на пол и тихонько придвинулся ко мне. Она заметила, но смолчала. Я украдкой пощекотал его. Он одним махом залез мне на колени.

– Почитай! – сказал он.

– Ванька! А ну слезай! Быстро иди сюда! – возмутилась мамик.

– Да пусть посидит! – довольно хило попытался я возразить.

– Слезай и быстро иди сюда! – с нажимом повторила мамик.

– Нет! – набычился крепышок.

Вчера его упрямство вывело меня из себя. А сейчас я этим упрямством остался доволен.

– Жили-были дед да баба. И была у них курочка Ряба! – быстро, чтобы спасти крепышка, стал я, так сказать, читать газету.

– Где написано? – спросил крепышок.

– Вот, в газете! – сказал я.

– Нет. Кулочка Ляба у мамы в книжке написана! – разоблачил меня крепышок.

– Ааа! – будто спохватился я. – Ну, тогда вот. Читайте. Далеко-далеко есть страна Дагестан. В той стране Дагестан стоит высокая гора. Называется она

Абдал-Забазуль.

– Где написано? – снова спросил крепышок.

– Вот, в газете, – сказал я.

– Да, – согласился крепышок.

Я, стараясь незаметно, поглядел на мамика. Она поджала губы и делала вид, что читает книжку, но было видно, что слушает нас и подавляет улыбку. И было видно – любую минуту она готова с возмущением вмешаться в наше, так сказать, чтение.

– Вокруг этой красивой и большой горы Абдаль-Забазуль были красивые деревни Ансалта, Шодрода, Годобери, Зеберхали, – продолжил я свое, так сказать, чтение. – И жили в них красивые и хорошие люди даги. А рядом была другая страна. В ней тоже были красивые горы и жили красивые хорошие люди. Но пришли к этим людям совсем плохие люди-ваххабиты Хаттаб, Шамиль Басаев, Аслан Масхадов во главе с главным плохим человеком Джохаром Дудаевым. Обманули они этих хороших людей и завоевали их. И напали они на хороших людей дагов, и захватили красивую гору Абдал-Забазуль. И вообще захотели они везде установить свою плохую власть, чтобы всех хороших людей угнетать, то есть бить, морить голодом, заставлять много работать, маленьким детям не давать игрушек, закрывать их в темный чулан и не пускать к маме с папой.

Крепышок от моего, так сказать, чтения заерзал, уселся поплотнее и прижался ко мне.

– Долго воевали хорошие люди даги против плохих людей ваххабитов. А потом позвали на помощь русских солдат. А у русских солдат служил очень сильный солдат Иван Сергеевич... – крепышок, видно, не понял, что речь пошла о нем, и никак не отреагировал. Я повторил с нажимом: – Очень сильный солдат Ванечка, Иван Сергеевич служил в то время у русских. «Солдат Ванечка, солдат Иван Сергеевич, помогите нам победить ваххабитов!» – позвали на помощь даги.

– Меня? – с трепетом и восхищением спросил крепышок.

– Конечно тебя, – подтвердил я. – Позвали они: «Хороший солдат Ванечка, Иван Сергеевич, помогите нам победить ваххабитов!» – «Да! Помогу!» – сказал солдат Ванечка, Иван Сергеевич, взял свое оружие...

– Нет. Он внял автомат! – поправил крепышок.

– Взял он оружие-автомат, сел в самолет и полетел воевать с ваххабитами! – сказал я.

– Да! – возликовал крепышок. – Я плохих людей ахабитов вшех убил! Вот так!.. – заизобразил он у меня на коленях страшный, но победоносный бой.

– Не так это просто, Иван Сергеевич! – урезонил я крепышка.

Но, как говорится в солдатском стихотворении про Суворова, который неосмотрительно дал команду оправиться около забора, а потом спохватился и дал команду отступить, но было поздно. Крепышок слетел с моих колен, схватил свой автомобильчик, превратил его в автомат Калашникова и с криком «Вот вам, ахабиты! Вот вам, ахабиты! Д-д-д-д!» вылетел в коридор.

Мы с мамиком враз бросились его ловить, столкнулись, оба отпрянули друг от друга так, что расселись по полкам, и пока выправлялись, со страхом глядя друг на друга, крепышок в своем милитаристском угаре все с тем же кличем священной мести ваххабитам влетел в соседнее купе и, не лучше самих ваххабитов, открыл стрельбу по совершенно мирным его обитателям.

– Ой-ой-ой! Ой, пожалей нас! – полетели оттуда мольбы о пощаде.

Мамик первой, а я следом полетели туда, вихрем, как на показательных выступлениях по захвату террористов, скрутили новоявленного ваххабита, бормотнули нечто извинительное и вихрем же вернулись в свое купе, так что забрыкался наш ваххабит с большим запозданием. Естественно, мамик выдала ему солидную порцию того, что рекомендовала мне на случай, если он превзойдет все границы дозволенного этикетом. Он справедливо оскорбился и громко заревел.

Я не сдержался и полез защищать крепышка.

– А вам не кажется, что вы все время лезете не в свое дело? Тем более что именно из-за вас он получил? – прошипела мамик.

– А вам не кажется!.. – начал было я о том, что она крепышка просто затуркала, но меня перебил пожилой мужчина из соседнего, только что, так сказать, подвергшегося нападению купе.

– Извините! Я слышу, вы уже его наказали. А не стоило наказывать. Он хороший у вас, молодец, такой политически подкованный. Ваххабитов, знает... – и крепышку: – Не плачь, солдат! Ты хороший солдат, молодец!

Но крепышок горько плакал и с надеждой смотрел на мать. Мне ничего не осталось сделать, как выйти в коридор. У окна я простоял долго, нехотя сходил к ребятам, через силу поржал с ними ни о чем.

Проводница сунула мне бумажку с адресом крепышка и мамика. Я благодарно кивнул, но не обрадовался. Я говорил себе, что у такого крепышка мать не может быть гурзой, что ее просто в жизни обманул мужчина, что и я сам такой же, как тот, так же думаю о ней всякие гадости. Я говорил, что ничего не произошло, что детей и без того наказывают в дело и не в дело, и что они, по счастью, долго этого не помнят. И крепышок, конечно, повеселел быстро. А мне все равно было безрадостно.

7

Я продержался два месяца. Потом я собрал сумку, оделся по полной форме в камуфляжку – ведь я же солдат, – и поехал. В Ноябрьске бомбила-частник довез меня до развилки на Муравленко. Восемьдесят километров я посчитал не расстоянием и отправился в Муравленко пешком. За час ходьбы мне никто не встретился и никто не догнал.

Навстречу понесло снегом, но дорога оставалась чистой. «В крайнем случае, заночую на какой-нибудь кочке, мне не впервой», – решил я.

К исходу второго часа я почувствовал сзади буравивший метель свет автомобильных фар. Оглянулся и ничего не увидел. Но обмануться я не мог. Еще вполне были натренированы мышцы и чувства – в том числе и это, уж не знаю, шестое или седьмое, но звериное. И вскоре фары мелькнули. Меня обогнал внедорожник и остановился. Передняя дверца открылась.

– Ты куда, земля? – услышал я удивленный вопрос и краем глаза выхватил довольно грузную фигуру в длинном пальто.

– Да так, по делам, – сказал я.

– Ну, садись, деловарь. Кажись, по пути! – пригласил грузный человек.

В машине было двое. Мое появление их взбодрило. Они с интересом меня осмотрели, снова спросили, куда. Я сказал. Потом сказал, что из Екатеринбурга.

– О, Екатеринбург! А мы оттуда едем. По делам там были. Оба, выходит, деловые. Я Василий, – протянул руку грузный мужчина.

Водитель тем временем вышел и растер лицо снегом.

– Сделайте вот так, быстро взбодритесь! – показал я нехитрый дыхательный приемчик, которым часто пользовался при перегрузках.

– Делай, делай! Служивый худому не научит! – заставил Василий водителя повторить приемчик, а потом спросил, где я служил.

– Мотопехотный батальон, – сказал я.

– Пехоту вижу, а мото нет! – сказал Василий.

– А мы такая пехота, у которой мото от слов «мотать мотней» происходит! – сказал я.

– Больше вопросов нет, – сказал Василий, но тут же спросил, сколько я отслужил, что заслужил и к кому еду в Муравленко.

Про службу я сказал, как было, а про то, к кому еду, сказал уклончиво.

– В библиотеку книжечки кое-какие почитать. Есть у вас библиотека? – спросил я, постеснявшись сказать мнившееся мне место работы мамика крепышка в школе.

– Да никак наша муравляночка зацепила! – неожиданно бойко для его комплекции повернулся ко мне Василий.

«Вернее, муравленочек», – подумал я, но смолчал.

– Молодец! Женщины у нас, можно сказать, национальное достояние наравне с тундрой-кормилицей! Ты не бывал в наших краях? – синие даже в полумгле машины глаза Василия полыхнули едва не электросваркой. – Мы с Максом, – он кивнул в сторону водителя, – едем из вашего Екатеринбурга, были на круглом столе в институте экономики академии наук как раз по нашей проблеме. Ты что-нибудь по проекту «Урал промышленный – Урал полярный» слышал?.. Услышишь. На круглом столе один из докладов так и назывался: «Обь-Иртышский бассейн – национальное достояние России». А я говорю: «Женщины Муравленко – национальное достояние России!»

Я с иронией улыбнулся. Вроде бы незаметно улыбнулся. Но Василий увидел.

– Улыбайся, улыбайся! – хмыкнул он. – Северяночки, как и сам север, к

себе тянут. Вот приедешь, а она тебя отошьет. Что тогда делать будешь?..

Я решил прикрыть эту тему и спросил о круглом столе – что за стол.

– Да простенький такой стол. Даже коньяк не поставили, одной минералочкой обошлись, – начал ёрничать Василий, но тоже сменил тон. – Нормальный был стол. Тема глобальная: будущее России. Возвращаться надо на Север. Только он, отец родной, нас прокормит. Другого не дано. Вот послушай и покрути шурупиками. Есть данные, что к определенному времени каждый, кто у нас в нефти и газе работает, стране зарабатывает два миллиона зеленых, то есть долларов. Это каждый. Но не только самому Северу, а и России-матушке от этих двух миллионов мало что достается. Почему? А потому, что денежка уходит за границу. Гайдар в свое время сказал, что не хрен нам в Север денежку вкладывать. Пусть, говорит, живут в балках. Дешевле обойдется. А тот же Рома Абрамович, скупивший по дешевке самые богатые промыслы, вместо того, чтобы всякие там челси кормить, хотя бы памятник своему однофамильцу Давиду Иосифовичу Абрамовичу поставил. Тот в шестидесятых годах практически весь Север от затопления спас – был такой проект затопить Север. Затопили бы – плакал бы сейчас Рома в какой-нибудь засс... конторе. А благодаря своему однофамильцу – олигарх. Но где же памятник поставить. Жаба задавит... И Россия, добывая нефти и газа в год на сто пятьдесят миллиардов долларов, становится за тот же год на триста миллиардов долларов беднее. Вот такая арифметика, такой закон экономики. А экономика – наука неумолимая. Неумолимая, но только не для нас. Нам это все по хрен. Мы знай своих олигархов да за границу кормим. Где выход? А выход в другой науке, в географии. Осваивать надо Север по-новому. Возвращаться надо человечеству на Север, то есть жить здесь не по-гайдаровски в балках на болотных кочках, а в обустроенных городах и поселках с полным комплексом удобств для труда и быта. Обосновываться надо здесь на века. Вот и был круглый стол у вас в Екатеринбурге об этом. Урал промышленный у вас, Урал полярный у нас. И задача – соединить их в единое целое. И задачу надо решать уже сейчас. Иначе ничего здесь не останется. Абрамовичи с гайдарами снимут сливки и отвалят на запад. Вот так вкратце обстоит дело. И ты нашу муравляночку с собой не забирай. Ты сам у нас оставайся.

– От нее зависит! – неожиданно для себя буркнул я.

– А ты что выше прапора не вырос? Вроде бы не дурак, – спросил Василий.

– Да был случай, повышали. Только я от такого повышения едва из армии не ушел, – сказал я.

– Как это? – заерзал Василий.

– Да просто! – сказал я и поведал, так сказать, печальную историю моего роста по службе.

Был он таков. В нашем ведомстве постоянно проводятся соревнования между группами по определенной программе. Моя группа побеждала в них неоднократно. Правда, победу за нами признали в высоких верхах только один

раз. Там были свои соображения. Да и где это видано, по их разумению, чтобы какой-то прапор выигрывал у офицеров? Офицеру за первое место дают очередную звездочку на погон и повышение в должности. А прапору? У него со звездочками и должностями – потолок. То, что я был комком, командиром группы, это не правило. Правило – когда прапор вырастает только до замка, то есть заместителя командира группы. Я же был командиром. И мне уже расти вообще было некуда. А тут решил наш комбриг меня поощрить. Он нашел мне перспективу роста.

– Леша, что тебе по лесам бегать. Пора на месте осесть, семьей обзавестись. Займешь первое место – поставлю тебя начальником столовой и ключи от отдельной комнаты дам! – сказал он.

Я чуть в санчасть не слег от такой перспективы.

Но и деваться некуда. Моя группа просто ну, не на голову, а уж на полголовы-то точно была выше всех остальных по войскам. Куда тут деваться бедному прапору? Откатили мы соревнование, заняли первое место, которое нам зачли как второе. Едем домой. В бригаде – счастье. Художники Делакруа и Суриков Василий Иванович совместно картину пишут под названием: «Прапорщик Сурков заступает на новую должность». Грибоедов Александр Сергеевич поэму «Горе без ума» сочиняет. Достоевский Федор Михайлович роман «Идиот» переписывает, фамилию Мышкин на Сурков меняет. Комбриг со всем штабом при полном параде на крылечке мнутя, ключи от столовой и отдельной комнаты на бархатной подушке вынесли.

Одним словом, подал я рапорт на увольнение от такой перспективы. Так ведь уволиться-то толком не дали.

– Мичман, ты охренел? – обозлился на меня комбриг. Он к нам из морпехов пришел и слова «прапорщик» не выговаривал. – Мичман, ты совсем того? А воевать кто будет?

– С кастрюлями и половником, что ли, товарищ капитан первого ранга? – тоже назвал я его по-флотски.

Дошло до них, что оскорбляют они бандерлога в самую печенку. Оставили меня на группе.

Вот такой был рост.

– Значит так, – выслушав, решительно сказал Василий. – Я сейчас тебя привезу в гостиницу. А завтра придешь вот сюда, – он протянул визитку. – Я помогу тебе с жильем и с работой. И твою муравляночку уговорим. Как там у вас в пехоте говорят: «Территория захвачена тогда, когда на нее ступила своим сапогом пехота!» Вот и ставлю задачу: добро пожаловать к нам на Урал полярный! Усек? Не слышу. Повторить...

Этакую, мягко говоря, фамильярность от какого-то деловара Василия я все-таки выдержал, криво улыбнулся и визитку взял, но рассмотреть ее сподобился только в гостиничном номере после душа.

Мне всегда везло на хороших людей. В визитке стояло: мэр города

Муравленко такой-то...

Я почесал в затылке. «Спасибо тебе, мэр!» – сказал я, но, как старый бандерлог, решил действовать самостоятельно. Вдвоем оно хорошо, особенно с мэром, но только не в этом деле.

8

Вообще, видимо, Егорушка Гайдар был человеком незыблемо последовательным. Обрушив всю страну в нищету, как мешок с плеча оземь, он тем более посчитал себя вправе так же поступить с Севером. Но и мы, простые людишки, ушли от него, нашего благодетеля, недалеко. Во всяком случае, я именно так и представлял северные селения, как он. Я особо, конечно, ни о каком Севере не думал. Но когда заходила о нем речь, я представлял себе черные дощатые кривобокие косоглазые с дымоходными трубами вагончики, едва не на половину всосанные в маломальскую твердую почву, черные вышки и угрюмые качалки, безрадостно матерящийся и с утра страдающий похмелиться народ, мощной грязной техникой сокрушающий все на своем пути. Чем не егорушково представление, и как после такого представления не сделать вывод о том, что на хрена нам с таким Севером возиться!

Меня и хорошая гостиница, куда привез Василий, не смутила. Подумалось как-то этак, что-де для всякого приезжего чинушества типа егорушковой челяди, конечно, расстарались, а все остальное идет прахом.

В шесть я проснулся, прибрался и, не завтракая, пошел в город. До восьми прикинул я найти крепышков дом, а далее действовать по обстоятельствам, то есть по присказке нашего комбрига, что война маневр покажет.

Морозец, согласно уральско-полярной программе, оказался за ночь хорошо прокованным. Вскоре пришлось мне вспомнить, что я уже два месяца как не служивый, и распусть у шапки уши. Блуждать от кочки к кочке, от вагончика к вагончику, как я предполагал, отнюдь не пришлось. Вышел я из гостиницы, посмотрел туда-сюда, увидел симпатичные в свете желтых фонарей пятиэтажки и пошел мимо них по аккуратным дорожкам в направлении, которое мне показалось нужным. Потом свернул туда, свернул сюда, поглазел на яркую и разнообразную расцветку домов, на множество банеров на торцах этих домов с изображением известных людей города, и отметил некоторое отсутствие зеленых насаждений, привычных в наших городах, объяснил сие полярной широтой и вышел на внушительную угловатую площадь с обкуржавленными соснами и стоящими едва не в обнимку церковью и мечетью. Я по красной расчищенной дорожке подошел к церкви, постоял просто так, отметил некоторую эклектичность ее стиля, потом подошел к мечети, отмечать ничего не стал, как бы не стал вмешиваться в дела хотя и дружественного, но не моего ведомства. Около мечети я только вспомнил крепышка и его страстный порыв в поезде покончить с вахабизмом.

– А хорошо тут должно быть ему, – сказал я, глядя на город.

Здесь же, прямо с площади, в проеме меж домами по глазам мне мазнула темная и густая полоса леса.

– И мне будет не плохо, – сказал я.

Потом я нашел нужный мне дом, сразу обдавший меня крепышковым теплом. Я поглядел на часы. Было рано.

– Шпит, и мама, наверно, шпит! – собрал я всю волю, чтобы не заулыбаться, и пошел дальше по городу, все внимательно рассматривая и прислушиваясь к себе, принимаю ли это все, и отвечая, что ж-де не принимаю, если здесь живет крепышок. Я бы и совместную нашу с Егорушкой Гайдаром картину принял.

Но то, что в этом городе в уже известном мне доме «шпит» крепышок, погнало меня обратно. Я встал метрах этак в двадцати от подъезда сначала в ожидании, что крепышок и его мамик, за два месяца и сегодняшнее утро уже утратившая это неприязненное имя, выйдут с расчетом попасть крепышку в садик к восьми часам. Потом подождал девяти часов. И потом – десяти. За это время, кажется, вышел и отправился восвояси весь дом и весь двор. А вот крепышок с мамиком, то есть с мамой, не вышел. Я несколько раз перепроверил адрес. Он был точен.

Я стал придумывать причины, по которым крепышок не вышел, ну, там, заболел и сидит дома, был уведен в садик, пока я болтался по городу, и так далее. С замиранием сердца я даже придумал, что их вообще в городе нет, что они куда-то уехали. «Война маневр показывает!» – сказал я и набрался наглости пойти позвонить в квартиру. О результате подобных маневров хорошо говорит армейский фольклор. «Собирались на стрельбы, но не поехали – оценка удовлетворительно. Собирались на стрельбы, поехали, но не доехали – оценка хорошо. Собирались на стрельбы, поехали, стреляли, но не попали – оценка отлично». То есть никто мне из квартиры не ответил. Постоял я под дверью, послушал тишину в квартире, подвязал у шапчонки ушки наверх и якобы браво покотил в гостиницу, в единственное мое в этом городе место. Без крепышка город враз стал мне чужим, как, впрочем, и все на свете.

– Уйду снова в бригаду, – зло и твердо решил я.

А в гостинице мне навстречу вышла сама метрдотель – импозантная, лет в сорок пять хохлушка с неизбывным их хохлушечьим мягким выговором.

– Ой же ж, здравствуйте! Это вы товарищ Сурков будете? – всплеснула она руками. – Очень приятно увидеть вас в нашей гостинице. Вы же ж с нашим мэром вчера приехали. Он вас разыскивает. Сам по телефону позвонил, сказал, чтобы обязательно вас к нему отправили.

Я пошел в администрацию, уже поднял ногу на крыльцо, как сзади подкатил лимузин.

– Привет, ну что? – прямо из лимузина спросил Василий.

– Исходные данные на задачу были или неверными, или неполными! – сказал я.

– Поправим! – пообещал Василий. – Ты лучше вот что...

И он за пять минут, пока мы шли в его кабинет, пока он на ходу дважды кого-

то успел выслушать и дать им указания, пока раздевался и говорил по телефону, обрисовал мне картину моей жизни в его городе. Первым мазком этой картины был вопрос о жилье, вторым – о работе. Причем, как и положено в хорошей картине, оба мазка оказывались взаимосвязанными. Будет работа – будет жилье.

– А как работу тебе выбрать, если, сколько я понял, ты умеешь только воевать! – на ходу за меня решал Василий. – Тебе с такой профессией только к бандюганам в охранники идти! – говорил он и прибавлял, что шутит, что не к бандюганам надо идти, а прямой дорогой в милицию, в пожарные, в нефтегазодобывающее управление или в электросети, еще куда-то и еще и еще.

– Погоди, Василий. Мне надо найти эту женщину. Все остальное зависит от этого! – попытался я остановить его.

– Неправильно ставишь задачу, потому и не можешь выполнить! – не стал слушать Василий. – Получил работу, получил жилье – и ищи, ухаживай, добивайся своего хоть год, хоть двадцать лет! А без работы и жилья сколько ты здесь протянешь? – и опять перешел к работе: – А может быть, ты пойдешь в школу? А что? Давай – в школу! Организуем кадетский класс. Будешь растить защитников Родины, свой опыт им передавать. А школы у нас во! И педагоги у нас во! Едва не каждый четвертый – «Отличник народного образования». Давай – во вторую школу к Ивану Адольфовичу Климовичу! Педагог, депутат, да вся семья педагоги вплоть до тещи, свояченицы и невестки! Или есть у нас Аня Хамардюк. Она в числе пятнадцати учителей России получила звание «Учитель года». Как? И тебя направим учиться. И ты, не хуже самих Песталоцци и Макаренко, педагогом станешь! Да и твоя женщина, которую ты ищешь, тоже, небось, учительница. Еще одну семейную династию создадим.

– Вот сначала ее найду и спрошу. А нет – пойду обратно в мотопехоту, – уперся я.

– Ну, мотанная пехота! – вспылал Василий. – Найдешь. А она откажет тебе. Кто ты такой? Выпал, как дверца кое из чего. Ты хоть о чем думал, когда сюда ехал. Думал: приедешь, увидишь, победишь?

По правде, я все два месяца думал о крепышке. Может быть, сказались три моих войны, может быть, сказалась контузия, может, просто время отцовства пришло, но ударило мне: хочу быть отцом этому крепышку, которого мама в шолдаты не пушкает. Ведь один растет, без отца. А что такое расти без отца? Например, у нас, в нашем ведомстве, так – ребят из неполных семей стараются не брать. Считается, что что-то с ними, даже самыми-самыми, не то. И как же я стерплю такое, чтобы с моим крепышкой было не то. Понятно, не от него зависит, быть ему без отца или с отцом. «Мама его не пушкает». Но я все равно поехал к нему и поехал-то, чтобы хоть увидеть, хоть немного побыть вместе, пока мамик, то есть мама его, меня отшивать будет. О ней самой я думать, конечно, тоже стал, но гораздо позже. И думать стал так, что обязательно

отошьет, но вдруг хоть едва-едва улыбнется, как улыбнулась, скрываясь за книжкой в купе, когда я якобы читал крепышку про Абдал-Забазуль. Вот так я ехал и думал только об этом. А теперь враз стал думать, что не оставлю я крепышка.

А Василий стал мне втолковывать всю мою жизнь на свой лад, будто без их города, без их Полярного или какого там Урала, у меня будет не жизнь, а обыкновенный капец – с заменой в этом последнем слове некоторых букв на другие.

– Да у нас здесь все себе легенду сделали, все стали легендарными людьми! – продолжал втолковывать мне Василий. – Смотри. У нас начальник нашего нефтегазодобывающего управления Шульев носит звание «Лучший в нефтяной отрасли». А наш главный хирург Гудченко – лучший на все Заполярье хирург и лучшую во всем Заполярье больницу отгрохал! Во, кстати. Может, к нему пойдешь в санитарную авиацию? В своей мотопехоте, небось, наловчился лучше всякого хирурга раны обрабатывать и перевязывать! И родная тебе авиация. Летай да лечи нашего брата нефтяника! Твоя мотанная пехота – это ведь ведеве, воздушно-десантные войска. Правильно? Вот и будешь каждый раз десантироваться! Кстати, начальник горотдела милиции у нас тоже бывший десантник, Леонидыч... И ты станешь легендой. Вот кто знает, что ты герой, что ты за свои боевые заслуги не кто иной, как живая легенда? Кто, скажи?.. Хоть один журналюга догадался о тебе написать? Кому ты нужен, хотя ты защитил Отечество! Никому ты не нужен. А у нас во как нужен! И у нас ты сделаешь себе имя! Потому что легенду и имя делает Север!..

А слова его о ненужных наших заслугах пыхнули мне все тем же Абдал-Забазулем. Встала картина нашего приезда под нее, картина, которую мы, только что прибывшая мотопехота, наблюдали с соседнего пригорка, наблюдали как какую-нибудь панораму «Штурм Сапун-Горы» под Севастополем в мае сорок четвертого или панораму Бородинского сражения. Только было это все в движении. Внизу наша десантура стоит шеренгами. Подлетает вертолет. Забирает одну шеренгу. Несет ее на Абдал. А оттуда навстречу спускается другой вертолет, несет двухсотых и трехсотых. Выгружают их, кладут тут же. И тут же другая шеренга загружается в этот вертолет. Он опять несет их на Абдал. А навстречу спускается с двухсотыми и трехсотыми тот, первый. И так весь день. Туда – живеньких. Оттуда – мертвеньких. Туда – живеньких. Оттуда – мертвеньких. А на второй день еще до рассвета ушла наша первая группа. Ночь мы не спали. И только я прикорнул в кабинке «Урала» – бежит Железяка:

– Чека, хватай санитарную сумку, хватай, что можешь! Первая группа попала в засаду! Море трупов и раненых!

Мы – туда! А что, пока прибыли, там было уже все кончено. Навстречу попалась нам одна бээмдэшка, боевая машина десанта. Пацаны везли своего водителя. У него глаза уже были на затылке. Остальное – что горит, что на боку валяется. Учитель мой по Печорской школе Андрей Иванович – напололам

раздавленный. Десантный замкомбата из пулемета коробку расстрелял – и его убило. А у пацанов паники никакой. Дядя Ваня, командир роты связи, с тяжелой контузией головы бой взял на себя. «Вы мне, ребята, дайте точку координат. Я сам не могу сориентироваться, где мы...» – попросил он и рулил боем. Вот так начинался наш Абдал, наш Балда-Дабажуй.

Василий, пока я видел свою картинку, говорил что-то еще. И до меня донеслись только слова:

– Да сам Виктор Иванович Муравленко, имя которого город носит! Вот уж легенда так легенда! Вот уж кто Север покорил. Вот без кого здесь мало бы что было!

– Сначала помоги найти. Потом продолжим разговор, – тупо сказал я.

– Эх, выдворить бы тебя из города в двадцать четыре часа. Да один Бог только знает, чего я тут с тобой вожгаюсь! – совсем обозлился Василий.

– Боженька, – сказал я.

– Что? – спросил Василий.

– Один Боженька знает, чего ты со мной вожгаешься, – сказал я.

– Какая, едри тебя, разница! – хмыкнул Василий.

– Есть разница, – сказал я.

Он еще раз хмыкнул, видимо, посчитал, что будет дороже себе связываться со мной, но снял телефонную трубку:

– Как ее фамилия?

9

Хорошо быть мэром. И хорошо с ним водить дружбу. Совсем немного, оказалось, надо было времени, чтобы выяснить, что крепышок вместе с мамой проживал в той именно квартире, которую я караулил. Но по причине простуды находился он у бабушки с дедушкой.

И через несколько дней, темным северным, то есть полярным, утром он выкатился колбочком из подъезда, остановился на миг и вдруг обернулся к матери.

– Мама, ешь Балда-Дабажуй? – спросил он.

– С чего ты взял? Нету! – явно торопясь, отмахнулась она.

– А мой папа шолдат? Он ко мне плехал? – снова спросил крепышок.

– Господи! Что за ерунду ты мелешь! Пошли быстрее! – дернула она крепышка.

– Да вот же! – крепышок выхватил руку и тем же колбочком покатился ко мне. – Папа! А ешь Балда Дабажуй? А у тебя боженька ешь? Покажи! Ты бошле не потеляшишьля, нет? – успел на ходу пропищать он, прежде чем сам Боженькой взлетел в совсем еще черное полярное небо.

– Есть Балда-Дабажуй! Есть Полярный Урал! Есть Боженька! – лова и снова подбрасывая его, выдыхал я.

А она стояла поодаль. И я не мог увидеть, улыбалась она или злилась.

Михаил КУЛИЖНИКОВ

«Ужасно мучаюсь вопросом...»

* * *

За то, что опытность в грехах,
как мудрость я ценил.
За то, что я
не тех,
не так любил
и благодать на грех менял,
Господь,
прости меня.

За то, что между Сциллой и Харибдой
я невредимым тщусь пройти,
за то, что правду путал с кривдой,
прости меня, Господь, прости.

За то, что чью-то боль
пинал, как мячик,
за то, что в горле ком,
и кто-то где-то плачет,
за то, что необузданная плоть
добру в душе мешает прорасти,
прости меня, Господь...
и за стихи
прости.

БЫВАЕТ

Кричат:
- Мужик, спешил бы в дом,
гроза идёт!
- Авось...
Ударил гром,
земная содрогнулась ось.

Досталось мужику изрядно,
а он махнул рукой.

- Да ладно...

- Мужик, гляди, живёт сосед!
Свой магазин,
поди уж, третий открывает.

А ты, доживши до седин,
сегодня сыт, а завтра нет.

- Бывает...

- Гляди, гляди, соседский сын
на иномарке разъезжает,
а у тебя подгнивший тын
вот-вот завалится.

- Бывает...

- Мужик, гляди, горит сосед!..

А мужика простыл и след -
пожар тушить он помогает.

- Мужик, сосед тебя теснил,
ты ж погорельца в дом пустил...

- Бывает...

* * *

Виктору Белову

После нас
далёкие потомки
победят все смертные грехи.

Будут жить
без революционной

ломки

и очистят воды
жизненной реки.

После нас,
презрев богатство, славу,
наши правнуки услышат Божий глас,
возродят великую державу,
если что-то
будет после нас.

* * *

Не подвластны
ни силе,
ни тлению
России
опоры
вечные -
молчание
и терпение,
да ещё
хребты
человечьи.
Опоры,
друг друга
усиливая,
государственный
держат
дом.
И крепка,
нерушима
Россия моя
на фундаменте
на таком.
И когда
под проходимцами
человечьи
хребты
трещат,
молча
кричат
в провинции,
громко
в Москве
молчат.

* * *

Исчислено
время безвременья
принесённой в жертву
страны.

Теперь
моему поколению
уже не избыть вины!
Как гвозди
в тело Мессии,
под крики толпы
зычные,
вбиты в земли России
столбы
пограничные.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ

Пружина сжата до предела.
Ещё немного, выйдет срок,
и нож кривой в живое тело
вонзит осатанелый рок.
В бесовской пляске вновь засвищет
теперь заморский соловей,
и полетят валькирий тыщи
над русской вольностью полей.
И в каждом доме смерть пребудет,
немало вдовы слёз прольют.
И вновь колокола разбудят
на печке спящего Илью.

* * *

Ужасно мучаюсь вопросом:
в чём соль земного бытия?
Зачем столкнулись носом к носу
на узкой тропке

быт

и я?

Не уступлю, ведь я упрямый,
и что мне там какой-то быт!
Я поднатужился и -
прямо,
он как стоял, так и стоит.
Упёрлись, как бараны, лбами,
глаза в глаза глядим, сопим.

Земля просела под ногами...
Неужто, жизнь
так простоим?

ЦИКАДЫ

На покой покусившись,
в окно
лезут звуки -
ночные воришки.
На столе ломтик дыни,
в стакане вино
и стихов непрочитанных книжка.
Море лижет лениво песок.
Где-то всхлипнула тихо гитара.
И цикады...
Цикады буравят висок.
И луна, как разбитая фара.
Что луна!
Сколько судеб вдрызг
расшибается в гонках за счастьем.
Тормозов опоздавших визг
разрезает Землю на части.
На меня кто-то очень похожий
уйдет
по осколкам луны
безвозвратно.
И гитара сквозь слёзы об этом споёт.
Но цикады...
Цикады смеются злорадно.

БОМЖ

Строители задание выполняют старательно.
Строят здание банка сберегательного
из стекла и бетона.
Двери дубовые весом в полтонны,
зеркальные стены, не стены - витрины.
Прибыла на смотрины
делегация ротозеев заграничных
да пара прихлебателей столичных.
Ходят.

Здание оглядывают.
Фотоаппараты к очкам прикладывают.
Начальство в гостях души не чаёт -
пузыри удовольствия пускает.

А на скамейке
с облупленной краской
сидит мужичонка
с мордочкой красной.
Бородёнка седая,
в равной фуфайке,
без рубашки,
без майки.
Между коленей зажав банку,
кильку уплетает,
спиной повернувшись к банку,
отражаясь в стене наизнанку!
У иностранцев в мозгах стало тесно.
Да... Смотрится интересно
на фоне капиталистического строительства
лицо
Без Определённого
Места
Жительства.

Виктор БЕЛОВ

ЖУКОВ

Поэма

Скульптору В.М. Клыкову

1.

Когда хватают славу на лету,
Когда о титулах вступают в споры,
Я вспоминаю серую плиту
С тремя словами:
«Здесь лежит Суворов»

Жуков славных и верных повсюду искал.
Слава ищет сама полководцев.
С Красной площади он в небеса усакал
И на Красную площадь вернётся,
Но тогда,
Когда новых поганых орду,
Иго горькое всё ж обессилим.
Эти сроки идут,
Эти сроки грядут:
Вздвогнет мир и воскреснет Россия –
Та,
Святая,
Какую не видел и Бог,
Но какая сияла из дали,
Не представить какую язычник не мог,
Та, что грезилась нам в идеале;
Та,
Святая,
Какую и Жуков успел
Перед бурным всесветным разломом, –
Он, калужской Стрелковки пострел, –
Разглядеть возле отчего дома.

2.

Отчий дом!
Ты в далёкой песчаной Монголии,
В Подмоскowie заснеженном –
Всюду, всегда,
Лишь приклонишь на час утомлённую голову,
Будто чудишься зримо.
Лепечет вода,
Соскользая со драночек в пузо ушатное.
Сверху цинковый жёлоб под крышей звенит.
Ах, как это прекрасно!
И что-то понятное
Уловить можно в звуках родимой земли
(Иностранцам сие не дано до скончания,
Ибо Русь открывается кровным сынам),
Можно в ритмах, повторах, разливах звучания
Угадать иль почуять, что близится к нам.
Эти ветры,
И тучи,
И высь голубиная,
Может, нас поглазастей от веку веков.
Не от них ли до сердца доходит глубинное,
Что не раз упасало от зги и оков?

3.

О, оковы России!
Вокруг вы и около,
Если впрямь и не спутаны вы, нога...
Вдруг ударит звонарь –
И копыта зацокали,
Из ложбины недалней нагайка врага
Просвистит по-над ухом...
То ль жуткое видится:
Путь на лобное место и крут, и дощат;
Рёв и стоны царят здесь;
И дыба там дыбится –
Ох, не сучья ломают, а кости трещат.
Под пером и в словах то сполна перемолото.
Вроде б эр иль эпох начат новый отсчёт.
Под лучами для всех,

Под серпом да под молотом
 Ряболицее время зигзагом течёт.
 И ломай себе голову, друга как выручить,
 А о чём пред Верховным язык под печать,
 Как салаг этих к празднику воинству выучить
 И смекнуть, что помощник готов «настучать».
 «Боюсь я (вот ведь в чём ещё беда!),
 Не в силах сволочь сволочью назвать я.
 Они же мне, варяги, без стыда
 По всем законам более чем братья...»
 Ну да будет о них! Верим всё же в хорошее.
 Ну-ка, рать, на равнине живей развернись!
 Мы к суровым годинам судьбою запрошены,
 Охраняем и строим достойную жизнь.

4.

Жизнь есть везде:
 В глубинах и в высотах,
 А мы – посередине вмещены.
 ...Коровка божья
 По листу осота
 Ползёт.
 А муравьи извещены,
 Что будет ливень, в холмике укрылись;
 И ласточки щебечут-говорят,
 Всё ниже проверяют легкокрылость;
 И тучи в белых молниях горят...
 О, ропот грозной лишь на час Природы!
 К нему прислушаться ль нам, брат, с тобой, –
 В глубинах и в высотах нет народа,
 Посередине – бой, убойный бой!
 Победы взлёт, надолго ль он пребудет?
 И жизнь на всей планете – до поры.
 Как щебет, мысль:
 «Не лезьте в боги, люди,
 В себе взлелейте светлые миры!..»

5.

Миры, миры...
 Откуда и докуда
 Простёрты вы?

Вселенная одна?
 Земля, она, как чаша иль как блюдо,
 Пришельцам, нам, Природой подана.
 Здесь было всё отлажено по срокам,
 И червь, и зверь... – любому свой шесток,
 Не ведали понятия порока,
 И человек не сразу стал жесток.
 Когда же понял, нет его превыше
 В лесах, в горах, в глубинах – нет нигде,
 Гордыня родилась.
 Он с камнем вышел,
 Потом – с копьём, с ружьём...
 «О, быть беде!» –
 В тревоге осознал Природы Разум
 И стал искать спасенья от неё.
 И есть теперь евангельские сказы,
 Тьма вер-врагов и это вот... бытьё.
 Вулкана взрыв, цунами... – мчатся вести.
 Миллиарды жертв попробуйте-ка счесть.
 А может, всё затем, для равновесья,
 Чтоб не смогли её, Природу, съесть?
 По континенту враз не убывало?
 И в чём она, Природа, неправа?
 Случайных войн пока что не бывало,
 Они в башках зародышем сперва.
 Душа бывает птицей сизокрылой?
 Бывает жизнь до мерзости пошла?
 Америку б Европа не открыла,
 На Русь бы вся давно уже пошла.
 Природе, знать, нужны и люди-гниды,
 Болезни, мор... Мы – горе и вина.
 Миры, миры...
 Когда мы вас увидим?
 Лишь сын подрос, а на порог – война.

6.

«Вставай, страна огромная,
 Вставай на смертный бой!..»

«Москва! Как много в этом звуке...»
 И с ним в огне в одно слилось:

Народ, Суворов, Сталин, Жуков...
 И отступленья кровь и злость
 Перерастают в ярость грозно,
 И вот – откуда что взялось,
 Когда не рано, но не поздно
 Солдат поднимет в гору воз?!
 Всегда та силушка являлась
 И на скаку, и на бегу,
 Она любовью измерялась
 К земле. И не понять врагу,
 Смикитил как крестьянский парень
 И там и там всё так решить,
 Смогла чтоб Русь под дых ударить,
 И дело прочно завершить.
 Порой историков вопросы
 Тянулись аж до наших дней –
 Кто Кирпонос*, «План Барбаросса»
 Кто смял? И что есть Мидуэй**?

...А Жуков среди друзей надежных
 Открыт и весел, где ты, грусть,
 Коль «невозможное возможно»,
 Коль, вникнуть,
 Есть святая Русь,
 Она покуда неизбывна
 Со всеми пришлыми людьми.
 – Дойдём, ребята, до Берлина!
 От Курска что тут, чёрт возьми! –
 А сам-то знает с болью в сердце:
 «О, сколько их ещё, потерь?!»
 От них неверно отвертеться
 Словчит союзник и теперь.

Словчил.
 Но – «Наше дело правое.
 Мы победили».

*М.П. Кирпонос – генерал-полковник, командующий Особым Киевским военным округом, затем – Юго-Западным фронтом.

**Мидуэй – остров в Тихом океане, у которого 4 июня 1942 года американские летчики сокрушили мощнейший флот Японии.

7.

С годами всё дороже простота,
Побольше дел, поменьше разговоров.
Мне памятна могильная плита
С тремя словами:
«Здесь лежит Суворов».
Ни мрамора, ни бронзы рядом нет,
Цветы – и те глядят чуть-чуть сурово.
Как много надо одержать побед,
Чтоб так звучали три негромких слова.

Ю. Николаев, «Могила Суворова».

После викторий жалует смута,
Тяжкая славных пора.
Это, вестимо, нужно кому-то,
Чтоб удержалось Вчера.
Право без грани, взыска и меры –
Пытка его отнимать,
Выдаст оно в свой срок изуверов –
Плача, открестится мать.
С виду-то будто сладко живётся,
Званье у всех на устах,
Но как слышат шаг полководца –
Выбелит катушек страх.
Спите спокойно, колкий Суворов,
Ваша фортуна жива:
Втёмную Жуков мечется в сборах –
Лишь бы подальше Москва.
Светят ещё костры поночёвок,
С рыбкой поносит суму,
Он же сумеет взять Горбачёва –
Берия имя тому.
Будут – корабль, и чайки, и горы,
Вкусит опалушки вновь,
Встретится та, для коей он – Жора,
Небо пошлёт им любовь.

8.

Любовь и гнев, проклятья
и молитвы
Блистают остриём мечей своих
И дух мой превращают в поле битвы.
Григор Нарекаци,
«Книга скорбных песнопений», X век.

Ещё не жили –
Век уж на исходе,
Как этот день в закатных облаках.
А время отмеряется природой
Пока в доисторических веках.
Кому судить, какие сеем зёрна?
К желанным ли движениям близки?
Народ не возносил молитвы
чёрной
И не построил мира по-людски.
Когда душа сама есть поле битвы,
Постигнем ли в итоге всех порух,
Что мощен дух народа
не молитвой,
Молитва опирается на дух?!

9.

...Что ж думать о слабости душ,
Ущербности разума – ныне,
Когда нас покинула сушь,
Под грозами преет калина,
Когда исчезают скворцы,
Комар кровожадней акулы?
Я чую начала, концы
И знаю, где встать караулом.
Но кто мне поверит,
коль Бог
Миллионам,
миллионам Антихрист
Уж если сейчас не помог,
Поможет по смерти.
А истин
Я, может, один на земле

Вещун со вселенской дороги,
 Прозыркал я всё и во мгле
 И вам сообщаю в тревоге:
 Там длилось Живое кольцо,
 Что нас, подлецов, сберегало
 И душу имело, лицо...
 Земля в него смрад извергала.
 И вечность крепка до поры.
 Не ждите второго явления.
 На тверди творят топоры,
 Надмирное есть накопленье
 Разумной энергии,

той,

Что нас и щадит в катаклизмах,
 Какую прозвали святой, –
 Не познанной нами при жизни.
 И всё ж Православие есть –
 Последняя, видно, опора
 Для праведно ценящих честь
 И падших вздымающих в гору.
 Играйте торжественный туш,
 Под рок поминайте калину!
 Что ж думать о слабости душ,
 Ущербности разума – ныне?!

10.

Умом Россию не понять...

Ф.И. Тютчев

Умом и поняли её
 Враги
 И сделали уродом.
 Ума палаты у неё
 Другие понимать народы.

11.

За новизной бежать смиренно

Народ бессмысленный привык...

А.С. Пушкин

Третья война мировая
 Тихо в Россию пришла,
 Словом коварным взрывая
 Души людей и дела...

12.

Поднимайся, святая Россия!

Что же с Родиной сделалось, братцы?
С ног на голову ставят Союз.
Не пора ль нам во всём разобраться?
Подпевай, кто душою не трус.
Никогда не бывало так горько,
Беды мчатся с любой стороны.
Будьте прокляты, Минька и Борька –
Два иуды великой страны!
А злодеи уж рушат Россию,
Иностранцам готовят жильё.
Все богатства снесли да скосили,
Заправляет повсюду жульё.
Мироеды давно возмечтали
В исполненье привести приговор.
Видит Бог, мы рабами не стали,
Помним лавку и знаем топор.
Нет, у нас не истрачены силы,
Хоть об этом, ликуя, трубят,
Поднимайся, святая Россия,
Лишь сама ты спасаешь себя!

Февраль 1992

Пока по всей России
Слышится в ответ:
– Куда идти?
– Где Жуков?
– Жукова-то нет!

13.

Ему могилой Русь-земля,
Какую кто осилит?
Ему плитой стена Кремля,
Но нет его в могиле.
(Что клясть вотще тот злой огонь,
Зажжённый здесь не нами?).
Его унёс весёлый конь
В рассвет, в лучи, под знамя.

14.

Как будто в бурях есть покой...

М.Ю. Лермонтов

Земля несёт себя сквозь бури
 Из века в век,
 из века в век...
 И в каждой утренней лазури
 Надежду видит человек
 И космос шарит торопливо
 И взором жадным и рукой
 И губит светлые порывы,
 Иконой выставив покой.
 Покой кому? Душе и телу?
 Отрада разуму – права?
 А космос выше ставит дело.
 И, может, нас мудрей трава,
 Когда несуетно к лазури –
 Вглядимся! – тоже тянет бег.
 ...Земля несёт себя сквозь бури
 Из века в век,
 из века в век.

15.

НАБАТ

Победы предков,
 Дерзость полководцев,
 Вся за Россию пролитая кровь,
 Всё то, что нашей славою зовётся... –
 В колокола сердец ударьте вновь!
 Да грянет гром и явится веленье
 Восстать и правый подвиг совершить!
 О, русичи!
 Предстанем поколеньем,
 Коварство помешавшим довершить.
 Нам быть иль нет,
 Самим решать, как прежде.
 Да будет всяк для извергов – редут,
 Утроим силы верой и надеждой
 И – с Богом!
 Оккупанты не пройдут!

16.

О Родина!
Скажи и укажи,
Покуда вширь и вглубь не опустела,
Когда и на какие рубежи
Нести нам ярость, кровь свою и тело?
Велик наш грех
Пред Небом, пред Тобой.
Что делать,
Мы отступников потомки.
Но мы – твои.
И в нас жива любовь.
Вели, тотчас в поход сберём котомки.
Но ты молчишь,
И слышит мир,
Как инородец в облике мессии
От имени тебя бурчит в эфир:
«...Ефолмы, эволюция, оссия...»
Они тебя лишили языка.
По взгляду мы поймём ещё друг друга.
О Родина!
Окинь свои века –
Высоты есть, ветра твои упруги!

Февраль 1994

17.

Кстати, о ветрах...

Скульптор Вячеслав Михайлович Клыков рассказал:
«Пришёл ко мне поэт.
– Я написал поэму о маршале Жукове,
хотел бы вам почитать.
– Почитайте.
Точно прочитанного я, конечно, не помню,
но там были примерно такие слова:
И спросил я у вдовы солдата,
Где стоять памятнику Жукову?
И ответила вдова солдата,
Памятнику Жукову стоять
на Красной площади.

Через какое-то время вновь пришёл тот поэт с предложением почитать поэму о маршале Жукове.

И я услышал:

И спросил я у вдовы солдата,
Где стоять памятнику Жукову?
И ответила вдова солдата,
Памятнику Жукову стоять
на Поклонной горе.

И ещё раз пришёл поэт (я понял, газеты читает!).

Теперь я услышал:

И спросил я у вдовы солдата,
Где стоять памятнику Жукову?
И ответила вдова солдата,
Памятнику Жукову стоять
на Манежной площади.

Я сказал ему:

– Уважаемый поэт! Может быть, оно тут всё у вас и ничего, но как-то не очень нравится мне ваша вдова...
Поэт ушёл. Видимо, навсегда».

18.

Э ти сами уйти не захотят.
Их выкинет собственный страх.
Россия – колосс, а не прах.
«...Россия – не человеческая пыль и хаос. Она есть прежде всего великий народ, не промотавший своих сил и не отчаявшийся в своём призвании. Этот народ изголодался по свободному порядку, по мирному труду, по собственности и по национальной культуре. Не хороните же его преждевременно! Придёт исторический час, он восстанет из его мнимого гроба и потребует назад свои права!»

И.А. Ильин

19.

Я России холмы облечу как пчела.
Стану яд изготавливать в ночь.
От укусов моих не упрячут чела
Те, кому обречён я помочь!

20.

Скачи, гонец!

Ужели ты, Европа, и теперь
Не осознаешь вызревшей угрозы?
Сама Россия распахнула дверь;
Как ты хотела, льются кровь и слёзы.
Гребут богатства даже из Кремля,
Тебя везут, везут за океаны.
Ухо, злодей! Качается Земля.
Её не чуют под собою рано!
Алмазный, рудный не иссяк поток,
Кровавый – не иссякнет скоро тоже.
На Русь уперил зенки и Восток,
И мыслится она ему прихожей
Его краёв, где люда несть числа,
Где также ненавидят несвободу.
О Русь! Надежды светом упасла
Не ты ли всех в буранные погоды?!
Европа, знай, опять нам зла хотеть
Тебя заставили. И ты в аркане.
Опасность всюду изнутри на треть,
Как ржавчина, в народы проникает.
Что дверь распахнута, быть может, рок.
Судья тому, верней всего, Всевышний.
Мы целый век себя казним в урок
Кому? Ты мнишь, тебе он будет лишним?
Захочешь возгласить нам: «Исполать!»,
Когда весь мир по шву России треснет?!
Ну что ж, нам первым выпало пылать.
Какой ещё мы не достойны чести?!

21.

Отчий кров тот,
Как в тыщах селений,
Сгорел,
Но глядит на Россию у дома
В Мармыжах и в Стрелковке игривый пострел
И опять – пред всесветным разломом.
Что за бремя такое несёшь ты века,

Воедино,
Народ-богоносец,
Собирая пространства?
Тебе далека
Эта мысль да и сей мой вопросец.
«Коммунизм» «переварен».
А гниды и вши
Оголили себя перед миром.
Масскультуру о т т у д а –
Без чувств и души –
Не внедрить им.
И «рынок» отринем.
Знать, повелено космосом
Быть и найти
Нам дороги особого рода,
Чтоб гордыня исчезла,
Не знали витий,
Чтоб землян не боялась Природа.
Справедливость, свобода –
Венцом впереди
(Хватит чаши на всех, как и блюда),
И его не дано навсегда утвердить
Без соборного русского люда.
Он покуда разрознен.
Но слёзы и боль
Закипают и вызреют в ярость.
Вот тогда-то и будет народной судьбой
Полководец запрошен.
Являлась
Небывалая сила в Отчизне всегда,
И крушила врагов эта сила.
После бед и потерь, после ссор и стыда
Русь достойных на щит возносила.
Мы сегодня не сами ль поганых орду
Развели тут? Усвоим «науку»?
Гляньте,
Минин с Пожарским
В селенья идут,
И Донской
И Кутузов,
И Жуков...

Жуков славных и верных повсюду искал.
Слава ищет сама полководцев.
С Красной площади он в небеса ускакал
И на Красную площадь вернётся.

Декабрь 1995

Тазрет БЯЗРОВ

ДВОРНЯЖКА

Повесть

Глава 1
ВСТРЕЧА

Группу советских специалистов, прибывших для работы в Конакри, встретили двое соотечественников. Они приветствовали их как старых друзей и помогли без особой волокиты справиться в аэропорту со всеми таможенными формальностями. Чувствовалось, что эти люди уже имеют немалый опыт жизни среди туземного населения.

Супруги Захаровы прошли контроль без осложнений. Затем досматривались вещи Беловых. Всё шло нормально. Вдруг Беловы замешкались. Громоздкая картонная коробка никак не протискивалась через узкую проходную.

– Что в коробке? – строго поинтересовался таможенный чиновник.

– Кухонная утварь и канцелярские принадлежности, – ответил Артур Белов.

– Допустим, – с ехидной улыбкой произнёс коренастый таможенник и, схватив перевязанную бельевой верёвкой коробку, поволок её по проходу. Волочил грубо. Картон лопнул. Из коробки посыпались кухонные вещи, а вместе с ними тяжело выскользнула и пишущая машинка «Эрика».

Белов сдержал себя, думая, что грубость чиновника таможни объяснялась тем, что ему надоели бесконечные нарушители порядка.

– Почему в декларации не указана пишущая машинка? – в голосе чиновника послышалось раздражение, и он с силой пнул разорванную коробку, сожалея, очевидно, что этого иностранца, нерадивого пассажира, нельзя прямо сдать в полицию.

Не слушая объяснений, таможенник приказал Артуру поставить пишущую машинку в сторону. Затем достал бланк протокола и заявил:

– Подлежит изъятию...

– Дорогой патрон, ничего не предпринимайте, пока я не вернусь, – попросил таможенника один из встречающих «старожилов» и торопливо удалился.

«Сокрытие» машинки подогрело интерес чиновников к багажу Беловых, но ничего недозволенного там не оказалось.

В ожидании возвращения коллеги Артур оставался у стойки. С любопытством разглядывал помещение аэровокзала, присматривался к пёстро одетой публике, снующей в зале, прислушивался к речи африканцев, чей французский звучал с

национальным акцентом совершенно по-особому.

Ожидание затягивалось, и Артур переключил своё внимание на чиновников таможенной службы. Бросались в глаза их высокомерие и медлительность. После того, как с ним обошлись так грубо, Артур был готов ненавидеть этих людей.

В это время объявили посадку на рейс Конакри—Будапешт, и мирный гул голосов в зале ожидания взорвался как вулкан. Все белые пассажиры засуетились, выстраиваясь у второго контрольно-пропускного пункта. Образовалась нетерпеливая очередь, слышались возмущённые голоса.

Кажется, назревал скандал.

Артур недоумевал: зачем эти люди устроили такую унижительную толкотню. Вспомнил, как в Москве советовали им брать пример с европейцев, которые якобы не толпятся, а спокойно, с достоинством выстраиваются в очередь, не создают никаких столпотворений даже у трапа самолета. А тут?..

Вскоре причина такого ажиотажа прояснилась. Болгарин, отработавший по контракту в Гвинее три года агрономом, отбывал домой в компании зелёного попугайчика-неразлучника.

Зная о строгом запрете на вывоз попугаев из страны, он спрятал его, заключённого в миниатюрную проволочную клеточку, в рукав пиджака, накинутого на плечи, чтобы беспрепятственно пройти через таможеню. Но случилось непредвиденное — в самый неподходящий момент попугай поддал голос. Таможенник потребовал выпустить его на волю. Хозяин отказался, объясняя, что птица подарена ему гвинейскими крестьянами ещё птенцом, и что за эти годы попугай привязался к человеку и уже приучен к кормушке. На воле его ждёт неизбежная гибель... За попугая вступились и остальные пассажиры рейса.

В этот момент на помощь к дежурному таможеннику подоспел один из его коллег, видимо, рангом повыше. Он потребовал предъявить официальное разрешение на вывоз птицы, но тут же был атакован пассажирами. Такая настойчивость иностранцев задела самолюбие гвинейца. Он схватил птицу, но та оказала сопротивление.

Артур видел, как попугайчик вцепился клювом в палец чиновника, и, помогая себе когтями, цепко держался на его руке. Чиновник вскрикнул и, выскочив из толпы, резко размахивал рукой, будто стряхивал что-то липкое.

Птичка не удержалась, оторвалась и, даже не успев раскрыть крылья, мягко стукнулась о кафельный пол прямо у ног Артура.

Теперь зелёный попугайчик, по-видимому, ушибленный, безмолвно сидел на полу, разглядывая шумную толпу.

Зажимая кровоточащую ранку, кипящий негодованием чиновник потребовал, чтобы немедленно убрали птицу из таможенной зоны.

Словно поняв угрозу, попугай взлетел и, описав полукруг под потолком, опустился на плечо своего хозяина. Таможенник в бешенстве метнулся к нему — и произошло нечто невероятное. Одним движением он оторвал птице голову и отшвырнул её, а ещё трепещущее в агонии тельце со струящейся тонкой ниткой

крови протянул хозяину. Дескать, только таким образом запретный объект может пересечь границу.

Болгарин принял на раскрытую ладонь окровавленный комочек перьев – всё, что осталось от его друга, и в следующую секунду рухнул в обморок. Началась посадка, которая больше походила на траурную церемонию.

Наконец появился долгожданный соотечественник в сопровождении начальника таможенной службы и двух носильщиков. Артуру разрешили забрать злосчастную пишущую машинку. Так закончились таможенные формальности, но у прибывших специалистов оставался неприятный осадок от странного происшествия с попугаем.

Из аэропорта выехали на университетском «рафике», набитом багажом.

Чемоданы, баулы и коробки с вещами громоздились даже на крыше микроавтобуса. Люди разместились кое-как в салоне, но, после инцидента в зале ожидания аэропорта, не сразу пришли в себя. Несколько минут в «рафике» царил молчание.

Ехали быстро. Скорость сбавили только в черте города. Пассажиры «рафика» прилипли к окнам. Интерес к новому миру разгорался с каждой минутой.

Улицы столичного города Конакри были многолюдны. Белову никогда не приходилось видеть сразу столько людей черной расы. В Москве он встречался с африканцами, но очень редко. В Харькове о них только слышал. Вспомнил, как однажды стал свидетелем шушуканья студентов в библиотеке имени Короленко. Один сообщил другому, соседу по столу, что своими глазами видел негра у кинотеатра, в очереди за билетами. «Ну, и как он выглядел в обществе белых харьковчан?» – шепотом спросил сосед. «Ясное дело, – ответил первый, – как муха в стакане молока»...

Здесь же, в Конакри, чёрные люди маячили на каждом шагу, стройные, тонкие и высокие, будто вышли из-под пера юной художницы Нади Рушевой. Европейец выглядел бы здесь белой вороной, и, пожалуй, портил бы чистоту впечатления от «чёрного континента».

Африка, оставаясь верной своей экзотичности, ошеломила новичков дивной природой. Даже в черте города красовались стремительно возносящиеся ввысь пальмы, увенчанные опахалами веерообразных листьев и кокосами, роскошные манговые деревья, редкой красоты фламбуяны в цвету, обширная крона которых служит днём приютом для певчих птиц, а ночью – местом сборища летучих собак. И всё это рядом с бескрайним океанским простором.

Новички, поражённые открывающимися видами, продолжали всматриваться в общий городской пейзаж. Вдруг микроавтобус затормозил перед перекрёстком, и все пассажиры оживились, разговор вернулся к эпизоду в аэропорту.

– Дикость... – заметил один из старожилов, но сейчас же оговорился: – Похоже, таким способом этот таможенный чиновник решил преподать иностранцам урок уважения к законам своей страны. Давайте забудем эту нелепость.

- Но это жестоко! – возмущённо произнесла Виталина Захарова.
- А кто спорит... Не сомневаюсь, что гвинейцы и сами это понимают.
- Хотелось бы верить.
- Успокойся, Виталина! – прервал её муж.

– Довольно, друзья мои. Мы тут в гостях. А в чужой монастырь, как говорится, со своим уставом не ходят, – разрядил обстановку «старожил» и поспешил сменить тему разговора.

Микроавтобус набрал скорость. Только теперь, в пути, представилась возможность поближе познакомиться с коллегами-старожилами. Один из них, которого называли Алексом, уверенно вёл «рафик», не обронив ни слова за всю дорогу. Другой назвался Аркадием Аркадиевичем Зубовым и являлся старшим группы русских преподавателей Конакрийского университета.

Зоя Белова сидела у окна. Весь её облик сразу выдавал её профессию – школьный учитель. Невысокая, уже не первой молодости, Зоя, тем не менее, была неотразимо привлекательна. Немного старомодная высокая причёска делала Зою выше, шла к её большим глазам и слегка вздернутому носу. Ещё в аэропорту Аркадий Аркадиевич заметил: «Попади Зоя Ивановна в Америку, её непременно пригласили бы в Голливуд сниматься в ролях русских красавиц бальзаковского возраста».

Рядом с Беловой устроилась Виталина Захарова, молодая шатенка с гладкой молочно-белой кожей и ясными глазами, журналист по профессии. Одета в простой дорожный костюм с плотно облегающей бёдра юбкой, она сидела, выставив в проход длинные стройные ноги. Аркадий Аркадиевич упёрся в них глазами и умолк. Не имея возможности изменить позу из-за тесноты в салоне, смущённая Виталина решила делать вид, что ничего не замечает.

Наконец Аркадий Аркадиевич опомнился и отвёл глаза. Такое с ним бывало нечасто. Он не принадлежал к числу тех, кто от одного присутствия красивой женщины начинает терять голову. Но красота Виталины была особенная, какая-то трогательная: ласковые глаза, глубокий голос. «Наверняка она займёт место первой леди в группе. Ей ещё придётся испытать на себе ревность преподавательских жён», – подумал Аркадий Аркадиевич. Эти мысли его встревожили. В маленькой общине советских специалистов и без того хватало неприятностей. И главным источником их, как правило, были «неработающие жёны», как они значились в официальных документах.

Старший группы занимал в университете должность русского декана объединённого медико-фармакологического факультета, а здесь, в салоне «рафика», он выступал в роли экскурсовода-наставника. Свои пояснения Зубов пересыпал французскими фразами, произнося их на русский лад – твёрдо. Этой особенностью произношения грешили те преподаватели из России, которые обучались языку уже в почтенном возрасте.

Среднего роста, лет сорока с небольшим, с гладко выбритым лицом почти без загара, Зубов Аркадий Аркадиевич сидел сразу за спиной водителя

вполоборота к новичкам. Деловитый, энергичный, скупой на улыбки, он, казалось, мог сходу ответить на любой, даже самый замысловатый вопрос. Сдвинутые брови на удлинённом лице придавали Аркадию Аркадиевичу суровый и несколько агрессивный вид.

Несмотря на это, Зубов сразу вызвал расположение вновь прибывших соотечественников. История с «контрабандной» пищущей машинкой на таможне без него могла бы обернуться крупными неприятностями. Он и в пути, не теряя времени, наставлял новичков.

– Поначалу вам придётся заняться устройством своего быта, – объяснил Аркадий Аркадиевич. – В прошлом году на это давали неделю, в этом – не больше трёх дней. Но и три дня для нас роскошь. Только немцы продолжают придерживаться недельной нормы. Для них инструкция – закон. У нас другой порядок. Свой интернациональный долг мы выполняем не только по инструкции, но и по совести, и это, я считаю, правильно. Неудобства можно перетерпеть, окупятся...

«Перетерпеть! – невесело подумал Артур. – И здесь, и дома одно и то же. Сколько же надо терпеть в одной человеческой жизни?»

Не найдя ответа, он взглянул на Захара.

Захар Захаров, спортивного склада круглолицый блондин, гигант в сером костюме без галстука, сидел в напряжённой позе. Хорошо зная его, Артур чувствовал, что Захар устал от перелёта и новых впечатлений и тоже не разделяет трудового энтузиазма старшего, но в разговор не вмешивается. Приятели называли его молчуном. Даже Белов, самый близкий из друзей, не всегда мог расшевелить его. Захар терпеть не мог разговоров о деньгах, о начальстве и особенно – о политике. Охотно говорил о своей профессии хирурга, спорил. Но от всего, что касалось наболевших вопросов общественной жизни, отгораживался молчанием. «Тебя хорошо в тыл врага забрасывать!» – язвил Артур, но это не помогало.

Артур, жадно ожидавший встречи с африканской экзотикой, слушал и пристально всматривался в открывавшийся ему новый мир. Отметил, что прохожие на улицах города не суетятся, не спешат. Среди них преобладает молодёжь.

Вместе с тем удручали грязь, скверная одежда горожан, ухабистые дороги, разбитый городской транспорт. Покорёженные ржавые автомобили-долгожители, гремя и тархтя, проносились мимо, готовые вот-вот рассыпаться на ходу. Как будто автомобильное кладбище ожило и двинулось по улицам столицы. «Такая нищета среди богатейшей природы!» – с вздохом подумал Артур.

Зубов, словно прочитав мысли Артура, принялся рассказывать бородастый анекдот про африканца-бездельника:

– Не знаю, сами ли гвинейцы его сочинили или кто из европейских бизнесменов, но здесь он в ходу... Лежит, значит, бедный негр в тени под деревом, худой да тощий. Европейец и говорит: «Ты, друг мой, вскопал бы землю,

посадил что-нибудь, вырастил бы урожай, продал, и появились бы у тебя деньги»... «А потом?» – спрашивает негр. «Потом прикупишь ещё земли, расширишь посевы...». «А потом?» – гнёт своё негр. «Опять купишь земли, соберёшь большой урожай, удачно продашь, разбогатеешь, и будешь отдыхать спокойно». «А я что сейчас делаю?» – удивился негр и, глянув на бизнесмена, как на дурака, закрыл глаза и всхрапнул...

Здесь, среди городских кварталов, внимание новичков как бы раздваивалось. Продолжая слушать Зубова, они с любопытством поглядывали в окна. Наконец автобус резко сбавил скорость и свернул на второстепенную улицу.

– Обратите внимание на городскую парикмахерскую, – кивнул по ходу автобуса Аркадий Аркадиевич. – Очереди, как видите, никакой, – с иронией добавил он.

– Где вы видите парикмахерскую? – спросил Артур, так и не обнаружив ничего похожего.

– Алекс, поезжай помедленней! Она как раз перед вами... Вот на том углу, видите? На самом людном месте, – Зубов указал на ветхий навес, напоминающий заброшенную автобусную остановку, где можно было спрятаться от палящих солнечных лучей.

Клиентов было двое: один, постарше, сидел на земле и, отчаянно жестикулируя, толковал о чём-то с хозяином заведения, другой, совсем мальчишка, восседал на стуле. Над его кудрявой головой трудился ручной машинкой парикмахер.

– Не знаю, как по-вашему, друзья мои, но, по-моему, клиенты не испытывают никаких неудобств.

– Но ведь там даже зеркала нет! – возмутилась Виталина

– И воды тоже нет! Всё оборудование парикмахерской – единственный стул, – пояснил Зубов. – После работы хозяин уносит его, а под навес загоняет коз.

– А куда смотрит санитарная служба? – не унималась Виталина.

– Проезжаем Донку, – Зубов как бы не расслышал вопроса, – Взгляните – за оградой, в глубине двора, находится главный корпус Центральной клинической больницы, где вас уже ждут... А тот домик, что поближе к нам...

Но дальнейшего Артур уже не слышал. Прямо по ходу автобуса у дороги стояло гигантское дерево, и его размеры просто поражали воображение. Основание чудовищного ствола занимало в ширину весь тротуар вплоть до ограды больницы, захватывая ещё и метра полтора проезжей части. Рядом с ним автомобили выглядели игрушечными. В этом стволе, будь в нём дупло, можно было разместить средних размеров гараж. Поразительно, как на этом сухом краснозёме мог вымахать такой гигант.

Позже Артур узнает, что необыкновенное дерево – это декоративная сейба. Подобных ей в столице оказалось ещё две: одна, давно высохшая, возвышается над городом и уже много лет служит дневным маяком для рыбаков, далеко уходящим в океан. Другая была срублена и лежит теперь посреди городского

квартала как реликтовый гигант.

По пути попадались и другие деревья, не менее диких для европейца, но сейба всё ещё занимала мысли Артура. Даже высунувшись из «рафика», он не мог охватить её всю целиком одним взглядом. Верхушка кроны, уходящая в поднебесье, казалась слишком высокой даже для птиц.

– Ну, вот мы и дома... Поздравляю с благополучным прибытием на африканскую землю! – торжественно объявил Зубов, когда автобус затормозил перед пятиэтажным зданием гостиницы «Камайэн». Здесь же открылся океанский простор.

Дверца «рафика» распахнулась, и послышались незнакомые голоса встречающих, собравшихся на открытой площадке перед входом в гостиницу. На площадке стоял маленький столик, а на нём красовался роскошный букет тропических цветов и пузатый графин с водой. За столиком выстроились трое мужчин и женщина, с улыбками произносившие слова приветствия.

Церемония встречи привлекла внимание и местных жителей – вокруг толпилось множество гвинейских детишек. То один, то другой подбегали к женщинам, настойчиво повторяя одни и те же слова: «Бонбон, мадам, бонбон!..»

– Что они хотят? – глядя на детей, спросила Виталина.

Зоя Ивановна, преподававшая в школе английский, догадалась сразу, и тут же вспомнила, что в сумочке у неё ещё осталось несколько карамелек, которыми она спасалась в самолете.

– Просят конфет! – произнесла она, роясь в сумочке. – Кажется, есть, – обрадовалась Зоя Ивановна

Карамелек не хватило только одному парнишке, как раз тому, который принимал их и раздавал другим, более застенчивым. «Бонбон, мадам!» – повторил мальчик, глядя в упор на Зою Ивановну. Расстроенная женщина с чувством провинившейся широко распахнула сумочку и молча показала её парнишке – мол, смотри сам, конфет больше нет. Ни секунды не раздумывая, парнишка выхватил из сумочки блестящий патрон губной помады и бросился наутёк так быстро, будто за ним гнались. За ним метнулись на другую сторону улицы и остальные мальчишки. Там они окружили своего вожака, стали делиться конфетами, разглядывать помаду, а затем с хохотом пробовать её подкрашиваться. Наконец с шумом умчались куда-то.

– Утолите жажду! – предложил один из встречающих и тут же пояснил, что здесь, на экваторе, холодная вода заменяет нашу «хлеб-соль». Посыпались остроты, раздался смех. Знакомство земляков из СССР состоялось на берегу Атлантического океана.

Окинув взглядом здание гостиницы, Зубов сообщил:

– Жить вы будете, можно сказать, в собственном доме. Гостиница построена на средства Союза в рамках экономической помощи. Удобства в наличии, в этом вы убедитесь сами. Проблема пока что только одна. Обычная чиновничья волокита с устройством. Но не беспокойтесь, я этим займусь сам. Пусть ваши

вещи пока полежат в машине, а мы пойдём атаковать гостиничную администрацию. Проходите в холл, отдохните, там прохладнее... Да, Алекс, дорогой, тебя я попрошу остаться с новичками, ведь они для нас сегодня больше, чем просто гости.

– Почему бы, в таком случае, не начать с ресторана? – шутливо заметил Артур.

– Советую вам, товарищ Белов, оставить свои ресторанные замашки, вы не в своей стране, – проговорил Зубов. Голос его звучал жёстко, почти угрожающе. Резко развернувшись, старший отправился «выбивать» номера для прибывших.

Артур на мгновение опешил. Он ничем не заслужил такого грубого упрёка. Он вовсе не был любителем спиртного. Его реплика была просто банальной шуткой, навеянной попавшейся на глаза вывеской: «Restaurant».

Откуда было знать Артуру, что с этим гостиничным рестораном связано убийство харьковчанина, о чём одно воспоминание вызывало душевную боль у «старожилов»...

Ждали долго. Наконец в дверях появился сам Аркадий Аркадиевич с целой свитой и сообщил, что администрация гостиницы «Камайэн» согласилась предоставить один-единственный номер тому из претендентов, кто по списку значиться первым.

– В алфавитном порядке зарегистрировали только вас, товарищ... Да, вас! – подтвердил Аркадий Аркадиевич тут же, едва Белов успел назвать свою фамилию. – Вторую семью придётся разместить в жилмассиве Донка, где в основном и проживают наши преподаватели.

Все засуетились.

«Коварный ты, Аркадий Аркадиевич! – рассерженный мелкой мстостью старшего, возмущился в мыслях Артур и тут же восхитился его находчивости: – Как просто и быстро нашёл способ лишить меня возможности проживать среди коллег...»

Досадно было ему, что так неудачно начинался первый день в стране его мечтаний. Однако со стороны всё выглядело на редкость счастливо для него. Негритянские дети, собравшиеся вокруг приезжих, с завистью смотрели, как перетаскивали вещи Беловых в комфортабельную гостиницу.

Только после этого Аркадий Аркадиевич подошёл к супружеской чете Беловых и, разведя руками, дескать, он тут ни при чём, пожелал хорошо устроиться, а на завтра просил Артура явиться к нему на Донку.

– Ну, друзья! Устраивайтесь. Увидимся завтра, – произнёс на прощание Аркадий Аркадиевич последние наставления и вместе с остальными покинул гостиницу.

Артур почувствовал себя изгоем: один, отвергнутый соотечественниками, в чужом краю на берегу Атлантического океана. Но он не дал разгуляться тёмным мыслям. Знал, что вразумлять кого-либо в такую минуту и доказывать чью-то несправедливость – значить распалить страсти и давать повод для сплетен и

пересудов.

Весь остаток дня в гостиничном номере Артур вместе с Зоей занимался разбором багажа и расстановкой домашней утвари.

На утро следующего дня Артур перевёл свои часы с московского на местное время с разницей в один час и, помня приказ руководителя группы преподавателей явиться к нему на приём, собрался на Донку.

Глава 2 ДВОРНЯЖКА

Отправляясь на Донку, Артур Белов не ведал, что неожиданные обстоятельства свяжут его крепкой дружбой с существом, страдания которого не поддаются описанию. То, что будет рассказано в этой повести, – лишь бледный отпечаток истории поистине трагической. И то, что главный герой – не человек, а животное, не делает её менее драматичной...

Расставаясь с женой на несколько часов, Артур затруднился назвать точное время возвращения «домой» – в гостиницу. Он впервые окунулся в жизнь чужого города и не мог предвидеть все обстоятельства, обусловленные местными особенностями, непредсказуемыми для новичков.

К автобусу Белов вышел заблаговременно и решил ждать на площадке перед гостиницей.

Улица и перекрёсток, хорошо обозреваемые с этого места, как и сама площадка, оказались пустынными. Вдруг, откуда ни возьмись, появилась тощая собака с длинной и грязной шерстью то ли серого, то ли палевого цвета, с редкой россыпью тёмных пятен на спине. В нескольких метрах она остановилась и уставилась в глаза Артуру с явным желанием угадать настроение человека. Не найдя в его взгляде никакой неприязни, собака повиляла облезлым хвостом, затем опустила на задние лапы и приняла монументальную позу: смотри, мол, вот я вся перед тобою.

Так с достоинством, подобающим воспитанному субъекту, собака выразила дружеское расположение Белову. Через минуту, почуввав его молчаливое одобрение, она на полусогнутых лапах придвинулась к нему вплотную. Этим унижительным пресмыкательством она сразу уничтожила впечатление от монументальной позы. Собака улеглась у ног человека, словно преподнеся себя в подарок.

Доверчивость собаки к незнакомому человеку, не выказывавшему ей никаких знаков внимания, вызвала недоумение. Артур гадал: «Быть может, бродяжку привлекает моя сумка? Так она пуста, да ещё и отдает удушающим запахом новой искусственной кожи. Собака не может не чувствовать этого...» Что же её привлекло? Человеческая логика была бессильна понять такую молниеносно возникшую симпатию животного к незнакомцу.

Положив морду на передние лапы, собака продолжала лежать спокойно,

словно была уверена в том, что нашла надёжного покровителя. Однако Белов не спешил демонстрировать дружеские чувства чужой собаке в чужой стране.

Выждав две-три минуты, бродяжка вскочила и, не оглядываясь, засеменила по набережной. Решительным уходом она как бы демонстрировала белому человеку свою независимость и глубокое разочарование в нём, таком сухом и равнодушном. А может быть, приглашала Белова следовать за собой, обещая быть его проводником в новом мире...

Шагах в десяти-пятнадцати от Артура собака остановилась и, подняв морду вверх, стала принохиваться.

«Значит, учуяла что-то», – подумал Белов.

Спустя минуту бродяжка возвратилась и улеглась у его ног, но уже не с робостью, а бесцеремонно, запросто.

Декабрьское небо было ясным, и красный диск солнца, едва поднявшись над горизонтом, побелел и начал припекать основательно, как и вчера днём. Утренняя заря здесь такая же короткая, как и вечерняя. На улицах появились школьники начальных классов в разноцветных одеждах. Не все они были одеты аккуратно. Один из мальчиков то и дело подхватывал свои сползающие шорты. Позади него спешили две тоненькие девочки и хихикали над ним. У одной из них платьице съехало с плечика набок, словно у кокетливой дамочки. Сойдясь в школьном дворе, дети подняли галдёж, будто крикливая стая птиц перед взлётом.

Артуру было непривычно видеть такую массу негритянских детей, и он стал внимательно присматриваться к тому, что творилось в пёстром мире привилегированного класса гвинейцев. Они вели себя в точности, как и белые дети, словно бы резвились маленькие европейцы в негативном изображении: одни – спокойные и ровные, другие – весёлые и игривые, третьи – неугомонные шалуны и драчуны. Но были и отличия. Например, школьные учебники некоторые дети носили на голове, как это принято у многих народов Африки. «Каким же надо обладать чувством равновесия, каким мастерством балансировки...», – удивлялся Артур. Он был особенно поражён, когда увидел девочку, тонкую как тростиночка, которая умудрилась водрузить поверх кипы книг на голове ещё и чернильницу-невыливайку с торчащей из неё ручкой. Девочка шла раскрепощённой походкой вместе с подружкой и, казалось, за разговорами забыла о сооружении на своей голове. Лишь некоторые дети были со школьными ранцами.

– Здравствуйте, доктор Белов! – неожиданно Артур услышал за спиной незнакомый голос и, обернувшись, ответил незамедлительно:

– Здравствуйте, но, извините...

– Понимаю, понимаю, вы только что приехали и никого ещё знать не можете. Буду вашим первым знакомым здесь, если вы не против.

Это был белый мужчина средних лет, опрятно одетый в летние кремовые брюки и в такого же цвета футболку. Он говорил с мягким, едва уловимым

акцентом, по которому очень трудно было определить национальность.

– Я Стоянов, из Болгарии, – протягивая руку, представился мужчина, – биолог, профессор Софийского университета. Здесь я с прошлого года, живу на том же этаже, куда поселились и вы, работаю по персональному контракту.

– Рад знакомству с вами, профессор...

– Обращайтесь ко мне на ты. Мы ведь коллеги...

– Отлично, я обязательно приму ваше предложение, но для этого не достаёт сущей малости, профессор Стоянов...

– Пётр, Пётр Стоянов!

– Очень приятно, Пётр Стоянов...

– Просто Пётр.

– Опять не так... В таком случае, признавайтесь сразу, как вас по батюшке?

– Да никак. Отчество у нас не принято...

– А мне, как я понимаю, и представляться не надо?

– Это правда. О вас уже известно, но не всё... Вы профессор какого профиля?

– Клинического. Но я не профессор.

– Это не важно. Здесь всех преподавателей называют, как и во Франции, профессорами. Учёные степени и звания советских специалистов здесь не проходят.

Артур всё же представился по имени и отчеству, решив и на чужбине не отступать от традиций своей родины.

– Что же мы стоим, Артур Александрович? – переминаясь с ноги на ногу, проговорил Стоянов и, не решаясь уже переходить на «ты», добавил: – Я, собственно, направлялся лично к вам. Вы ждёте свой фургон?

– Автобус...

– Он не придёт. Звонил старший группы ваших советских преподавателей гостиничному администратору и велел вам явиться на Донку не позднее десяти утра.

Артур был рад случаю пройтись пешком и увидеть жизнь одного квартала настоящего негритянского города. От великодушного предложения болгарина – проводить – он отказался.

– В таком случае, есть прекрасный провожатый, – сказал Стоянов и кивнул в сторону собаки. – Она проводит вас даже с завязанными глазами. Только не давайте её в обиду местным гражданам!

Артуру Белову предстояло сделать первый шаг в страну невиданной экзотики, и он хотел его сделать самостоятельно. Но собака вскочила раньше, чем Артур успел сдвинуться с места, и засемила впереди. Каким чудом она разгадала направление пути, для Артура осталось тайной. Хотя он догадывался, что эта африканская бродяжка наверняка понимает русские слова. Белов последовал за ней.

Проходя мимо школьного двора, он стал свидетелем дикого эпизода. Из одноэтажного здания, где уже начались занятия, выкатилась клубком группа

детей школьников, волоча одного из своих сверстников, пытавшегося вырваться из их цепких рук. Добравшись до середины двора, дети остановились и под победные крики повалили мальчика, крепко прижали его к земле. За ними следом вышел стройный молодой человек. Наступила мёртвая тишина.

Молодой человек, видимо, школьный воспитатель, держался с важностью. Негромким голосом он произнёс короткую речь на местном диалекте, затем указал пальцем на нескольких учеников, как потом выяснилось – «палачей» и, отойдя в сторону, воскликнул командирским голосом: «Ай!»

Группа детей расступилась, словно бы узел какой развязался и, окружив кольцом своего пленника, ждала следующей команды. Тощий мальчишка десяти-двенадцати лет, перестав сопротивляться, оставался лежать на земле вниз лицом и ждал своей участи.

После второй команды «Ай!» от живого кольца отделились две пары детей, одна из которых, натянув жертве на голову его же рубашку-безрукавку, обнажила мальчишке спинку; другая стянула с него шорты. Секли его прутиками по ягодичкам. Мальчик кричал.

Потрясённый увиденным, Белов забыл о бродяжке. Но бродяжка сама подошла к нему и коснулась мордочкой его ноги. Артур обрадовался, что собака оторвала его от удручающего зрелища, и продолжил путь.

Собака бежала впереди, время от времени останавливалась, приседала на задние лапы и, не оборачиваясь, дожидалась, пока Артур не подойдёт и не коснётся её ногой. Только тогда она решалась взглянуть ему в глаза, мол, не бойся, я с тобой, и трусила дальше. Она чувствовала, когда расстояние между человеком и нею увеличивалось, и, не оглядываясь, останавливалась и дожидалась Артура.

Такая трогательная забота о нём пробудила первые дружеские чувства Артура к собаке. Убедившись не только в разумности, но и в заботливости животного, Белов не мог не проникнуться к бродяжке доверием. Так и шли гуськом по узкой обочине дороги, зажатой проезжей частью улицы с одной стороны, и хижинами с другой.

Глинобитные лачуги были облеплены множеством пристроек, сделанных в разное время, и напоминали пчелиные соты. Невозможно было выделить в этом хаосе «материнскую» хижину, к которой лепились потом «дочерние».

Площадки между отдельными конгломератами комнатух использовались жителями как дворики. Под открытым небом люди занимались различными хозяйственными делами – чистили и мыли кухонную посуду, стирали бельё, некоторые готовили пищу над примитивным очагом.

В одном из двориков, впритык к обочине дороги, Белов увидел самодельное рыбокопильное устройство. Над костром возвышалась цилиндрическая дымоходная труба, приспособленная из железной бочки. На ней сверху лежала металлическая сетка, на которой и была разложена выпотрошенная рыба. Густой дым валил из трубы через сетку и окутывал каждую рыбину. Женщина,

управлявшая этим оборудованием, не обращала никакого внимания на всё, что происходило на улице.

Дальше взгляд Белова привлекли хижинки, подступившие вплотную к дороге. Через дверные проёмы, завешенные тряпками, люди выходили прямо на обочину дороги. У одной из хижин лежал на раскладушке старик. Перед ним сидел мальчишка пяти-шести лет. В руках он держал самодельный музыкальный инструмент: жёсткая палка прикреплена к пустой жестяной коробке, от которой к свободному концу палки была натянута одна блестящая струна. На ней, как на скрипке, мальчишка демонстрировал старику своё музыкальное мастерство. На пороге той же хижины стояла молодая женщина и с улыбкой любовалась монотонной игрой мальчишки.

Белов кивнул им головою и поздоровался. Женщина нежным голосом произнесла слова приветствия по-французски, но коряво, с явным местным акцентом, чем придала им душевную теплоту.

Проходя мимо следующего двора, Белов увидел падающую с неба обезьянку. Она глухо стукнулась о землю, пружинисто подпрыгнула на месте, живо подлетела к стволу дерева и легкими прыжками устремилась по нему вверх, волоча за собою верёвку. Но верёвка предательски натянулась, бедняжка на мгновение повисла в воздухе и опять полетела вниз.

Обезьянка, видно, не хотела мириться с жизнью в неволе и рвалась к верхушке дерева. Там она видела свою свободу. Животное не отрывало глаз от кроны, не понимая, почему его свобода измеряется длиной верёвки.

Оглядевшись, Белов увидел молодого человека, который сидел на корточках у земляной горки, похожей на термитник, и стирал песком нагар со сковородки. Артур с тоской смотрел на непрекращающиеся прыжки и падения обезьянки. Её хозяин, приняв Белова за покупателя, вскочил на ноги и направился к нему.

Тем временем Артур разглядел крону дерева, куда рвалась бедная обезьянка. Это была разветвлённая папайя, усеянная плодами, похожими на крупные баклажаны. Они росли плотными рядами, как подвески. В то время как шло созревание крупных плодов нижнего «этажа», на верхнем завязывались новые плоды. «Баклажаны» на каждом уровне прикрывались веерами широких листьев.

– Добрый день, господин! – стискивая руку Артура, поздоровался негр.

– Добрый день, патрон! – ответил Белов. – Ваша обезьянка?

– Купите. Все белые люди покупают их только у меня.

Стало ясно, что хозяин выставил глупенькое существо для рекламы. Белов упрекнул его в жестокости.

– Что вы, доктор, эта же обезьяна, она играет! – проговорил негр и спросил ещё раз: – Будете покупать?

Белов ответил отказом и продолжил путь. Впереди показалась срубленная гигантская сейба. Она лежала поперёк всего городского квартала и, словно Китайская стена, разделяла его на северную и южную части. Край ствола, косо срезанный у самого основания, лежал на пне и возвышался над хижинами. По

нему, отполированному до блеска, скатывались с криками восторга дети-подростки, как с ледяной горки, кто на пузе, а кто на ягодицах.

Не желая менять привычные маршруты, жители разделённого квартала приставили к стволу лежащей сейбы с обеих сторон, как к некой старинной крепости, примитивно сколоченные штурмовые лестницы, переход по которым не прекращался, по-видимому, от зари до зари.

У южной штурмовой лестницы Артур увидел двух разговаривающих женщин. Одна стояла налегке и с милой улыбкой внимательно смотрела в лицо собеседницы. Другая, держа на голове огромный таз, переполненный мокрым бельём, и привязанного к спине спящего ребёнка, возбуждённо говорила и жестикировала. Чувствовалось, что женщины никак не могут наговориться, что они хорошие знакомые или соседки, которых теперь разделила сваленная сейба.

Наконец собеседницы разошлись. Женщина с улыбающимся лицом, обогатённая новостями с «юга», перелезла через ствол сейбы на свой «север». Другая, прямо на голой земле, разложила простыни, рубашки и детские вещи для просушки, а высохшее бельё, лежавшее рядом, поднимала, встряхивала и складывала в освободившийся алюминиевый таз.

Поглядывая на мальчишек, состязающихся в скоростном спуске с горки и в дальности полёта с трамплина, Артур с удовольствием вспомнил свои школьные годы. Дети были увлечены своим занятием, и не было им дела до белого прохожего. Однако один, самый младший, побежал навстречу Белову, но вдруг остановился в двух-трёх шагах, нахмурил брови и, развернувшись, бормоча что-то, вернулся обратно к своим.

Другие ребята прекратили игру и, став как истуканы, пожирали Артура подозрительными взглядами. Мальчишка, добежав до своих, показывал ручонкой в сторону Белова и возбуждённо лопотал. Теперь дети недоброжелательно поглядывали на белого незнакомца. Белов, стараясь не смотреть в их сторону, поспешил дальше. Только теперь он заметил, что бродячая собака семенила чуть ли не у самых его ног.

– Так это ты, бродяга, семенила следом за мною и напугала подбежавшего ко мне негритёнка? – возмутился Артур, поняв, наконец, от чего вдруг так шарахнулся мальчишка.

Стоило миновать место, где стояло воинственное племя маленьких гвинейцев, как собака опередила Белова и заняла место проводника. Казалось, можно было продолжать путь. Но неожиданно дети кинулись вдогонку с улюлюканьем, и начали бросать в собаку чем попало. Получив удар тяжелой палкой, она завывала от боли, подобрала под себя ушибленную ногу, прижалась к «хозяину».

Нападение мальчишек на собаку вызвало негодование Белова. Он вспомнил наставления Стоянова «Не давать собаку в обиду местным мальчишкам», и прикрикнул на них как можно строже по-русски: «Прекратите!».

Дети остановились, но палок и камней из рук не выпускали. Белов, хотя и

видел, что окрик его подействовал, но, не зная ещё местных нравов, стоял в ожидании дальнейших действий противной стороны. Между ними и группой детей была «нейтральная зона», и по обе её стороны понимали, что шаг вперед будет сигналом к бою. В этот момент из-за спины зарычала собака, словно заявляя: дескать, стою на страже, чтобы защитить тебя от негров, мой бесценный хозяин.

Обернувшись, Артур увидел звериный оскал и злые глаза собаки. Она судорожно напряглась и держала хвост палкой, что свидетельствовало о её решимости сразиться с целой оравой вооруженных чернокожих подростков. Белов, понимая неизбежность повторного нападения озлоблённых детей на беззащитное существо, решил не оставлять свою провожатую без присмотра. Он положил ладонь на голову собаки. Та не отозвалась на ласку и продолжала рычать на детей.

– Умница! – ласково произнёс Артур, и тогда собака взглянула ему в глаза и завильяла хвостом. Затем гавкнула один раз, присела осторожно, и, продвинув вперед заднюю ногу, лизнула на ней ушибленное место.

Артур обернулся к детям, намереваясь просить их оставить животное в покое. Но их и след простыл. «Усовестились и разбежались по хижинам», – решил Артур. Не будучи уверенным, что нападение на его спутницу не повторится, Артур перешёл вместе с нею на другую сторону улицы, где не было жилых домов, а вместо них тянулся высокий глухой забор.

Освободившись от страха преследования, бродяжка трусила опять впереди «хозяина», но уже не аллюром, а на трёх ногах, поджав четвёртую под брюхом. Бежать ей было труднее ещё и потому, что обочина дороги оказалась местами заросшей бурьяном.

Перед глазами Артура на противоположной стороне улицы красовались деревья, возвышавшиеся над одноэтажными саманными постройками. Они были ему уже знакомы, но не все... В глубине квартала Артур приметил дерево, на котором росли калebasы – крупные плоды, как пузатые глиняные сосуды с узкими длинными горлышками, похожие на графины для воды...

«Надо запечатлеть!» – возникла отличная идея, и он снял с плеча «Зенит» с телеобъективом...

– Господин, здесь нельзя фотографировать! – окликнул Белова по-французски высокомерным тоном мужчина. Артур оглянулся и увидел двух военных с нарукавными нашивками.

– Извините, не знал... А где можно? – спросил он безотчетно, не осознав всей сложности встречи с патрульной службой.

– Нигде. Ваши документы?

– В чём дело? Я иностранец...

– Это мы видим! – ответил коротко старший по званию и, обернувшись к своему напарнику, приказал забрать у Белова фотокамеру и осмотреть.

Белов подчинился требованию патруля и, отдав фотоаппарат, предъявил свои личные документы старшему. Только теперь он вспомнил, как их

предупреждали ещё в Москве официальные лица Минздрава на лекциях и беседах, что в Гвинее строгий запрет на фотографирование и киносъёмки.

Артур попытался аргументировать свой поступок исключительно любовью к африканской природе:

– Я хотел заснять калемасовое дерево.

– Запрещено! – произнес старший патрульной службы и, разглядывая документы, устроил Белову нудное и долгое дознание.

Артур ответил на все вопросы, стараясь не выказывать своего волнения.

– Откройте сумку! – твёрдым голосом потребовал старший патрульный. Белов раскрыл её широко и продемонстрировал пустое дно сумки. Всё выглядело убедительно: ответы задержанного иностранца совпадали с данными досмотра и сведениями в документах. Старший, показывая своему напарнику кивком на открытую сумку, произнёс что-то на местном диалекте. Тот аккуратно вложил в неё фотокамеру.

– Идите! – приказал наконец старший.

– Куда?

– Куда шли, туда и идите. Только не смейте больше вытаскивать из сумки свою фотокамеру. Забудьте о ней, пока вы в нашей стране.

– Спасибо, господа, что предупредили, – сказал Белов и стал прощаться.

– Доктор, не забудьте принести дань уважения нашему государственному гимну! – прокричал ему вслед старший патрульный и местом почтения назвал ближайший перекрёсток...

Другой патрульный, стоявший как насупленный бык, сделал широкий шаг к собаке, хотел было ударить её в бок грубым ботинком, но промахнулся.

Глава 3 ДОНКА

После «дознаний с пристрастием» патрульной службы романтическое настроение Артура Белова улетучилось. Он перестал разглядывать достопримечательности жилого квартала, по которому шёл следом за бродяжкой. Но за дорогой следил, хоть и без интереса, и ещё издали заметил в конце улицы оживленный перекрёсток, снующих людей и движение городского транспорта. Собака, дойдя до перекрёстка, остановилась и, присев на задние лапы, приняла позу ожидания. За перекрёстком возвышалась высокая арка с огромной вывеской: «Донка». Это был въезд в центральную клиническую больницу – «Донка». Здесь же, на площадке у ворот, толпились люди.

Нагнав свою провожатую, Белов прошёл дальше, но дворняжка, к его удивлению, даже не шелохнулась. Артур, замедлив шаг, оглянулся раз, другой... Собака оставалась всё в той же монументальной позе с безразличным видом, как неживой объект, чуждый всякой суете.

Вдруг из-за высокого забора, скрывавшего за собою какой-то другой мир, грянула музыка. Собака, оглядевшись по сторонам, оживилась, будто сказала себе: «Пора!» – и поспешила вперёд. Она перебежала перекрёсток, углубилась в толпу чернокожих граждан, проползла на животе под вертушкой и оказалась в пустынном дворе больницы.

Артур удивился хитроумному расчёту собаки, а больше всего – железной выдержке негров, под ногами которых она так нагло переползла границу, словно незамеченная часовыми. Ни один из них, стоявших по стойке смирно, не сделал даже малейшей попытки дать пинка нарушительнице порядка.

Продолжая идти, Белов едва не столкнулся с одним из горожан, остановившимся на середине перекрёстка. Движением руки тот задержал Артура и строго приказал постоять молча, пока военные не поднимут флаг на верхушку мачты. Только теперь, посмотрев в сторону, куда кивнул ему горожанин, Белов увидел торжественный строй вооружённых солдат в расположении военного городка, обнесённого высоким забором. Он понял, что поднимается государственный флаг Гвинеи в сопровождении гимна страны, и на это время всё вокруг должно замереть. И замерло.

Бродяжка, изучив порядки на этом перекрёстке, терпеливо ждала начала торжественной церемонии, которая парализует всё движение в городе и откроет ей путь к беспрепятственному проникновению на запретную территорию больницы.

Флаг был поднят, музыка замолкла, и всё ожило опять.

Толпа засуетилась у проходного пункта, а когда Белов подходил к больничным воротам, уважительно расступилась и пропустила его к калитке.

– Проходите, доктор! – предложил чернокожий мужчина из-за стойки пропускника и повернул железное крыло вертушки.

Артур был тронут общим вниманием и своё почтение толпе выразил поклоном.

«Такое благосклонное и откровенное уважение туземцев к моей персоне есть очевидная заслуга наших врачей, работающих в этой стране. Об этом надо будет помнить всегда и не ронять достоинства», – думал он, шагая по территории главной больницы страны.

Озираясь вокруг, Белов нигде не заметил людей в белых халатах и посетовал, что пришёл с опозданием, когда во всех отделениях уже начались планёрки.

В это время из-за кустов послышался голос бродяжки. Она гавкнула, и в том месте зашелестела листва. Артур присмотрелся, но не мог её обнаружить в густых зарослях бананового кустарника. Внутренним чутьём он ощущал, что роль этой собаки даже больше, чем просто роль провожатого. Через минуту лай повторился, но уже из-за домика, над дверьми которого висела табличка с надписью «Laboratoire», где работали русские специалисты, куда, собственно, он и намеревался идти.

Услышав французскую речь, Белов оглянулся: из главного корпуса выскочили трое мужчин в белых халатах и стали что-то обсуждать. Чувствовалось волнение.

Из группы отделились двое негров, третий, белый, хромавший на одну ногу, двинулся за ними, но быстро отстал. Он проковылял ещё несколько метров, затем остановился и наблюдал за своими коллегами.

Всё это Белову показалось любопытным, и он задержался в тени мангового дерева. Крупные плоды с пожелтевшими боками свисали на длинных ножках. Артур не удержался от соблазна и сорвал один, весом с килограмм. Ветка, одарив человека сочным плодом, зашелестела и ушла вверх. Белов же, в ожидании развития событий, разглядывал диковинный плод. Тем временем перед окнами лабораторного помещения, куда устремились двое в халатах, совершенно нагой молодой стройный негр стоял и делал рукой призывные знаки. Его-то и изловили те двое, заставили надеть брюки и силой поволокли в сторону главного здания больницы.

Собака, наблюдавшая всю эту процедуру, выскочила из-за домика и проводила всех лаем, да таким усердным, будто задержание нарушителя порядка было исключительно её заслугой.

Артур улыбнулся, поняв, что бродяжка своим лаем предупредила его об «опасности», и, оставив её в покое, направился к бледнолицему хромому. Не рискуя попасть в неловкое положение, Белов обратился к нему по-французски:

– Добрый день, доктор! Подскажите, пожалуйста, где можно найти русского декана Аркадия Зубова?

Мужчина в халате ответил не сразу, вернее, он и не ответил, а только уставился Артуру в глаза и спросил тоном прорицателя:

– Вы Белов?

– Да! А вы наш... Русский?

– Семён Михайлович, психиатр, заведую отделением этой больницы. Кстати, голый извращенец, которого волокут сюда, тоже мой больной... Так о чём вы?

– Мне на приём к Аркадию Аркадиевичу, – напомнил Белов.

– Вы опоздали. Он просил передать, чтобы вы устраивались в гостинице. Через два-три дня он найдёт вас.

Артур спросил, как ему отсюда выйти к жилым домам соотечественников.

Семён Михайлович показал рукой и объяснил:

– Туда!.. Но для подстраховки берите *chiienne savant* (дрессированная собака). Так называли её местные жители. Она страшно тоскует по хозяину и готова служить любому белому... Отправляйтесь во-о-н по той тропинке. Она заканчивается низким забором, перелезете через него, и откроется вам вся советская резервация. Буду рад видеть вас, приходите, – сказал на прощание Семён Михайлович.

Забор оказался полуразрушенным, и собака перелезала через него, ступая осторожными шагами, хотя и могла одолеть одним коротким прыжком. Белову почудилось, что она учит его, как надобно перебираться через развалины, и он улыбнулся собственной мысли: «улучить подходящий момент и поговорить с профессором Стояновым о разуме животных».

Территория на задворках Донки оказалась запущенной. Если тропинка по больничному двору была проторенной среди высохшего бурьяна, то здесь, за каменной оградой, она распалась на стёжки, и надо было долго выбирать место среди сухих зарослей и мусора, куда можно поставить ногу, чтобы сделать следующий шаг.

Донка представляла собой несколько малоэтажных обшарпанных зданий на железобетонных сваях. В Москве Артуру говорили, что советские медики живут в добротных домах. Разница между теми утверждениями и действительностью была разительной.

– Артур! – окликнул Белова знакомый женский голос, как только он выбрался из грязных задворок. – Где Зоя?

Это была Виталина.

– Я один.

– Не беда. Надо поспешить. Сумка с тобой? Мы заняли очередь...

– Распределитель закрыт. В нём отоваривается провинция, – перебил Виталину один из обитателей Донки, проходивший мимо с авоськой продуктов в одной руке и брезентовой сумкой, тоже полной, в другой.

– Что ещё за провинция? – с недоумением спросила Виталина.

– А-а! Простите... Вы, видимо, из новичков будете?

– Да.

– В таком случае объясняю: советские контрактники работают не только здесь, в столице страны, но и в глубинке. Я имею в виду преподавателей, лаборантов, хозяйственников. Этого добра много в Канкане. Это провинциальный городок. Там открыт филиал «нашего» Политеха, а также лицей, есть ещё экспедиция Красного Креста... Всех «посторонних» клиентов нашего распределителя не перечислить. Они и есть «провинция». А я – Юрий Иванович Шеборшин, родом из Одессы, но московского разлива, лучший патологоанатом здешних мест и самый отпетый бездельник в Политехе.

– Кто бы вы ни были, но в любом случае от скромности не помрёте, – пошутила Виталина,

– Как сказать. В здешних местах другие потрошители не водятся. Я – единственный, потому и лучший.

– А почему тунядец? – спросила Виталина и рассмеялась.

– Ничего не поделаешь, Гвинея – страна религиозного фанатизма. Мне не дают на вскрытие умерших. Здесь убеждены: «Бог дал – Бог взял и ладно».

«Старожил» Донки, Юрий Иванович пришёлся по душе новичкам простотою общения. Виталина подала ему руку, представился и Артур.

– Что же вы не покинете страну, пока не растеряли все свои навыки? – продолжил разговор Белов.

– Из-за Кваме Нкрума...

– Виталина, где ты там? – со второго этажа раздался голос Захарова. – Зови Артура и идите к нам.

– Прошу прощения, я, кажется, сболтнул лишнее... Вы хоть не берите с меня пример, – произнес с досадой Юрий Иванович и простился: – Увидимся!

– Этого парня сходу не понять. Он то ли пошутил, то ли в самом деле испугался, но кого? Тут же все свои? – недоумевающим взглядом Виталина проводила удаляющегося патологоанатома.

– Откуда ему знать, кто мы, – сказал Артур. – Видно, он такой, как и я, сначала говорит, потом думает. За это приходится платить. О Кваме Нкрума он наверняка проговорился. Честно говоря, не могу припомнить, чтобы сообщали о похоронах этого лидера... Может, его тело тайно сохраняется у Шеборшина в морге?

– Тогда пусть не болтает.

– Я тоже так думаю.

– Вчера, между прочим, старший интересовался тобою, – сообщила Виталина. – Спрашивал, любитель ли ты прикладываться. Я начала убеждать его, что ты и в рот не берёшь.

– А он что?

– Ничего. Только одно слово: «Посмотрим», – ответила Виталина, и они направились на квартиру к Захаровым.

С Захаровыми Артур познакомился на курсах французского языка в Москве, и с тех пор они дружили семьями. Условились и тут встречаться. Вот и теперь, направляясь к ним в гости, Артур намеревался поделиться с друзьями первыми впечатлениями.

Пока шли к подъезду дома, Виталина успела прожужжать ему уши о своей нескрываемой зависти. Что, де, Беловым страшно повезло – будут жить на берегу океана! Только одно созерцание его бескрайнего простора отвлекает от неприятных мыслей днём, а по ночам убаюкивает их мерный шум ласковых океанских волн.

«Чисто женское восприятие океана», – подумал Артур, но не возражал, не хотел разрушать её сказочный образ мыслей.

Поднимаясь по ступенькам, Артур увидел собаку, выглядывающую с площадки второго этажа. Не спуская глаз с Артура, животное замерло в ожидании. Навстречу им уже выходили из квартиры Захар с Аркадием Аркадиевичем.

Артур остановился; он не думал, что увидит тут старшего группы, и уж совсем непостижимым было встретить здесь свою провожатую. Увидев замешательство Артура, Виталина быстро заговорила:

– Да не бойся ты её, она не кусачая, идём.

– Не в этом дело.

– А в чём же ещё?

– Я знаю эту собаку целую вечность.

Бродяжка, переполненная радостью оттого, что новый знакомый «разыскал» её в доме, где она живёт в ожидании своего настоящего хозяина, помчалась вниз по ступенькам навстречу Артуру.

Квартира Захаровых оказалась двухкомнатной, похожей на комфортабельную пещеру в горах. Это чувство усиливала и прохлада от кондиционера. Рыхлые цементные полы с выбоинами, следы потеков на стенах и потолках, облупившаяся побелка действовали угнетающе.

Первое впечатление от квартиры друзей держалось в мыслях Белова столько, сколько длилась суэта хозяев по приёму гостей. Когда расселись кто где, Зубов обратился ко всем:

– Извините, что разговорами о работе нарушаю вековой этикет семейного гостеприимства. Речь пойдёт о деле, касающемся вас, товарищ Белов.

– Я к вашим услугам, – кивнул Артур и откинулся на спинку стула. На втором сидел Зубов. Хозяева расположились на багажных ящиках.

– Поясню обстоятельства, – продолжал Аркадий Аркадиевич. – Работать вы будете на разных клинических базах Медицинского факультета Гвинейского Политехнического института. Забудьте о названии «Университет». Его выдумали в Союзном министерстве образования. Не ищите и сходства в работе. Вы её не найдёте здесь. Институт большой и разветвлённый. Его агрономический факультет вынесен в провинциальный город Канкан – столицу народности малинке. Над ним шефствуют болгарские учёные. Всюду плохо с финансированием, а в Канкане, к тому же ещё, и нехватка преподавателей. Вместо положенных девятнадцати – восемь. Всё здесь держится на голом энтузиазме...

Залаяла собака на лестничной клетке.

– Наверное, по мою душу, – взглянув на часы, Зубов кивком головы попросил Захарова выяснить, кто пришёл. – Сделав паузу, он спросил Артура: – Скажите, вы были знакомы с погибшим здесь хирургом Григорием Алейником, харьковчанином? Вы ведь тоже из Харькова?

– Да, но мы работали в разных институтах.

– А я чуть было не подумал о вашей тесной дружбе. Почему-то его собака сразу выделила вас...

– Шофёр ждёт вас у подъезда, Аркадий Аркадиевич, – доложил Захаров.

Все встали проводить старшего.

– Артур Александрович, я дам вам письмо вдовы погибшего хирурга Алейника. Решайте сами, что делать с ним, – сказал Аркадий Аркадиевич, доставая из портфеля открытый конверт, и на прощание вручил его Белову.

Артур держал в руке конверт с чужим письмом и не знал, что делать с ним.

– Читай! – повелела Виталина.

«Многоуважаемый Аркадий Аркадиевич! – прочитал Артур. – К вам обращается вдова Григория Алейника с необычайной просьбой. Только, пожалуйста, не посчитайте меня за сумасшедшую, хотя, может быть, я уже такая и есть. Понимаю, что вам не до меня и тем более не до какой-то собаки, но поверьте, она ещё в Харькове стала членом нашей семьи.

В день отъезда в Африку она преследовала нас до вокзала, и если это можно

ещё представить себе и объяснить случайностью, то кажется совершенно невероятным чудом то, что она проникла в вагон, в котором мы ехали в Москву. Какое надо иметь чутьё, чтобы не потерять нас в той вокзальной толчее? Где она пряталась и ждала, пока отправился поезд, никто уже не узнает. Мы только стали свидетелями, как она вошла к нам тихо в открытое купе и покорно положила голову на колени моего мужа. Муж не выдержал и, прослезившись, обнял её и сказал: «Давай не поедem, зачем нам эта чёртова Африка?»

Разлучить их было невозможно. И тогда я сама добилась у руководства шереметьевского аэропорта разрешения на её вывоз... Сколько это стоило нервов, тому один Бог свидетель. По правилам собаку можно было взять в салон только в сумке. А где купить сумку в аэропорту, да ещё в такой спешке... Там же, в зале ожидания, я разорвала своё пальто и сшила из него сумку для Даши (так зовут собаку). Мне помогала вся группа отъезжающих. Так мы увезли её в Конакри.

Через полгода я была вынуждена возвратиться домой к заболевшей дочери. Даша осталась с мужем на Донке в полном здравии. Теперь я самая несчастная женщина в Харькове. Григорий погиб там, а мне привезли тело. Нам было плохо. Я была не в себе. А когда начала приходить в себя, и дети перестали капризничать, получаю письмо от незнакомого человека из Гвинейской республики и узнаю ужасные подробности издевательств туземцев над нашей Дашей. Мне было мало смерти мужа, теперь убивают ещё и Дашу. Мои переживания по поводу гибели Григория удвоились, когда я, по глупости своей, прочитала это письмо своим детям. Они плачут каждый день. Плачу и я, больше оттого, что ничего им не могу обещать, понимая, как сложно переправить собаку оттуда. Не знаю, когда они успокоятся. Что мне делать, Аркадий Аркадиевич, повеситься?... А куда детей?»

На этом обрывалось письмо. Адрес на конверте был написан другим почерком.

Виталина вытирала слёзы.

– Дай сюда письмо! – потребовала она и гордо вскинула голову. – Что вы, мужчины, знаете о женских слезах, о любви и душевной привязанности? Назовите хотя бы одного отца во всём мире, который сошёл с ума по потерянному ребёнку. Я вас, бессердечных оболтусов, не оставлю в покое, пока не придумаете, как помочь несчастной женщине. Я сейчас же напишу письмо и пообещаю от вашего имени вернуть собаку живой! – проговорила Виталина и пошла с письмом в руках в другую комнату.

Артур и Захар сидели молча, как провинившиеся школьники. Собака, как бы в ответ на громкую речь Виталины, дала о себе знать негромким лаем. Артур подумал, что она хочет защитить Виталину от мужчин. Но послышался ещё и топот пробегающего по лестничной площадке человека. Шум шагов прекратился, и собака умолкла. Стало понятно, что она залаяла на чужого. Через минуту собака залаяла снова, да с такой злостью, с какой бросается сторожевой пёс

на хищного зверя.

– Это она на негров! – воскликнул Захар и опрометью кинулся на выручку.

За ним поспешил и Артур. Когда открыли дверь, увидели собаку с окровавленной мордой, кидавшуюся на двух негров в полицейской форме. Один из них отбивался дубинкой, бил её по голове, другой прицеливался из пистолета в озверевшую Дашу. Артур стал между полицейским и собакой, которую Захар успел схватить за ошейник, и прикрыл её своим телом.

Полицейские возмутились.

– Эти белые сумасшедшие. Оставьте их! – приказал старший своему напарнику, и они побежали вверх по лестнице.

Дашу затащили в квартиру, где Виталина встретила их с тревогой. Раны на носу и над глазницей у собаки были легкими, но сильно кровоточили. Аптечку разыскал Захар и подал её жене. Даша, не остывшая после драки с врагами, не могла успокоиться, гавкала, рычала и мешала врачам обрабатывать раны.

Не прошло и десяти минут, как со двора послышался крик мужчины:

– Помогите, соотечественники, сообщите в советское посольство о моём похищении!

Артур и Захар бросились к окну и увидели, как те же полицейские, что били собаку, заталкивали в машину отчаянно сопротивлявшегося мужчину. Новичкам было трудно сориентироваться, ведь они не знали порядков чужой страны, поэтому не могли сообразить, как реагировать на случившееся.

После обработки ран Даша улеглась у ног Артура. Ему нравилась её привязанность, однако, не желая обременять себя навязчивой дружбой, он стал отпихивать её ногой.

– Не стыдно тебе, Артур? – упрекнула его Виталина.

– Мне пора в распределитель, а она увяжется...

– В таком случае, мы пойдем с тобой, а Даша останется дома.

Они спустились во двор, переполненный любопытными домохозяйками и свободными от работы преподавателями. Люди живо обсуждали оперативность местной полиции, поймавшей русского «преступника».

Друзья прошли в соседний дом, где в одной из квартир располагался распределитель закрытого типа, торгующий нормированными товарами. Товар ещё не отпускался, хотя очередь уже стояла.

– Экспортный вариант советской очереди, – прошептал Артур, склонившись к уху Захара.

Тот сделался серьезным и промолчал. Артур вспомнил, что друг не переносит разговоров о политике, и отошёл в сторону.

– Я занимала очередь. За кем я? – обратилась Виталина к стоявшим.

– Тут очередь живая, она вас не признаёт, – отозвался кто-то из деликатных очередников.

– Если речь обо мне, то я займу её сам, – вмешался Артур и пристроился в конце.

– Кто первый? – громко спросила продавщица.

– Позвольте! – предупредительным тоном произнес мужчина средних лет с сумкой в руке и быстро прошёл к прилавку вне очереди.

– А, Валентин Иванович! Вот всё, что вам причитается. С вас пятьсот девяносто восемь.

– Возьмите шестьсот силей, сдачи не надо. Бутылку, если можно.

– Водка, к сожалению, по распределению. Этот ящик в фонде ректора на случай непредвиденных торжеств.

Валентин Иванович был одним из руководителей средней руки – должность вполне достаточная, чтобы никто из стоявших в очереди не смел пикнуть.

– Кто из нового заезда? – громко спросила продавщица.

– Я, и вот эта женщина, Захарова, – отозвался Белов.

– Получите ваши продукты.

Очередь загудела.

– Что поделаешь: директива ректора.

В это время из недр складского помещения раздался мужской голос, и продавщица исчезла за внутренней дверью.

Люди помолчали, потом разговорились о столкновении собаки с полицейскими.

Как и следовало ожидать, каждый увидел это происшествие по-своему. Однако картину инцидента всё же удалось восстановить. Всем стало известно, что гвинейская полицейская машина с сигнальными фонарями преследовала спасавшийся бегством советский «Москвич». Это происходило поздним декабрьским утром, когда солнце припекало уже основательно, дворы и улицы стали полупустынными и тихими. Под окнами одного из домов Донки раздался скрежет тормозов. Жители увидели клубящийся столб пыли. Когда он рассеялся, взорам предстал «Москвич» с распахнутой передней дверцей. Из подоспевшей полицейской машины выскакивали вооруженные негры в униформах.

Этому происшествию было уже много свидетелей. Но очередники заинтересовались ещё и происшествием с собакой на лестнице в доме. Артур рассказал горькую историю Даши. Все, кто слушал его, искренне сочувствовали собаке и её хозяевам.

– Что же случилось с врачом из Харькова? – спросил Артур, ни к кому конкретно не обращаясь.

– Это хирург-то? Он погиб глупо, – отозвался мужчина из очереди и начал рассказывать: – Эта семейная пара Алейников жила здесь, на Донке, вместе с собакой. За это их осуждали, упрекали в сентиментальности, в показной благородности, да что только ни говорили. И всё-таки семья была счастлива. Кое-кто втайне завидовал этой супружеской паре с собакой. Но судьба отвернулась от них. Жена отбыла в Союз. А муж Григорий остался здесь и заскучал. Сошёлся с одним соотечественником. Потом, на суде, выяснилось, что этот врач инфекционист Владимир Магильный из Томска – неисправимый

пьяница. Лечился, якобы, от алкоголизма, но сорвался, когда заскучавший Григорий предложил ему дружбу. Они решили «обмыть» это дело на берегу океана у гостиницы «Камайэн». Собака, как всегда, была с Григорием... Дружба, завязавшаяся в момент выпивки, кажется всегда самой крепкой. Вот и пошли они развивать её в ресторан.

Артур, стоя на пороге, курил «Беломор» и внимательно слушал рассказ мужчины из очереди. Только теперь он понял, почему старший так взбеленился вчера от одного упоминания о гостиничном ресторане, и отлегло от сердца.

– В ресторане они задержались, – продолжал мужчина. – Собака ждала у открытого подъезда. Наконец она не выдержала и, поджав хвост, попыталась прорваться в ресторан. Работники ресторана её побили и отогнали за гостиничный двор. Упрекнули её хозяина, изрядно выпившего, дескать, нечего водить сюда собаку.

Григорий забеспокоился и, как бы отрезвев, засобирался уходить. Собутыльник запротестовал: мол, пришли вместе, вместе и уйдём, а пока сядь. Григорий не согласился. «Ах, так!» – воскликнул собутыльник и, схватив со стола нож, ударил им Григория, царство ему небесное, прямо в сердце. Раненый скончался на месте, успев крикнуть: «Даша!» Свидетели решили, что он звал жену. Спустя час прибыла санитарная машина, тело погибшего вынесли через чёрный ход... С тех пор собака стала предметом всеобщего внимания. Все видят, как она ждёт хозяина у гостиницы, как бежит потом на Донку, время от времени привязывается к белым, надеясь, что через них выйдет на своего «живого» хозяина...

Ничего примечательного в тот день больше не произошло, если не считать ворчания Зои из-за долгого отсутствия Артура. Ворчала она и по адресу администратора гостиницы.

– Уселся на единственный стул и вымогал подарок, – жаловалась она Артуру. – Я была в открытом платье и не знала, куда девать глаза от смущения. Стояла перед ним, как нашкодившая школьница. Наконец набралась храбрости и говорю: «Вот вернётся хозяин, тогда и приходи». Так знаешь, что он ответил мне? «Это отдельно будет, он свой подарок даст, а ты свой давай сейчас».

Артур рассмеялся. Обстановка разрядилась.

– Сидел, пока не получил коробку мясных консервов, – добавила Зоя. – Ты можешь представить его администратором в Союзе? И что бы сделали с ним потом?

– Ничего. Тебя бы выгнали среди ночи, – ответил Артур, и опять рассмеялся.

– Даже если бы я была иностранкой? То-то. Но я ещё не всё сказала. До прихода администратора здесь побывал и гарсон Диалло. Явился с ведром и шваброй убрать номер. У меня был жуткий беспорядок и я велела прийти ему попозже. Он охотно согласился, но с уходом не спешил, долго пялил глаза на вещи, валявшиеся на полу. Потом уверенно прошагал до середины комнаты, взял коробку со сгущенным молоком, сказал, что это очень полезно для здоровья,

и ушёл.

Артур слушал жену, а сам думал о предстоящей работе. Он волновался. Будут ли студенты понимать его французский. Вечер их застал уставшими.

– Какая благодать под пологом, – заметила Зоя, лёжа под самодельным марлевым сооружением от комаров.

Океанский прибой был слабым, слышалось только шуршание волн по шероховатым скалистым камням.

Весь следующий день супруги провели в номере, разбирая вещи, а главное – осваивали электрическую чудо-печь, которую привезли из Союза. Зоя испекла в ней хлеб. Он получился отменным, и Беловы радовались этому, ибо гвинейцы хлеба не едят, и купить его негде. Даже не все местные собаки и кошки признают хлеб пищей.

Ближе к вечеру, ещё засветло, к ним явился негритянский шофёр Муса и сообщил, что шеф срочно всех собирает. Закрыв свой номер, Беловы поехали на Донку. Муса оказался в меру разговорчивым и предельно скромным. Выразил сочувствие похищенному советскому чиновнику и осудил местную полицию за несправедливость, но какую конкретно, не сказал. Отметил только, что советский «москвич», якобы, поехал на красный свет светофора.

Не желая обсуждать с шофёром скандальный вопрос, Артур перевёл разговор на инцидент с собакой. Муса, как бы получив добро на откровенность, поведал тайну, связанную с их соотечественницей-аферисткой, состоящей в законном браке с конакрийцем уже более десяти лет.

– Эта лягушка, похожая на женщину, работает в библиотеке института, – начал Муса. – Раньше я подвозил её на работу бесплатно. Теперь, когда знаю о её проделках, проезжаю мимо и не останавливаюсь. Вам, наверное, рассказывали, как Григорий любил свою собаку. На работу он ходил пешком, чтобы прогулять её. Над ним посмеивались, но он не обращал внимания. Наконец, нашлась эта ваша землячка. Она предложила свои услуги, присматривать за собакой, пока хозяин будет задерживаться на работе. Он приплачивал ей за это, а собаке на завтрак оставлял что-нибудь со своего стола. Завтрак съедала сама «попечительница», а собаку привязывала в закутке, подальше от любопытных глаз, и даже воды не давала. Собака выла. Когда хозяин спросил, отчего собака неистовствует, она только пристыдила его: мол, отлучил собаку от себя – по тебе же и плачет.

Муса, заворачивая машину к жилым зданиям Донки, объявил.

– Вот мы и приехали!

Беловы вышли.

Собралось уже немало людей. Аркадий Аркадиевич отделился от толпы и поспешил к ним.

– Артур Александрович, хорошо, что вы приехали. Вас хочет видеть консул, – сказал он и, обойдя толпу, подвёл их к отдельной группе людей, среди которых стояли и супруги Захаровы.

– Заур Асламбекович! Знакомьтесь, Артур Александрович Белов и его супруга Зоя Ивановна, тоже Белова.

– Очень приятно, Бичерахов, – живо откликнулся консул и пожал руку Артуру. Затем, повернувшись к Зое Ивановне, произнес: – Если вы не возражаете, я украду вашего мужа на несколько минут.

– Пожалуйста, если не насовсем.

– Не насовсем, – согласился Бичерахов и, глядя под ноги, чтобы не споткнуться в темноте, отошёл в сторону.

Белов последовал за ним.

– Не кажется ли вам, Артур Александрович, что вы не заслуживаете дурной известности, на которую обрекли себя с первого дня пребывания в этой стране? – огородил его Бичерахов. – Вы пытались сфотографировать окрестности воинской части и попали в неловкое положение. Оправданиями никого не убедили. Ваши ответы значатся в заявленном протесте местных властей нашему послу, товарищу Исмаилову.

Белов молчал: оправдываться было нечем. Козырь был в руках Бичерахова, который с высоты своего положения мог стереть Белова в порошок. Артур ждал неприятностей, но Бичерахов заговорил по-иному:

– Никак не можем добиться от прикомандированных специалистов, чтобы они уважали законы страны пребывания. Нарушают поголовно все, хотя подробный инструктаж проведен с каждым без исключения. Рад был познакомиться с вами, жаль только, что повод оказался не самый подходящий. Если что-то понадобится, найдите меня. Пора начинать встречу, – произнес, наконец, Заур Асламбекович и направился в особняк. За ним вереницей потянулись остальные.

Особняк был небольшой, одноэтажный, арендованный советскими специалистами под клуб. Проводились в нём вечера отдыха с показом советских фильмов, заседания учёного совета, другие мероприятия, а также партийные собрания членов компартии замаскированные под словом «профсоюзные».

Сходку преподавателей русский ректор назвал экстренной и сразу предоставил слово представителю Советского посольства – Зауру Бичерахову.

– Мне неловко выступать в роли вашего воспитателя и очень обидно, что именно вы, перед знаниями которых готов преклонить голову, оказались заложниками трусости некоторых ваших соотечественников, – начал Заур Асламбекович. – Нет смысла рассказывать о том, чему вы стали свидетелями. Не скрою, что специалистам из капиталистических стран местные власти отдают предпочтение всюду. Рядом с вами работают американцы, немцы, венгры, оплата труда которых выше нашей в два-три раза, и не потому, что они с неба звезды хватают, а потому, что не смеют им платить меньше. Даже в быту обходят нас: лучшие квартиры и этажи отдают им. Хочу спросить старожилов: было ли такое, чтобы гвинейская полиция захватила немца или американца так же, как они на ваших глазах захватили нашего специалиста? Да и года не проходит, чтобы

кого-то не взяли в заложники. Мы только и делаем, что выкупаем их. Почему? Государственный строй Советского Союза им не нравится? Возможно. А может, высокомерное отношение хозяев «подпытываем» мы сами? Они же видели, что никто не заступился за гражданина своей страны, а ведь он бежал к вам, вы были его надеждой. Вы же, напротив, предали его, указали полицейским, куда он побежал. Нет у нас чувства локтя, гордости за своих людей, за свою великую страну! — эмоционально подчёркнуто закончил речь Бичерахов.

Преподаватели расходились с неприятным осадком от выступления консула, поскольку оказались без вины виноватыми. Никто не решился даже на кулуарное обсуждение консульской морали, и быстро разбрелись по домам.

На следующий день Белов встретился с профессором Стояновым на берегу океана у гостиницы Камайэн. Особой темы для разговора нашли не сразу. Благо, что явилась дворняжка. Она шла, крадучись, и её не замечали. Только после того, как она коснулась мордой ноги Артура, они обратили внимание. Артур вскочил с парапета, на котором сидели оба профессора, и присел на корточки перед собакой.

— Даша, как ты разыскала меня? — восторженно произнес он.

— Артур, почему ты называешь её Дашей? — спросил Пётр Стоянов. — Здесь её называют просто собака...

— Не спорю, Пётр. Собакой её называют здесь уличные дети. А бывшие хозяева в Харькове дали ей кличку Дарья, значит Даша, — пояснил Белов.

— Первый раз я встретил вашу Дашу в городском парке, — продолжал Стоянов. — Она была привязана к дереву, но тогда я и не догадывался, что ей угрожала мучительная смерть. Спешил я в валютный магазин «Сокомер» и не особенно разглядывал жалкие остатки разорённого во время изгнания французских колонизаторов парка. Его окончательное разорение довершает теперь местное население. Всё это ты увидишь сам. «Похоже, ожидает хозяина», — подумал я о привязанной собаке и продолжал свой путь в магазин. Возвращался той же тропой в большом потоке людей. Собака не подавала никаких знаков тревоги. Но стоило мне поравняться с нею, как она тут же заскулила и уже не спускала с меня глаз.

Со мною произошло что-то невообразимое, будто бы до той поры спал и был внезапно разбужен призывом о помощи. В один миг проникся к ней сочувствием и, не раздумывая, кинулся ей на выручку. Собака подняла уши и держала их торчком, махала хвостом, глаза её сияли от счастья. А когда я подошёл ближе, она гавкнула, мол, признаю тебя властелином над собою. Только потянулся к её привязи, чтобы освободить, как за спиной раздался голос: «Не трогайте, профессор! Она страдает заразной болезнью!». Я оглянулся и среди толпившихся людей увидел молодого человека, знавшего меня по институту и мрачно смотревшего из-под насупленных бровей. Остановились и другие негры, стали требовать, чтобы я не трогал собаку. На мой вопрос, почему же не усыпили её и не сожгли труп, ответил гром слившихся голосов. Трудно было понять что-

нибудь, но слова молодого негра, первым обратившегося ко мне, я расслышал: «Замечание будете делать людям своей страны!».

Это было сказано раздражённым тоном, в который вкладывался, быть может, расовый или политический смысл. Запахло и личной ответственностью за нарушение элементарной эпидемиологической безопасности чужой страны. Я ушёл. Собака жалобно заскулила мне вслед.

- Почему же ты не попытался убедить толпу отпустить собаку?
- Для этого не было никакой возможности. Толпа была свирепой.
- Кто же освободил её?

– Через два дня я снова отправился в тот магазин, – продолжал Стоянов, – но уже обходным путём, чтобы не видеть собаку, живую или мёртвую. Купив транзисторный радиоприёмник «мыльница», я помчался домой на крыльях радости и попал опять на ту же тропу. О собаке и думать забыл. На пути мне повстречались соотечественники, супруги Буровы. Перебивая друг друга, они поведали об издевательствах людей над собакой. Женщина с заплаканными глазами умоляла меня не ходить через парк, где подростки забивают собаку палками и камнями: «Это ужасное зрелище. Такое и во сне не может присниться, возвращайся назад!» – настаивала она, прижав руки к груди. Услышав об избивании собаки, просившей меня о помощи двумя днями раньше, я поспешил ей на выручку. Подростков там не оказалось. Собаку застал ещё живой, но подвешенной за шею на стальном проводе. Она хрипела, была вся в крови... По всей видимости она металась, отчаянно пытаясь уйти от ударов, и провод, которым она была привязана к дереву, обмотался вокруг ствола, укоротился и теперь не давал ослабевшей собаке опуститься передними ногами на землю. Я бросился к ней, но мой порыв напугал её ещё больше. Она сделала сильный рывок и затянула петлю на шее ещё туже. Собака стала задыхаться и делала судорожные попытки вытащить голову из стального кольца. Мне удалось отогнуть стальной провод и отцепить собаку от дерева. Она, обессиленная, повалилась на землю, и даже головы поднять не могла, только смотрела на меня грустными глазами. Я откупорил восьмушку «тоника», что приобрёл в «Сокомере», и налил для неё в ладошку. Она поплакала немного воды с моей руки, затем, прикрыв глаза, продолжала лежать без движения с еле заметным дыханием. Я решил, что собака умирает, и освободил её шею от провода. Затем взял провод и, раскрутив его над головой, забросил подальше, будто он и был главным виновником страданий погибающего существа. Только после этого увидел многочисленную толпу негров, замершую от удивления. Презрительно-любопытные взоры пожирали меня, как ничтожного недочеловека, спасающего неразумную тварь, только и достойную, что смерти... Надо было вразумить их, попытаться пробудить и гуманные чувства в душах этих людей. Но я не знал, как это сделать, и ушёл в растерянности под огнём гневных взглядов, забыв на земле, рядом с умирающей собакой, только что купленный транзистор-«мыльницу».

– Потом вернулся к собаке?

– Нет, не было никакой надежды, что она останется жива, и я, по правде сказать, переживал тогда больше не из-за собаки, а из-за того, что не нашёл нужных слов для гвинейцев. Мне казалось, что я делал всё не так... Не мог я один быть правым, а вся толпа неправой. Было что-то такое, чего я не понял в этих людях и по сей день... Будь собака моей – другое дело. Но в то же время сознавал, что и за жизнь чужой собаки нужно было бороться. В общем, помаялся я в те дни. Но потом Бог смиростивился надо мною. Примерно через неделю мы с моей женой Элоной стояли здесь, на этом же берегу океана, и наблюдали за касатками. Они проплывали медленно и с достоинством, будто шли парадным строем. Заметив их, постояльцы гостиницы высыпали на балконы с восторженными возгласами: «Касатки! Касатки!». Ведь это редкое зрелище, да ещё в такой близи. Вдруг я почувствовал присутствие живого существа позади себя. Оглянулся, и... о Боже! Стоит собака знакомая и смотрит на меня, воскресшая, очень тощая, пошатывающаяся от слабости, с багровыми язвами и припухлостями на лапах. Морда её была изуродована, но она не отворачивалась, знала, видно, что в животном мире красота собаки для людей особой роли не играет, да и я не ценил её по внешности. Её благодарственное расположение ко мне поражало воображение и она, даже такой изуродованной человеческой жестокостью, казалась мне самой красивой собакой в мире. Радости не было предела. Все люди в эти минуты восторгались касатками, а я... Смеялись потом надо мною... И пусть бы жила она себе, пусть бы и покалеченная, но – спокойно. Ан нет же! Сколько раз приходилось потом видеть, как её забрасывали палками негритянские дети – из озорства, а взрослые – из какой-то непонятной жестокости. Совсем недавно был случай, когда великовозрастные садисты окружили её и решили загнать в тупик. Собака видела, что пощады не будет, и, прорвав кольцо окружения, с лаем бросилась ко мне. Тогда я понял, что она своими покровителями избрала нас, белых людей, но не всех подряд. Недалеко от гостиницы, где я жил, проживает альбинос негритянского происхождения. Его она обходит десятой дорогой, хотя никто не видел, чтобы он обижал её. Знает, вероятно, его происхождение.

Так закончил свой рассказ Пётр Стоянов, и погладил Дашу по головке.

Эта история не могла не растревожить душу Белова. Какое-то время они оба молчали. Слышались только всплески океанских волн.

– Такая жестокость людей безнравственна, – нарушив паузу, произнес Артур.

Стоянов нахмурился. Ему явно не понравилась философия Белова, ибо своим рассказом он хотел вызвать чувство сострадания, а не осуждения.

Тем временем события в группе русских преподавателей накалились до предела. Посланника, Заура Асламбековича Бичерахова, срочно отзывали в Союз, по доносу, за то, якобы, что он в своей речи перед группой преподавателей на Донке «слишком откровенно высказывался в пользу граждан капиталистических стран». Также местное правительство Гвинейской республики высылает из страны

профессора Юрия Ивановича Шеборшина за огласку государственной тайны, связанной с телом бывшего главы государства Ганы Кваме Нкрумы.

Советским специалистам хорошо было знакомо имя этого человека. Это был борец за свободу своей страны – Золотого Берега. Много раз его арестовывали, но когда Гана (так стал называться Золотой Берег) обрела независимость, именно он стал её президентом. Очень образованный человек – в двух университетах США изучал экономику, педагогику, в Лондонском университете философию и право, – он избрал для своей страны социалистический путь развития. Однако через девять лет, в 1966 году, в Гане произошёл военный переворот. Новое правительство, под лозунгом «за демократическое правление» отказалось от социалистического курса. Нкрума больше никогда не возвращался в Гану, попросил политического убежища в Гвинее. Здесь и жил до прошлого года, когда, больной онкологией, улетел лечиться в Бухарест. Было известно, что недавно он там умер.

Артур Белов знал больше: Юрий Шеборшин, полностью ему доверяя, открыл государственную тайну... Какое-то время назад полицейские привезли ему в морг тело пожилого негра и приказали его забальзамировать. Не было никаких документов о личности, об обстоятельствах смерти, и Шеборшин наотрез отказался. Всю ночь полицейские его не отпускали, но, в конце концов, привезли свидетельство о смерти первого президента Ганы Кваме Нкрума. Взяли подписку о неразглашении тайны и оставили тело в морге. Здесь, забальзамированное, оно пролежало несколько месяцев... Дело в том, что гвинейское правительство решило похоронить бывшего президента на его родине – он сам так хотел, – но политическая обстановка там была не подходящей. Решили ждать. Но стали раздаваться протесты фанатиков, требующих соблюдения национального ритуала погребения покойников, начались возмущения студентов. И однажды тело президента так же быстро и тайно увезли из морга. А Юрия Шеборшина обвинили в том, что слухи о забальзамированном теле именно от него просочились в студенческую среду...

В эти напряженные дни Виталина показала Шеборшину письмо вдовы убитого преподавателя, Татьяны Величко, и упросила его доставить собаку Дашу её хозяйке в Харьков. Шеборшин согласился и забрал с собой в самолет на авиарейс «Конакри-Москва». На этом вся трагическая история с собакой в Африке закончилась.

Глава 4 ПИСЬМО

«Моя дорогая Виталина! Я бесконечно благодарна вам и вашему Аркадию Аркадиевичу за всё, что вы сделали для меня и моих детей. Но если счастье не

улыбается семье, то его не построишь ни собственными стараниями, ни стараниями благожелателей, ни страданиями во имя кого-то или чего-то, ни, тем более, самовнушениями и надеждами.

То, что случилось с моим мужем в Гвинее, а затем и с нашей Дашей в Харькове, убедило меня, что голос веры в борьбу за семейное счастье звучит правдоподобно только из уст везунчиков, к которым это счастье и так является отовсюду, а борьбою они ещё и приумножают его. Вот вам и вся мудрость народной поговорки... Мне же пришлось расплатиться остатками бывшего счастья... Вы простите меня, что навеваю грусть своим упадочным настроением, но иначе я не могу объяснить себе то, что происходит с моей семьёй. Я должна высказаться, а вы наверняка примите меня за пессимистку. Возможно, так оно и есть. Но кто на моём месте сохранит здоровый оптимизм? Наверное, не каждый. Не уверена, что обрету его когда-нибудь ещё... Хочу рассказать вам о трагической участи Даши и тем хоть на время утешить душу. Вы вырвали нашу собаку из рук истязателей и возвратили нам. Теперь её нет.

Поначалу всё ладилось как нельзя лучше. Юрий Иванович, друг моего Григория, благополучно привез Дашу в Союз и позвонил мне в день своего вылета из Гвинеи. Ничего не сообщая о собаке, он пригласил меня отпраздновать Новый год вместе у них дома. Я вспомнила дни нашей жизни в Конакри и проплакала всю ночь. На следующий день собрала детей, и мы поехали к нему в подмосковный город Красногорск.

Юрий Иванович встретил нас на перроне как своих родных, и с первой же минуты расположил к себе моих детей. В благодарность за это девочки начали выкладывать ему все свои секреты. Они были счастливы. Но главное радостное событие ожидало их и меня в здании вокзала. Там прятались от холода жена и дети самого Юрия Ивановича. Зал ожидания был немногочисленным и выглядел угрюмо. Но произошло чудо. Неожиданно раздался громкий лай собаки, и в тот же миг она бросилась мне на грудь. Другая бы, на моём месте, могла получить инфаркт от такой неожиданности, и я бы получила, но всё произошло так быстро, что я не успела даже испугаться, а, может быть, сама собака, родное существо, силою своей духовной преданности оберегала меня от обморока. А когда я узнала в ней Дашу, то стиснула её в объятиях как дочку, как живое воспоминание о покойном муже. Даша, видимо, мечтавшая о встрече с нами, прижималась ко мне головою, да так сильно, словно хотела столкнуть меня с места, лизала лицо, руки и громко скулила. Дети прыгали от счастья и ждали своей очереди лобызаний. Наконец Даша, бросив на девочек беглый взгляд, кинулась к ним, и, не рассчитав силу прыжка, сбила с ног младшенькую, затем налетела на старшую дочь и уже не знала, в чьи руки ей бросаться. От чрезмерного возбуждения бедняжка даже сделала лужу на каменном полу вокзала.

Даже дежурный по вокзалу удивился и спросил: «В честь чего такие телячьи восторги, граждане?». «В честь возвращения собаки с африканского фронта!» – ответил ему Юрий Иванович и расхохотался. Милиционер понял шутку и

удалился с улыбкой, простив нам и лужу, и громкий лай собаки, и взволнованные крики детей то ли из уважения к Юрию Ивановичу, то ли из ощущения человеческого счастья.

Новый год мы встретили у Шеборшиных, веселились, дети наши выступали по очереди у ёлки, танцевали с новоиспеченным Дедом Морозом – Юрием Ивановичем. На следующий день мы, уже вчетвером, благополучно возвратились домой.

Первый день собака вела себя игриво, охотно отвечала на детские шалости, и семья зажила полной жизнью. Дети на радостях, как это ни печально, забыли даже отца. К вечеру все устали. Даша вспомнила своё прежнее место ночёвок и присела у двери. Я постелила ей куртку покойного мужа Григория, которую он надевал как спецовку, когда отправлялся вместе с Дашей на уборку колхозного урожая. Куртку она приняла и легла на неё сразу. С этого момента собака перестала отзываться на просьбы и приказы членов семьи, лежала тихо, но время от времени вскакивала, поднимала голову, принюхивалась и снова припадала к куртке. «Почему она так делает, мама?» – спросила дочь, и я ничего другого не могла придумать, как солгать: привыкает к новой обстановке. Сама же терялась в догадках и не спускала с собаки глаз. Видела, как она время от времени смотрела вопрошающим взглядом на детей, и они, не выдерживая, брали её в объятия. Наконец возмутилась младшенькая и спрашивает: «Мама, почему Даша молчит? Она хочет что-то сказать!»

Мне и в голову не приходило, что беспокойство Даши вызвано курткой хозяина, встречу с которым она уже представляла себе за пределами нашего дома. Но это я пойму только завтра, когда будет поздно думать о её спасении.

На рассвете следующего дня она стащила с меня одеяло... Пожалуйста, не обессудьте меня, дорогая Виталина, за такие подробности, но я не могу сдержаться от досады, ведь все действия собаки были так разумны и продуманы.

Прогуливала Дашу около дома без поводка, хотя и была она в ошейнике, который подарил ей Юрий Иванович. Она повела себя резво, обежала вокруг нашего дома, и, после своих дел, направилась ко мне, но остановилась на расстоянии. Я стала звать её домой, но она даже с места не сдвинулась, смотрела так, будто не узнавала меня. Взгляд её был не то грустный, не то озадаченный... Какое-то время она выдержала наше противостояние, словно бы делая мне одолжение, затем гавкнула и, развернувшись, побежала прочь. Я бросилась следом, но быстро отстала. Последнее, что я видела, – был силуэт убегающей собаки с поднятым хвостом и то, как она, ни разу не оглянувшись, перешла с галопа на рысь и исчезла. Только тогда я догадалась, что она ещё со вчерашнего вечера была полна решимости найти своего хозяина – моего Гришу.

«Отчего вы так взволнованы, Татьяна Васильевна?» – спросила Мария Афанасьевна, моя соседка по дому, отправляющаяся в этот час на работу. Я объяснила причину тревоги, и она, зная о горькой судьбе собаки, выразила сочувствие... На том расстались.

Дома, услышав печальную новость о Даше, дети расплакались. Винили меня наперебой и просили вернуть её. От расстроенных чувств я плохо соображала, но вдруг мелькнула мысль: «Даша побежала к поезду...» Я поехала по городу, высматривала улицы по всему маршруту четверки. На Южном вокзале обшарила привокзальную площадь, все шесть платформ и даже залы ожидания.

Не найдя её в том районе, я уже не знала, где ещё искать... «Мама, мама! Звонила Мария Афанасьевна и просила срочно позвонить ей на работу!» – сообщили мне девочки, когда я возвратилась домой. Увидев меня без Даши, они расплакались опять. Я долго успокаивала их, затем позвонила в ту больницу, где когда-то работал мой муж и где Мария Афанасьевна работала операционной сестрой. «Я видела вашу собаку на троллейбусной остановке возле нашей больницы, – прокричала она в трубку и настояла: – Сейчас же езжайте сюда, Татьяна Васильевна, и вы найдёте её здесь. Она стоит того, чтобы её разыскали»...

Не дослушав, я бросила трубку и поспешила в путь. На улице поймала такси и просила гнать машину. Узнав, что мне в больницу, шофер развил скорость «Волги» насколько позволяли харьковские дороги.

В пути я поняла, что напрасно потеряла время на вокзале. Поиски надо было начинать с больницы, где Гриша работал последние три года и где собака побывала не раз вместе с ним. Это я забыла, а Даша запомнила и бежала, бедняжка, туда, чтобы броситься в объятия хозяину, который «ждёт и не дожждётся» её. Господи! Как я не подумала об этом с утра и допустила такую непростительную ошибку, роковую для Даши.

Наконец я прибыла на место. Беглый осмотр окрестности и двора ничего не дал. Я вошла в помещение больницы и вызвала Марию Афанасьевну. Та встретила меня улыбкой, но когда узнала, что собаки нигде нет, пригорюнилась и начала рассказывать: «Все, кто оказались на троллейбусной остановке, стали свидетелями нападения вашей собаки на молодого негра, стоявшего в очереди к троллейбусу. Поначалу было трудно разобраться, на кого конкретно бросалась собака. Каждый остерегался укуса и, вскрикивая, сторонился её. Наконец увидели, что собака кидается на единственного негра, стоящего в очереди, хочет его оттеснить в сторону от белых людей. Ей никак это не удавалось, и тогда она схватила его за полу пальто, и изорвала бы в клочья, не успей тот вскочить в подоспевший троллейбус».

Мария Афанасьевна рассказывала, что после этого «инцидента» она звала Дашу в больницу, но крайне возбужденная собака только вскользь глянула на неё и с лаем кинулась следом за тронувшимся троллейбусом, в котором укрылся тот негритянский студент – «чёрный злодей» в её родном городе.

Так я напала на след Даши и решила ждать её в больнице, надеясь, что она ещё вернется. Но в это время к нам подошла Дарья Власенко – уборщица, которая подарила Грише эту собаку, когда та была ещё щенком, и которая дала согласие называть щенка её же именем, Дашей. Она сообщила: собака не придет,

видела сама, как её убивали... Вот что она рассказала:

«К зданию больницы подъехала какая-то грузовая машина. Из кабины поспешно выскочил молодой человек, одетый в униформу, но без погон. В руках он держал револьвер с длинным дулом и колечко кровяной колбасы. Кусочек колбасы он тут же бросил себе под ноги. Собака, которую я до этого момента не замечала, подошла робкими шагами к молодому человеку, раздался хлопок, и она упала, как подкошенная. Палач хладнокровно заткнул оружие за пояс, а подоспевший к нему помощник волочил уже по снегу окровавленное тело убитой собаки к грузовику и швырнул его в кузов.

В следующую минуту я увидела ещё одну собаку. Она бежала по дороге мимо палача напрямик к парадному подъезду больницы. На зов она только глянула в сторону человека в униформе и продолжала свой путь. Ну, думаю, слава Богу, убежала от верной смерти. Но я ошиблась. Понюхав воздух перед запертой дверью подъезда, она сбежала вниз по ступенькам и засуетилась.

Палач, не спуская с неё глаз, поднял с земли брошенный им же кусочек колбасы, кликнул ещё раз. Собака побежала к нему, но потом, как бы раздумав, остановилась в нескольких шагах. Молодой человек, видя нерешительность собаки, подбросил ей навстречу тот же кусок колбасы и позвал в третий раз. Собака глянула на приманку, но брать не стала, а стуча хвостом о землю, подползла к нему на четвереньках, как всякое ласковое существо, предлагающее свою дружбу человеку. Палач не стал медлить и, выхватив револьвер из-за пояса, выстрелил ей в голову. Собака завизжала и стала кружиться на месте. Раздался второй выстрел, и только после этого она с визгом побежала от него в сторону парадного подъезда. В пути она остановилась и, покрутившись ещё раз, стала взбираться по ступенькам, переставляя с трудом лапы. Последним шагом она успела ещё коснуться края площадки, но подняться на неё не хватило сил. Я выбежала ей на помощь и только тогда увидела, что она была очень похожа на вашу Дашу. Она была ещё жива, стонала и смотрела на меня умоляющими глазами, будто просила позвать ей на помощь родного человека. Убийцы ждать не стали и, бросив её, ещё живую и скулящую, в кузов, уехали перед вашим приходом...»

В смерть своей собаки я поверила окончательно, когда Дарья Власенко протянула мне её ошейник.

Рассказ женщины передаю своими словами, чтобы полнее объяснить свою вину и в смерти мужа, которого оставила одного в чужой стране, и в том, что настояла привезти Дашу в Союз, где есть расстрельный закон в отношении бродячих собак, но нет ни одного – в их защиту.

Тем не менее, считая себя волевой женщиной, я решила держаться стойко, хотя и пребывала в тихой печали, сродни той, которая нападает на нас порою в минуты размышлений о смысле жизни. Расплакалась позднее – не потому, что тяжесть трагедии дошла до моего сознания с опозданием, а от собственного бессилия повлиять на откровенно бесчеловечное равнодушие к чужой безутешной

беде. Я стала сама жертвой такого грубого надругательства людей над нашими святыми чувствами.

Произошло это на девятый день гибели Даши, память о которой мы решили отметить всей семьёй. Я купила две чёрные розы, очень дорого, отдала почти весь аванс своей январской зарплаты, но не жалела денег. С разрешения администрации больницы мы с детьми положили эти цветы на место гибели Даши в стороне от парадного входа, так, чтобы их можно было видеть, но не мешали бы прохожим. А чтобы никто не посчитал их случайно уроненными или выброшенными, приставили ещё и кусок фанеры, на котором девочки написали: «Памяти любимой собаки Даши». Не прошло и нескольких минут, как их украли, а фанерный щиток выдрали из земли и отбросили прочь.

Вот такая жизнь нашей семьи сегодня, что тоже – жизнь...

Дети мои плачут по убитой собаке. Я не могу их успокоить. Живу в страхе, что кто-то из них заболеет от душевного удара. А мы, взрослые, не задумываясь говорим: «Собаке – собачья смерть!» Какое это кощунство. Не кажется ли вам, дорогая моя Виталина, что мы, люди, сами не заслуживаем тех добрых чувств и той преданности, которые проявляют к нам эти беззащитные существа...

С уважением, Татьяна Величко».

Таким неожиданным оказался последний штрих в трагической истории собаки, а жизнь в покинутом ею Конакри продолжалась в прежнем ритме.

Александр РОМАНОВСКИЙ
Я УЙДУ НА РАССВЕТЕ

Я УЖЕ НЕ ПРИДУ

Я уйду на рассвете непрожитого дня,
Ты проснешься внезапно, но не будет меня.
Убегая от боли непрощенных обид,
Богом я успокоен, злобой Мира убит.
И тебе прикоснутся к влажным векам моим
Нет, уже не удастся, я уже не любим.
Только память возможна и глухая печаль...
Я уже не приду, я ушел уже вдаль.
От побед и обид, от тоски и любви
Я уже убежал, не догнать, не зови!

* * *

Не поняла, не приняла, не оценила
Стихи — от сердца, прозу - от ума
Перо отложено и высохли чернила,
И грустью душу наполняет тьма.
Ни тишиной, ни шепотом, ни криком
Не выдавить ни боли, ни тоски,
И гулкой вечностью и торопливым мигом
Рисует мир бесцветные мазки!
И строк, игравших беззаботный танец,
Растаял бесполезный хоровод
Поблек побед медноголосый глянец
И воцарился мир из хлопот и забот!
Ну что же делать, если так угодно Богу,
Еще одно нам испытание послать,
Заставить путников вернуться на дорогу
И души покаянные забрать!

МОЛИТВА О ЛЮБВИ

Огнем свечи моя молитва
Зажгись и выжги смерти тлен,
И острым пламенем, как бритвой,
В душе разрежь сплетенье вен!

Развей дрожащую строкою
Дыханье искривленных губ,
И слезы, стертые рукою,
Пусть освежат душевный сруб,

Что сложен Богом в нашем теле,
Но не всегда горит огнем,
Что только в благородном деле
И ночью светится, и днем!

Никто не смеет усомниться
В видении царственной свечи,
Ничто с молитвой не сравнится,
О, память глупая, молчи!

Никем не может осуждаться,
Кто в Божьей милости Отца,
Стремится каждый день рождаться,
Не пряча смелого лица!

Ветрам придуманной стихии
Я не отдамся без любви,
Господь прогонит дни лихие,
О, память добрая, зови!

И я приду к тебе в молитве
И в сон, и в явь, и в ночь, и в день,
Непокоренный в вечной битве,
Рассеяв мракобесья тень!

* * *

Разминаются грозы в полях перебежками,
Пеленой одевается дождь – в безграничных краях!
Все кривлянья стихии темнеют усмешками,
Но без Благости терпят оправданный крах!

Разливается солнце в полянах и просеках,
Разгораясь огнем золотистых лучей,
В частоколах из судеб – в березах и сосенках
Зажигает огарки древесных свечей!

Эти свечи горят, чтобы счастье было замечено,
А несчастье сгорело случайной тоской,
Чтоб навечно мы были с удачей обвенчаны,
А грехи все сплавлялись стремительной жизни рекой.

Чтобы люди судились не нами, а Вечностью,
Чтобы нам не бежать от раскаянья и нищеты.
В доброте обвиненные, слабости и человечности,
Мы и кары боялись, и прозы мирской суеты!

* * *

Прикоснувшись рукой, передай свою душу,
Уши плотно прикрой, ну а сердцем послушай.
Звуков внешних полет до тебя не доходит,
Боль при этом пройдет, скоро все перебродит.
Завороженность чувств сразу снова проснется,
Из краснеющих уст словом вдруг встрепенется!

УЛЕТИМ МЫ ВМЕСТЕ...

Тихую печаль освещают блики,
Оживает рокот сонных голубей,
Музыку бессмертья не заглушат крики,
Колокольным звоном их скорей забей!

В поворотах судеб есть своя размерность,
Не ищи в стараньи выхода из дел.
Главное – чтоб память сохраняла верность,
Все, что было в жизни – не стереть в пробел!

Затянуть бы туже узелок страданий
И прижать иконы с сердцем в переплет,
Знаю: не поможет занавес рыданий,
Нашу птицу счастья заберет полет!

Улетим мы вместе, захлебнувшись вздохом,
Унесем с собою собственный рассвет.
Исчезая телом, воскресаем духом,
Мы в лампаде Божьей добавляем свет!

* * *

Я так люблю простые лица
У гордо поднятых голов,
Их благородство не приснится,
Оно — основа всех основ!

Мне так близка в глазах бездонных
Искристость упоенных душ,
В бравадной радости приемов
Их невостробованный туш!

Я так люблю простые души,
Что оголенной добротой
Сырую мерзость жизни сушат
И льют безвестности настой!

Я так люблю простое слово,
Что смыслом нас своим пьянит,
Оно правдиво и сурово —
От лжи и зависти хранит!

Но не люблю простые цели
В наборе жизненных задач,
Они нам корабли на мели
Сажают в море неудач!

Иван ПЕНЗЕВ

МОРЕ ВСЕГДА СОЛЁНОЕ

ЗОЛОТЫЕ ПАРНИ

Едет солнце
на гребне высокой волны,
словно всадник, на белом коне.
Солнцу дали морские прекрасно видны,
даже те, что не видятся мне.

Отражается в море
лучистая синь –
шелковистого неба шатёр.
Едет солнце верхом на волне,
а теплынь наполняет
прохладный простор
позолотой: блестит
голубая вода,
воздух кажется мне золотым,
золотая под солнцем гарцует волна,
день за солнцем встаёт молодым.

Рыбаков золотинками
блещут глаза –
солнце их провожает домой,
и как-будто бы хочет
с восторгом сказать:
– До чего же народ золотой!

Я с атлантами моря
полмира прошёл,
и везде убеждался в пути,
что с такими парнями
смогу я ещё
остальные полмира пройти!

ВОЗВРАЩЕНИЕ С ПРОМЫСЛА

Ночь такая !..
Все звёзды в строю и на месте.
Ярко светят,
себя раскалив до предела.
А луна!..
Словно рыба-луна расплнела,
чуть не лопнет!
Плывёт осторожно на нерест.

Яркозвёздье !
Не то, что безглазье в тумане,
иль бессветье,
когда все светила закрыты,
когда, словно незрячий,
в ночном океане
ищешь путь свой,
тобою ещё не открытый.

Мы спешим к берегам
нашей Родины милой.
За кормой захлебнулись
шторма и невзгоды.
Лишь в душе моряка
многотрудные мили
прочертили дороги,
длинною в полгода.

НЕПРОШЕННЫЕ ГОСТИ

Низкое небо. Плывут облака,
мачт молчаливых касаясь.
Сердца касаются волны слегка,
в жилах моих растекаясь.

Море солёное. Ветер на вкус
тоже солёный и терпкий.
Нет! Не перстами – душою молюсь,
молча в крутой круговерти.

Что не понравилось морю во мне?
Внешне других я не хуже...
Грозно ревет. Нет покоя нигде:
крутит, ломает, корёжит.

Старый моряк, мои мысли прочтя,
мне подмигнул лукаво:
– Знаешь,
тут можно и море понять –
оно от людей устало.

КАНААНСКИЕ БУСЫ

З.А.П.

Если я доживу,
если выдержу эти полгода
среди штилей и бурь,
обжигающих сердце огнём,
привезу я тебе
сувенир необычного рода –
канаанские бусы...
И куда-нибудь вместе пойдём.

Будут люди смотреть
на заманчивость сула-агата,
на игру его граней,
что схожа с разливом зари,
и подумают: «Женщина,
видимо, очень богата...»
Бус таких, хоть умри,
днём с огнём ни за что
не найти!

Знаю я, что агат – не сапфир,
не алмаз искромётный,
нет в лучах его блеска,
что слепит, будто солнце, глаза.
Но любой бриллиант
не годится ему и в подмётки...
Так мне мастер из Каны
о сула-агате сказал.

И добавил всерьёз:
– Ценность этого камня
состоит ещё в том,
что он счастье приносит мадам.
Ограждает от зла,
от болезней и прочих страданий...
Не скупитесь, сеньор...
И ударили мы по рукам.
Был он прав, этот негр.
В белых,
камнем истертых ладонях,
лился розовый свет,
душу нежно чаруя мою.
По губам его синим,
иссохшим от жажды, я понял:
он не бусы сейчас,
а судьбу предлагал мне свою.

И в цене не простой
мы на пальцах пришли
к соглашенью.
Нигериец сверкнул белозубо,
от счастья светясь,
и в ладони мои
перелил ручейком украшеньё,
за искусство своё
перед Богом и мной не боясь.

...Океан не штормит.
Трал за тралом приходит
с уловом.
Только дни не спешат.
Но быстрее, быстрее б дожить
до конца декабря,
чтоб сдержать мною данное слово –
канаанские бусы
тебе в Новый год подарить.

СКРОМНАЯ ЗВЕЗДА

Уже восход поджёт края востока.
Царит до горизонта тишина.
Погасли звёзды,
в небе невысоком
парит, как чайка, тонкая луна.
Касаясь мачт прозрачными лучами,
она покинуть небо не спешит.
И слабый свет
струится над волнами,
и красный флаг на гафеле горит.

За тыщи миль, за синими ветрами
судьба ведёт нас трудною стезёй:
мы «пашем» море днями и ночами,
общаясь то с зарёю,
то с луной...
Душа минутой отдыха согрета –
была нелёгкой вахта, как всегда.
В усталых пальцах
тлеет сигарета,
и так же тлеет тонкая луна.
До новой встречи, спутница матросов!
Фортуны нашей скромная звезда...
Заря плывёт
на крыльях альбатроса, –
удач рыбацких вечная МЕЧТА.

ЗАКАТ

Предвечерней порой
солнце, небом распятое,
кровью алой сочилось
и в муках страдало,
Волны кровь омывали,
и красными пятнами
в белых гривах своих
солнца боль отражали.
Я смотрел на закат

в состоянии трепетном,
ощущая дыхание
солнца распятого.
И казалось в тиши,
словно мёртвой,
подветренной,
что распят тоже я,
не простившись с ребятами.
Как теперь мне без них,
без друзей и товарищей,
без людей дорогих мне
и надёжных, как мать?
Неужели сгорю
в этом жарком пожарище,
неужели мне больше
и земли не видать?!
Кто-то снизу мне крикнул:
– Ну, что там занятого?
Стынет ужин.
И сколько так можно стоять?..
И увидел вдруг я:
не Светило распятое,
а прекрасный над морем
горячий закат!

ВСТРЕЧА

Вот и остров Южная Георгия
мне навстречу через волны мчит,
режет небо белыми отрогами,
белым айсбергом плывёт в ночи.

Мы давно не виделись. И все же
ничего не изменилось в нём.
Только стал он
чуть как будто строже –
ночью строже, всё такой же днём.

Глядя на вершины гор клыкатых,
на пингвинов стройные ряды –
этих бессловесных дипломатов,
рыцарей остуженной воды, –

думаю: «Хоть велика планета,
но к Георгии, к её волнам
снова я, почти что на край Света
по рыбацким прикатил делам».

Край суровый.
Здесь законы строгие
у природы. Океан ворчлив.
всё же рад я, Южная Георгия,
что тебя повторно навестил!

Люди то плывут, то едут в Азию,
то в Европу экстренно летят,
чтоб увидеть жизнь
в многообразии...
Люди новизны всегда хотят.

Актебе, далекий остров каменный,
ни авиалиний, ни дорог...
красотой твоей однажды раненый,
как я жить без этой встречи мог?

ПОЛЕ

Всё в плавани,
всё в дальнем, дальнем плавани.
Вся жизнь моя проходит на волне.
Не часто балуют теплом нас гавани —
морьяк, как гость на собственной земле.
В глубоких снах мне снятся рощи русские,
костры рябин, садов цветущих дым,
отцовский дом над быстрою речушкою,
и небо безмятежное над ним.
Я вижу поле чистое, широкое,
тюльпанов диких красные стада.
Вокруг меня берёзки белобокие,
и лета сенокосного страда.
Звенит трава у мужиков под косами,
земля прохладой дышит от росы.
Склонили травы головы под росами,
смущаясь от несказанной красы.
В тельняшке,

в брюках до колен закатанных,
я по ежистой по стерне иду.
А косари с ухмылкою понятною,
«венгерку» подают мне на ходу.
Коса в руках.
Как девушка спесивая,
шепнуло поле: «Покажи себя!»
Но не успел блеснуть
матросской силою –
на вахту «голос» разбудил меня.
...Так и стоит
полоска та несжатая,
уже прошли осенние дожди...
Но стало легче в океане жить,
и верится,
скошу свой клин когда-то я!

Наталья ТИХОМИРОВА

Рассказы из цикла

«СЛАВА БОГУ ЗА ВСЁ»

БУКЕТ ХРИЗАНТЕМ

На Покров, ближе к полудню, Прасковья вынесла на базар ведро хризантем. Покупателей уже не было. Продавцы цветов собирались расходиться по домам. Её засмеяли: «Ещё бы позже пришла, Петровна!»

– Да в храме я была, на службе, – пояснила опоздавшая. – Покров ведь сегодня!

Среди цветочниц находилась одна баптистка.

– Какой такой Покров? Откуда вы его взяли? Нету о нём в Библии ни единого слова! – заявила протестантка.

– Нет в Писании, зато есть в Предании, – ответила Прасковья, – это праздник Пресвятой Богородицы в воспоминание о далёких событиях. Она – усердная Заступница за всех христиан.

– Мария, мать Иисуса? Да ведь она обычная женщина, такая же, как все! И к тому же давно умерла.

– Как это обычная? Совсем даже необычная – особенная! Она единственная из всех женщин на земле, через которую воплотился Господь. Да, она имела одинаковую с нами человеческую природу, поэтому ей хорошо известно, в каких мы живём искушениях, как мы бессильны спастись самостоятельно, без упования на Бога, без Его милости. Вот она и стоит перед своим Божественным Сыном и просит за нас. Простирает над нами омофор своей милости, покрывает от всякого зла, защищает от врагов. И этому есть свидетели! Хотите, расскажу? – обратилась она к соседкам по цветочному бизнесу, намереваясь пересказать услышанную сегодня в церкви проповедь. Не встретив сопротивления, начала:

– Однажды в Царьграде, в храме, где хранилась риза и омофор Божией Матери... Омофор, – пояснила рассказчица, – это такое большое покрывало на голову. Так вот, во время совершения всенощного бдения блаженный старец Андрей и отрок Епифаний увидели чудесное явление Царицы Небесной в окружении ангелов. Она на коленях молилась перед Святым Престолом о спасении народа, после чего сняла с себя свой покров и распростёрла его над всеми стоящими в храме. И снизошла на них благодать...

– Какие же это свидетели, – перебила баптистка, – юродивый старик и ребёнок? Чего стоят их свидетельства? Мало ли кому что привиделось тыщу

лет назад? Нет, всё это сказки, которыми вы пудрите мозги наивным людям! У нас один Царь Небесный – Господь Иисус Христос. И нет никакой Царицы.

Прасковья Петровна была женщина простая, не сильно просвещённая в тонкостях богословской науки. Святую православную веру исповедовала сердцем. Ревностно, как голубица птенца, бросилась она защищать Матерь Божию – Небесную Заступницу и Покровительницу христиан. Между ней и баптисткой разгорелся настоящий бой, да такой, что и другие продавщицы, торговавшие поодаль, оставив свои места, подключились к спору в качестве болельщиц.

Разгорячённые женщины не заметили, как в цветочный ряд вошёл покупатель и, пройдя мимо всех прочих, остановился возле ведра с Прасковьиными цветами:

– Хозяюшки-красавицы, это что ж вы там так бурно обсуждаете? Совсем забыли, для чего на базар пришли?

Спорщицы оглянулись.

– А подайте-ка мне сюда владельца этого букета! – потребовал балагур, показывая на пышный многоцветный шар из хризантем, красующийся над ведром, – хочу купить. Беру оптом!

Цветочницы опешили: уж очень редкий случай, чтобы вот так сразу, без торга, в самом конце базарного дня весь товар одного, по общему мнению, нерадивого продавца, ушёл в одни покупательские руки. Прямо сказать, чудесный случай!

– Паша, а ведь это тебе Бог помог, – заключила самая смышлёная из цветочниц после того, как покупатель попрощался.

– Да уж, – смущённо ответила Прасковья и тут же добавила, – но это Он сделал, чтобы не дать в обиду Свою Матушку.

– Похоже, это – знак! Значит, твоя была правда в споре!

Возрадуемся и мы чудесам Божиим, которые Он являет нам, немощным, даже в мелочах. И восхвалим имя Господне сейчас, всегда и во веки!

НАГЛЯДНЫЙ УРОК

«Не судите, да не судимы будете, ибо каким судом судите, таким будете судимы; и какою мерою мерите, такою и вам будут мерить».

(Евангелие от Матфея, 7: 1-3)

Валентина возвращалась из храма, где она несла многолетнее послушание на клиросе. В этот вечер она по обыкновению своему задержалась после службы, чтобы разложить необходимые тексты к завтрашней литургии (она была ответственным человеком и во всём любила порядок).

Улицы словно вымерли.

Хлестал дождь. Борясь с ветром, Валентина вцепилась в зонт обеими руками, и, укрываясь им как щитом, прижалась головой к его куполу.

Под ногами чавкал расквасившийся снег. Старые сапоги промокали. Приходилось всё время балансировать в поисках нерастаявших бугорков. Это удавалось с трудом. Корявая дорога превратилась в настоящее испытание для пожилой женщины.

Уличные фонари спали, давно позабыв о своём назначении. Тёмную завесу сгущающейся ночи изредка раздирал, ослепляя глаза, свет фар с шумом проплывавших автомобилей. Они не церемонились со случайным пешеходом, обдавая не только тротуары, но и стены домов обильными фонтанами брызг.

Валентина сопротивлялась стихии всем своим телом, всем умом и сердцем. Она внушала себе, что неудобства и трудности не вредны, а, напротив, очень полезны ей, что терпение воспитывает волю и укрепляет дух.

Подумаешь, ветер и дождь! Подумаешь, скользкая неровная дорога! В конце её – всё равно тёплый и уютный дом, горячий чай, вечерняя молитва, хорошая добрая книга перед сном. А завтра... Завтра – опять светлый прекрасный храм, божественное, все скорби растворяющее церковное пение.

Ей удалось приподнять себе настроение и даже получить удовольствие от проведенной над собой психологической работы.

Остался один, последний поворот. Да вон, рукою уж подать!

Вдруг, что это? Из-за угла, столь близкого и долгожданного, на узкий тротуар как будто вывалилось что-то... большое и тяжёлое.

Двигаясь рывками и зигзагами, оно спотыкалось, неуклюже проваливалось в дорожные изъёмы, бодало воздух, вскидывало руки.

Это Нечто неотвратимо и грозно приближалось к ней.

«...Пьяный!» – осенило Валентину. – Тебя только мне не хватало». Откуда-то из глубины нутра всплыла и обожгла горло едкая досада.

«Заденет ведь. Непременно заденет!» – подумала Валентина, и, уворачиваясь от столкновения с неприятным встречным, внезапно сама поскользнулась, испуганно вскрикнула и...грузно упала – пьянице в ноги.

И сбила его.

Теперь они вместе барахтались в грязной холодной луже, тщетно пытались подняться, мешая друг другу...

Разделивший с ней участь молодой человек оказался на удивление добрым малым. Он ничуть не рассердился и даже не обиделся на Валентину. С сокрушённым сердцем он пожалел пострадавшую женщину: «Мамочка, что же вы, милая, так неловко? Не зашиблись?»

Изо всех своих трудно управляемых сил недавно осуждённый Валентиной пьяница участливо старался ей помочь.

Несмотря на боль, Валентина больше не чувствовала раздражения. Ей было стыдно... и смешно от нелепости ситуации. Преподанный урок, такой наглядный и поучительный, она усвоила мгновенно. Осталось только пригласить беднягу к себе на просушку. И на чай... с таблетками угля – для отрезвления. А после

приёма проводить его, как брата, домой и передать в родные руки.

Увы, этот шаг ей был пока что не под силу. Не доросла.

В стороне валялся погнутый зонтик, став как бы отметкой в дневнике за контрольное задание, на память о происшедшем и для дальнейшей работы над собой.

ПТИЧКИ БОЖЬИ

Зима. Тихое белое утро. За окном дремлет ясень. Его обнажённые, воздетые в небо ветки сплошь облепили пушистые серые шарики. Это – нахохлившиеся воробышки. Замерли, вросли в застывший пейзаж. Ждут.

Они так ждут меня каждое утро.

Выхожу на кухню, и жизнь за окном оживает. Заметив меня, суетятся, волнуются, перелетают с ветки на ветку. Сейчас, мои милые, потерпите.

Едва успеваю насыпать хлебных крошек и проса в кормушку, как сначала самые смелые по одному, затем всей гурьбой сразу, они валят на дощечку, распихивая друг друга, зависают в воздухе в поиске свободного места, возбуждённо покрикивают: «Чирик! Чирик-рик... Чик-чирик-чик-чик-чик!»

Наблюдая за ними, продолжаю своё привычное дело у стола. Вот резко двинула рукой и... Фррр! – кормушка вмиг опустела.

Усевшись на ближайšie веточки тесными рядками, воробышки оттягивают их вниз, раскачиваются. Ну прямо точь-в-точь грозди спелой смородины. Невольно люблюсь возникшим сравнением, а они, между тем, разобравшись в ложности тревоги, спешат возвратиться назад. Сыплются на кормушку градом, оглушают округу оживлённым стуком. Некоторые из пугливых нет-нет вытягивают шейки, оглядываются по сторонам. Вдруг снова все стремительно вспархивают и так же дружно возвращаются к оставленному корму. Толкаются, шумят, выясняют между собой отношения.

Сколько же их!.. И все-то разные... У каждого – своя душенька, свои воробышьи мозгишки, своя собственная жизненная история.

Вот ведь, не сеют, не жнут, в житницы не собирают. Живут на полном обеспечении Божьем, на полном к Нему доверии. Зимой, правда, туговато неперелётным землякам нашим. Но выживают как-то. Терпеливо ждут лета. Всегда простодушны, покорны судьбе. Перетерпят трудности – и снова радостны и веселы, счастливы, славят в песнях Бога, даровавшего им жизнь. Не потому ли Господь их так любит и нам, людям, в пример иногда приводит?

Как же не подкормить этих славных любимцев Божьих, не облегчить их суровое и долгое зимнее житие-бытие? Пусть себе пошумят, потолкаются, погреются немного.

А началась моя дружба с птицами с одной изголодавшейся синички, отчаявшейся добыть привычное пропитание из-под толщи снежного покрова. Прилетела она ко мне на окошко и стала стучать клювиком в стекло: «Помоги,

человече, совсем погибаю! Не просила бы, если б до крайности не дошла. Поддай милостыню, Бога ради.»

С тех пор каких только птиц не перебивало у меня на птичьей трапезе: воробьёв, синиц, голубей, ворон... Теперь, насыпая в кормушку и смотря на них, не могу сказать, кто кого больше облагодетельствовал: я – их или они – меня? Я им – крохи малые со своего стола, они мне – радость духовную, теплоту сердечную, свет благодарения.

Как славно и ладно всё устроено Отцом нашим Небесным на родимой матушке-земле! И всё-то для нас, для людей, Венца Его творения. Открой только глаза и прояви побольше чуткости и доброты. Какая была бы гармония в мире!

Господь Вселюбящий и Всемиловитый. Он печётся о всех своих созданиях. Но больше всего – о человеке. Он учит его, испытывает, упражняет в любви и милосердии. Бывает, что наказывает. Но чаще поощряет. А когда нужно, делает это самым, что ни на есть, наглядным образом.

В те далёкие времена, когда в храм я заходила не больше двух раз в год, и то – по острой нужде, стараясь проскочить открытый отрезок пути перед храмом со втянутой в плечи головой, чтобы не попасться на глаза знакомым, произошёл со мной удивительный случай, сильно укрепивший меня в вере, который ничем другим, как Чудом Божиим объяснить не могу. А связан он тоже был с птицами.

В один из тёплых майских деньков, зайдя в пустую учительскую (работала я тогда в школе), застаю трагическую картину: между стёклами оконной рамы отчаянно бьются два невестки как попавшие туда голубёнка. Бедные родители птенчиков с криком мечутся за окном вблизи открытой форточки, не в силах помочь своим крошкам.

Сердце моё разорвалось от боли. Я бросилась к окну, и, распахнув его настежь, выпустила встрёпанных пленников на волю. Придя в себя после пережитого и оправив крылышки на ближайшем дереве, голуби покружились немного над школьным двором и улетели.

Это происшествие, не имеющее ничего сколько-нибудь героического со стороны человека по отношению к меньшим бессловесным братьям, легко бы стёрлось из моей памяти, если б не получило неожиданного продолжения.

На следующий день, пристегнув к платью свою любимую брошку, я отправилась покупать билет на междугородный автобус. Возле кассы, располагавшейся в полуподвальном помещении, была невероятная давка. Стиснутая со всех сторон, я почувствовала, как брошь расстегнулась и поползла вниз. Попытка нагнуться и поднять её не увенчалась успехом. Среди десятков топчущихся ног дорогая сердцу вещица исчезла, как камушек в море. Домой я вернулась расстроенная.

Каково же было моё удивление, когда спустя недели две, уже после возвращения из поездки, я, затеяв уборку в квартире, нашла свою брошку преспокойно лежащей на полу за шторой под раскрытым окном.

Да-да, это была та самая моя милая безделушка, сверкающая разноцветными камушками, потерянная и оплаканная мною несколько дней назад, разве что немного помятая.

Первой моей пронзительной мыслью, сменившей оцепенение, было: «Птицы! Только они! Ведь я же не сплю?!» Но как это возможно? Мой привыкший к логике ум не в состоянии был выполнить сколько-нибудь достойного логического построения. Я пыталась допустить (в невероятно ничтожном допущении, в качестве парадоксальной версии), что птицы могли найти мою брошь на какой-нибудь мусорке, куда она попала из тёмного полуподвала из совка подслеповатой уборщицы. Но как бы они связали свою находку со мной? У голубей ведь нет собачьего обоняния. И потом нужно было найти район, в котором я живу, моё окно в многоэтажном доме, и, дождавшись, чтобы оно открылось, подбросить в него вещицу. Какие удивительные сверхспособности и какую поистине человеческую благодарность нужно иметь птицам, чтобы совершить всё это. Немыслимо! Как это постичь?

Не стоит, однако, искать объяснение там, где его быть не должно. Никогда не измерить духовного земными мерками. Никакой вообще ум не способен вместить и понять Чуда Божьего. Только сердце, созвучное Богу, может принять всё на веру. Принять сразу, целиком, без рассуждений, навсегда.

Таков был чудесный подарок Самого Творца мне, грешной и маловерной христианке, носящей это высокое звание скорее по факту крещения, нежели по убеждению зрелого человека. Подарок ничем не заслуженный, царский. Ценность его заключалась не в стоимости возвращённой мне вещи (она была мизерной), не в значимости памятного события, связанного с её приобретением, а в осознании Всеблаготворного присутствия Божьего в моей жизни, Его промыслительного действия в деле спасения моей души. Это был аванс из сокровищницы приготовленных человеку блаженств, выраженный в щедром поощрении грешника за крупицу проявленного им сострадания к ближнему.

Позже, по мере моего постепенного воцерковления, в православной литературе я нашла множество примеров чудодейственной помощи птиц людям. Вернее, помощи Господа, посылаемой людям через птиц.

Так, ветхозаветного святого пророка Илию во время трёхлетней повальной, всё уничтожившей засухи, ниспосланной Богом на израильскую землю для вразумления отступившего от истинной веры народа, кормили вороны.

Из рассказа Антония Великого, основателя монашеского общежития на заре христианства в Египте, известно о преподобном отшельнике-пустыннике Павле, получавшем пищу от ворона в течение 60 лет. Антоний Великий сподобился быть не просто свидетелем, но и участником этой чудесной трапезы, когда, посетив Павла в его пещере, он как гость тоже удостоился своей порции хлеба от Господа.

Маловер послушает, покачает головой и скажет: «Так то ж праведники! Где уж нам, грешным, такого удостоиться?» И тогда я ему приведу случай из жизни

моего свёкра, который спас своего брата в голодный 1933-й год от неминуемой смерти яйцом дикой птицы, снесённым ею на его глазах. Случайность? Нет, я теперь так не считаю.

В нашей собственной жизни каждый из нас, при желании, может отыскать тысячи подтверждений милости Божьей к нам, недостойным Его безграничной любви и всепрощения. Пусть не таких явных подтверждений, как в описанном случае с брошкой (хотя бывают и гораздо удивительней), а примеров попроще, пообыденней. Беда в том, что осуетились мы, очерствели, в спешке не успеваем ничего замечать. А заметив, не благодарим Подателя благ. Так и выветривается дарованная благодать из худого сосуда, и пустой объём его тут же заполняется мусором.

Если же потрудиться немного: законопатить дырочки, которые суть грехи наши нераскаянные, и, не допуская появления новых, попытаться с мольбой к Всемогущему и Всемиловитому удержать Бесценный Дар в сосуде, то душа, накопив Любовь, станет изливать её вовне, никогда не становясь при этом порожней. И обязательно благодарить. Не превозносясь, смиренно благодарить за оказанную Милость быть сосудом Божьим. Жить, как птицы, с раскрытым сердцем и, не взирая ни на какие трудности и лишения, радостно петь: «Слава Богу, показавшему нам Свет! Слава Богу за всё и во веки!»

СКОРАЯ НАГРАДА

Было это в трудные для простого народа времена. С развалом государства состояние в обществе напоминало разруху после стихийного бедствия или вражеского налёта: всюду царили беспорядок, мародёрство, безработица и разорение. Корабль социализма был разбит и стремительно шёл ко дну. Потерпевшие спасались на щепках, прилагая все силы к тому, чтобы выплыть, пристать к какому-нибудь берегу. Единственным островом на горизонте был рынок.

Трудно найти человека, который не пытался в то время опробовать свои скрытые, невостребованные прежде способности к предпринимательству. В поисках средств к существованию, в каждой семье были разобраны все «углы» и вынуты на свет залежавшиеся, неиспользуемые вещи: тот «крайний» случай», ради которого они хранились, наконец, настал.

Проведя ревизию, Полина достала в этот раз из чулана невыношенную детскую обувь и тапочки 38-го размера, купленные когда-то для гостей (в той прошлой, до крушения, жизни). Наскоро попив чайку, заваренного на собранных летом травах (вкус кофе и настоящего чая стал забываться), она отправилась на базар в надежде добыть денег.

Рынок разросся на несколько кварталов, поглотив обочины прилегающих улиц. Торговля велась с земли. С трудом найдя свободное место в ряду таких же бедолаг, как и она сама, Полина расстелила на тротуаре газетку и расставила

на ней свой скудный товар: детские ботиночки, резиновые сапожки и совсем почти новые тапочки. Продающих было так много, что женщина сокрушённо вздохнула: «Где же ты, мой покупатель? Дождусь ли тебя я сегодня?... Эх, как нужны деньги!... Впрочем, брючки сынишке надставлю манжетами, – принялась рассуждать она, – мал ещё, не заметит... Удочки колготки порвались. Что делать, придётся купить: девочка всё же... Сама? – Полина пошевелила голыми пальцами ног в туфлях, – по гостям не хожу: моих дыр никто не увидит. Так что пока перебыюсь... Муж отпустил шевелюру – подстригу, как сумею. Сэкономим и на этом...»

Стала вспоминать, что ещё нужно приобрести: «Мыло, тетрадки в школу, лампочку в туалет... Да, это в первую очередь, если удастся что-то продать... Хотя... Ужин! Что же придумать на ужин? Гм...» Мысль перекинулась на магазин, его пустые полки, очереди за хлебом, отрезные талоны на продукты. Сердце защемило... Вспомнилась женщина с двумя маленькими детьми, истошно кричавшая вчера на остановке: «Жить-то как? Лучше уж сразу бы бомбу сбросили! И убили бы, чем так мучить: детей кормить нечем!».

«Бедная... Совсем уж отчаялась – грех... Нет, в магазин не пойду. Куплю продукты здесь, на базаре. Скорей бы продать что-нибудь...»

Чтобы отвлечься от дум, Полина переключила внимание на окружающих. Настроение в народе было близким к её собственному: тревожно-мрачное. Кто-то ругал правительство, которое довело народ «до ручки». Кто-то возмущался подлостью бывших начальников, сделавших их безработными; кто-то объяснял таковым, что они – счастливчики, потому что свободны теперь во времени и могут «пахать на себя, а не на чужого дядю за бесплатно». Некоторые жаловались на одолевающие их болезни, а сердобольные слушатели давали им рецепты испробованных на себе дешёвых народных средств к поправке здоровья. Были и такие, кто, пропустив уже рюмочку водки «для согреву», балагурил, зазывая к себе покупателей, или же просто травил анекдоты.

Через несколько человек от Полины в ряду продавцов стояла древняя старуха, разложив перед собой саженцы. На вид ей было лет девяносто. Годы согнули её почти до самой земли. Она кряхтела, опираясь на клюку, и шамкала беззубым ртом. К происходящему вокруг была безучастна, лишь изредка возвращаясь в реальность, чтобы ответить покупателю на заданный ей вопрос. Видно было, что борьба с немощью поглощала все её силы.

«Какая древность! Чего только не повидала на своём веку! – подумала Полина, – и ведь тоже озабочена, как выжить, где раздобыть копейку. Наверно, в её ветхом хозяйстве не нашлось ничего другого, кроме этих саженцев. Интересно, была ли нужда в её жизни когда-нибудь сильнее, чем теперь?» Как будто отвечая на этот немой вопрос, бабка тяжело вздохнула и, передвинув палку, с трудом переставила ноги.

Полине стало жаль старуху, и она начала молиться: «Господи, Создатель всего видимого и невидимого, Всещедрый и Всемогущий, податель всех благ и

устроитель человеческой жизни, призри, молю Тебя, на эту старую больную женщину и ради её смирения, ради терпеливого её стояния, ради понесённых ею прежде трудов помилуй. Пошли ей покупателя. Поддай ей хлеб насущный на сегодняшний день, утоли нужду. Только Ты нам – помощь и отрада. На Тебя уповаем в скорбях наших, на Твоё неизреченное милосердие. Вонми молитве моей».

Возле бабки, стоявшей всё утро без прибытка, возникло заметное оживление. И вскоре все сажены один за другим были распроданы.

Светлая радость залила душу Полины от столь быстрой перемены событий. Было совершенно очевидно, что молитва её дошла до Бога.

Между тем старуха, свернув газетку и уложив её в свою выдавшую не одно десятилетие сумку, направилась к выходу из базара. Поравнявшись с Полиной, она вдруг заметила на земле детскую обувь и остановилась.

– Эт какой размер ботиночек-то?

– 16-й, бабушка, – ответила Полина.

– Ты смотри, в самый раз моему правнуку будут. За сколько ж отдашь?

Полина назвала цену.

– Возму, – сказала бабка, и, достав платочек, в который были завернуты деньги, отсчитала нужное количество бумажек. Пряча ботинки в сумку, пояснила: «С внучкой живу, работы у ей нету, мужа тоже нету, а мальчонка – пострел, только поспевай за им. Все лужи окрест измерил. А обувка худая, сопли до колен висят, не высыхают... Вот и до дождю чего-то, стало быть, надо... Сыновы?» – кивнула она в сторону сапожек.

– Да.

– А што? Возму своему озорнику. То-то плясать будет!

Так и вторая пара перекочевала в бабкину сумку. И тут Полина взглянула на её ноги, обутые в истоптанные тапки, сквозь потёртую ткань которых торчали большие шишки.

– Возьмите, бабушка, и тапочки. Я даром их отдам.

– Зачем же даром? – подняла старушка на Полину взгляд. – Я ить неплохо сёдни заработала. Ицо на хлебушек с молочком хватит. А до завтра доживём, чай, Бог не оставит и снова чево-нибудь пошлёт.

Полина улыбнулась. Последние слова бабкины были прямо, как говорится, в точку.

Почувствовав настроение женщины, старушка подхватила:

– Эт, што ж, я сразу весь товар твой забрала?

– Да, бабушка, – блеснули весёлые искорки в глазах Полины.

– Ну и дела! Всё видит, кому, чево и сколько надо. И всем даёт в должный час. Слава Богу! – промолвила старуха и, расплатившись за тапочки, заковыляла дальше, стуча по тротуару палкой.

– Слава Богу! – ответила ей вслед Полина.

В'ячеслав РОМАНОВСЬКИЙ

А РОЗСТАНІ СЕРЦЕ НЕ ХОЧЕ

СЛОВО

Леоніду Талалаю

Випростується радо в глибині
Моєї потайної таємниці
І зацвітає дивом в люпині,
І відлітає сяєвом жар-птиці
До тебе слово трепетне, трудне,
Пульсуюче...

Прийми його, благаю!

Воно – маля, і поки-що – одне,
Та найдорожче з того, що я маю.

* * *

На пашу сонечко веду...
І ранок, наче у меду, –
Цвіте і пахне конюшина.
Пістрявий килим ліг до ніг,
І радісно дзумить моріг.
Дурманить голову шипшина.

Бадьора свіжість од ріки.
За лугом – поле. Буряки.
І мама там, і тітка Зіна.
Хоч ми із братом ще малі,
В руках і вила, і граблі –
Ворушимо в покосах сіно.

Як спека викупа в поту,
То ми – до річки. На плоту
Побавимось. У глиб пірнаєм...
Коли б я міг цю мить спинить,
Але – невтримна! – вже бринить.
І що за нею – знаю, знаю...

* * *

Опосіли круг душі слова,
Розпашілі, як жива трава –
І від них нікуди не подіться.
Мучать, і хвилюють, і болять,
Наче сни чорнобильських малят,
Чи як вістка божого провидця.

Скривджені чи зранені вони
На собі несуть печать вини –
І тому у сприйнятті невтішні.
Їх би пригорнути до грудей,
Та чого чекати від людей,
Бо й самі, як люди, многогрішні.

* * *

Несе неспинна круговерть,
Жадлива як вогонь,
Нас – закодованих на смерть
З народження свого.

Не розкриває свій секрет,
Немов картяр у грі –
Несе, пришвидшуючи лет,
До ями чи зорі.

Хто ж той гончак?
Хто травить слід?
Де праведне гальмо?
В очах доріг небесний лід
Байдужий як більмо.

А вир закручує спіраль –
І вороття нема.
В один кінець лиш магістраль,
Примарна і німа.

Що попереду? Стікс? Діра?
Світи із потойбіч?

Усе із пам'яті стира
Моїх земних сторіч...

* * *

Вимолю в Бога тебе назавжди,
Щоб лиш зі мною була, лиш зі мною
Другом одвертим, любов'ю земною.
Щоб не було ні біди, ні нужди
Там, де ходитимем вдвох цариною.

Вимолю в Бога для тебе весну,
Щоби цвіла, щоби повнилась цвітом
В осінь похмуру, в хурделицю й літом;
І нам з тобою було не до сну,
Щоб засинали вдоволені світом.

Вимолю в Бога для нас малюка,
Щоб, як батьки, шанував рідне слово,
Щоб не було в нього помислу злого,
Щоби була в сина вірна рука,
Добра родина, щаслива й здорова...

* * *

Вечірня сутінь. Місяць. Тиш
Благоговійна.
І ти так солодко тремтиш
В моїх обіймах.

Дух трав'яний несе покіс
П'яного лугу
До водоспаду твоїх кіс,
У тінь муругу.

Нечутно плещеться ріка,
Крик птаха пізній...
Твоя озвалася рука
Початком пісні.

ХАТИНКИ БІЛОЛИЦІ

Миколі Дороднову,
живописцеві, котрий
все своє життя пише
Слобожанські хати.

Хатинки білолиці в слободі,
На хуторах – хатинки білолиці.
Одна кімната – кухня і світлиця –
Сім'ю тримала в радості й біді.

Під стріхою на призьбі спочивав,
Коли віки брели собі волами,
І суєта була десь за горами,
А день – важким, як з борошном чувал.

Хатинки... Ви були непоказні:
Покрівля з очерету і соломи...
Та з піччю і долівкою – хороми!
А теплота, а мамині пісні!

Все там було... Та не голодні дні
Залишились у пам'яті дитячій –
Вона радіє спогадам, не плаче –
Бо там коріння нашої рідні!

ХАРКОВУ

Моє місто в цвіту – в золотому тумані,
Де з високих церков сонцем бризкають бані.

Моє місто в цвіту – весняному натхненні:
Тут працюють творці, тут навчаються генії.

Моє місто в цвіту! І окриленій пісні
Вже затісно у серці моєму, затісно.

І зліта, обіймаючи велич огрому,
Тиха пісня моя, що гучніша від грому.

* * *

Від тебе сяєво несміле
І таємниче, і руде.
Мов сонце в тебе вгрузло, сіло
І нишком променем пряде
Щось диковинно-дивовижне –
Не відведеш очей – і край!
І бризкає усмішка ніжна,
Як – свіжо й чисто – водограй.
На мене зиркнеш соромливо –
І пропаду я, без жалю,
У сяйві тім, як у розливі
Іще не знаного «люблю»...

* * *

Нас зігриває милість Божа
І надихає кожен крок.
Тому ніяка огорожа,
Провалля, море чи сторожа
Спинить не зможе. Лише строк
Подовжить і ходу, і дію...
Я маю трепетну надію,
Що час притримає курок,
І я ще з вами порадію.

Наталья БАЛАНОВСКАЯ

ЕСТЬ У МЕНЯ ИКОНА

* * *

Ни телеграмм, ни писем, ни звонков...
Неужто на Земле я стала лишней?
Я с полки достаю молитвослов —
не отрекайся от меня, Всевышний.

Я верю: Ты всемогущ и велик —
пока живу, всегда с тобою буду.
Когда-нибудь увижу я Твой лик —
бессмертное вневременное чудо.

* * *

Когда в моём окне темно
и дождь долбит угрюмо крышу,
в чужое загляну окно
и боль иной судьбы услышу.
И, на себя примерив боль
(в беде — проверенное средство),
я перестану быть собой:
чужим огнём я стану греться.
Чужой бедою бедовать,
Свою — помалу — забывать.

* * *

Мужчина, мной любимый,
но не любящий,
не очень элегантный,
но не в рубище. —
не помнит, не звонит,
на зов не явится,

поцеловав меня,
он в этом кается.

И вновь ко мне приходит,
если плохо мне,
но от меня закрытый,
словно в коконе.
Загадка эта мне не по уму:
зачем всё это мне или ему?

* * *

Я вся — от природы:
от солнца, от ветра,
от летнего ливня,
от лёгкой листвы.
Я — белка,
крадущая шишки у кедра,
я — песня ночная
у сиплой совы.
Я вся — от земли
от поляны медвяной,
от речки болтливой,
от ярких снегов...
И в генах пульсирует код постоянный —
могучая память
минувших веков.

Сознание ищет ответ на вопросы:
Откуда? Зачем? Отчего — на Земле?
А, может быть,
всё фантастически просто:
от взрыва — до взрыва
в космической мгле.

* * *

На тебя любая точка
точит нож в твоих стихах.

Арсений Тарковский

Вещих снов бояться стала
и лукавой ворожбы.
Говорят, в них правды мало.

Но бывает у судьбы –
словов вылетит случаймо,
как беспечный воробей,
обернётся силой тайной,
не понятной для людей,

и настигнет очень точно
в час, корда бедж не ждеш...

Где в стихах моих та точка,
что оттачивает нож?

РОДИНА

Есть у меня лампада,
есть дерево и Русь.

Инна Лиснянская

Есть у меня икона
и крестик золотой.

Коленопреклонённо
стою перед тобой,
благодаря за щедрость
ухабистых дорог,
за ветренность и верность
Березових серёг.

Малиновым закатом
я допьяна напыюсь...
И большего не надо –
есть дерево и Русь.

Александр ГУТОРОВ

РОССИЯ И ЗАПАД.

Ф.М. Достоевский и А.Д. Мёрдок.

Проблемы романистики XIX и XX вв.

Достоевскому в мировой литературе повезло больше, чем Пушкину или даже Л. Толстому. Он был в двадцатом веке едва ли не наиболее затребованным писателем, определяющим как характер психологического романа, так и содержание литературного процесса в целом. Эта тенденция сохраняется и поныне.

Пути развития художественного сознания, как известно, прослеживаются через литературные направления. И если в начале прошлого века новоявленный модернизм был беспощаден к литературной традиции, а самые горячие головы, представляющие русский футуризм, готовы были Пушкина и Достоевского «сбросить с парохода современности» (1912), то сюрреализм, экзистенциализм и последовавший за ними постмодернизм были более терпимы к своим предшественникам. На родине Достоевскому не везло – и как человеку и как литератору. После шокирующих заявлений футуристов, появившихся после шельмования в левой прессе постановки Художественным театром «Бесов» (1907), на писателя ополчилась рвущаяся к власти социал-демократия во главе с Лениным. К мнению об «архискверном» Достоевском присоединился М. Горький. В 1913 – 1914 годах пролетарский писатель написал несколько статей «О карамазовщине». Да и вообще отношение к этому писателю было у Горького едва ли не высокомерным.

После Октябрьского переворота 1917 года Н. Крупская издала поддержанный А. Луначарским рескрипт о запрете книг и изучения произведений Достоевского в школах и вузах. Из дореволюционных крупных и неоднозначных писателей был разрешен только Лев Толстой (разумеется, тоже далеко не весь), поскольку линию его литературного творчества поддерживали Чехов, Куприн, Серафимович, «знаниевцы», а главное – сам Горький. Тем не менее, в советской литературе наблюдались слабые попытки как-то все же подражать Достоевскому – у Л. Леонова, Вс. Иванова, М. Слонимского, у некоторых перевальцев – во главе с А. Воронским, поскольку они опирались на разрешенный в период НЭПа фрейдизм. На каком-то глубинном психологическом уровне Достоевского наследовали М. Булгаков и А. Платонов, о чем писал в советское время, впрочем, не утруждая себя доказательствами, Г. Фридендер. Поэтика Булгакова и Платонова определялась все же иными социально-литературными факторами ориентациями. На Западе Достоевского должны были признать хотя бы из интереса к генезису русского революционизма.

Однако Достоевский не просто писатель. Это очень крупное и необычное явление культуры, а творчество его как бы несущая конструкция духовной жизни современности.

Не будем вдаваться в подробности, какие стороны его наследия становились наиболее актуальными в России и на Западе. Скажем лишь одно: в романистику и драматургию, кинематографию нового для него века русский классик входил нередко в упрощенном, редуцированном виде. Достаточно назвать «Братьев Карамазовых» в постановке И. Пырьева в 60-е годы. То же было и в романистике, о чем ниже. И если в России творчество Достоевского было издано и объективно оценено лишь в 80-90 годы XX века (Ю. Карякин, С. Сараскина), то на Западе его открыли и приспособили для своих культурных нужд гораздо раньше. Не будем забывать и о том, что литературно-исторический процесс и даже психологическая его составляющая не начинались с творчества великого русского классика. Но Достоевский оказался продуктивнее многих своих предшественников и современников по степени влияния на мировую культуру.

Творчество писателя как никакое иное во все времена было трудно для усвоения, особенно для зарубежного читателя. В его наследии переплелись и начала откровенно идеологического романа – («Бесы»), и сентиментально-романтического повествования о судьбе маленького человека («Бедные люди». «Униженные и оскорбленные»), и романа детективно-психологического («Преступление и наказание»), и хроники сибирской каторги («Записки из Мертвого дома»), и «семейно – психологической эпопеи с криминальным сюжетом («Братья Карамазовы»), а кроме всего прочего, – мотивы глубокого внутреннего неприятия окружающего социума «Человек из подполья», и, наконец, произведения о странном чудаке-персонаже, родственном Христу и Дон Кихоту («Идиот»). Не будем сводить все к примитивному субъективизму – «архискверного Достоевского», как определил его самоуверенный В. Ленин, не желающий ничего знать, кроме своей собственной позиции как высшей ценности и революционной, а, следовательно, единственно правильной и бесконечно насильственной точки зрения на мир по пути движения человечества к общему счастью. Лицемернее такой кровавой инвективы трудно было что-то придумать и вообразить. Мы и сегодня расхлёбываем ее плоды.

Не будем также приписывать Достоевскому все, что сделано в пользу его типа художественного мышления до него. Человеческая история и литература дают нам немало примеры именно таких образов и таких характеров, которые в новом историко-литературном и национальном контексте были представлены Ф. Достоевским. Это и реальный Иисус Христос, и Гамлет, и Дон-Кихот, и Вий, и Поприщин, и Печорин, и несколько раньше – пустынный Серапион со всеми своими братьями по литературно-фантастическому творчеству и галлюцинационным «визионерским» (по З.Фрейду) восприятием мира – (роман «Серапионовы братья, 1804-1818). Даже типы криминалиста-психиатра Ч. Ломброзо, воссозданные им во многих книгах с середины века, здесь нужно упомянуть. Одна из них «Гений и вырождение» (1897) имеет непосредственное отношение к нашей теме, хотя и появилась после ухода Достоевского из жизни. Отметим лишь: А. Конан Дойль, Ф. Кафка, М. Пруст, Д. Джойс, А. Хичкок объективно уже были продолжателями художественной традиции Достоевского. Т.Манн, Т. Драйзер, Р. Роллан, У. Фолкнер, А. Камю нередко сами заявляли о влиянии на их творчество наследия русского классика. А если нет прямых биографических свидетельств или признаний у других авторов, то следы такого влияния нетрудно обнаружить путем сравнительно – сопоставительного метода.

В данной работе мы пытаемся рассмотреть «далековатые» явления» и, ограничившись анализом современных литературных форм, опереться лишь на три

романа английской, очень характерной в смысле наследования нашего классика, писательницы Айрис Мёрдок, опосредовавшей свой психологический анализ литературным течением, которое она достойно представила и в науке, и в искусстве. Свидетельство тому – докторская диссертация и несколько обстоятельных работ по экзистенциализму, а также 26 опубликованных её романов, удостоенных национальной премии «Букер» (1978) и, в связи с этим, присвоения ей звания Дамы-Командора ордена Британского королевства (1987). Факты говорят сами за себя. Писательница попала в число пяти лучших английских романисток всех времен, а многочисленные переводы ее произведений на многие языки мира свидетельствуют о добротности литературного продукта, вышедшего из-под ее пера. В России этот процесс только начат – вышло пять томов писательницы в издательстве «Эксмо» (2008-2010), и наш читатель на постсоветском пространстве с ее творчеством слабо знаком. Без сомнения, Айрис Мёрдок была серьезным исследователем такого весьма многогранного литературно-философского течения, как экзистенциализм.

Экзистенциализм возник в начале Второй мировой войны (1940) как некая апелляция к отдельному человеку, попавшему в тиски двух тоталитарных и беспощадных европейских государственных политических систем, для которых человеческая жизнь и судьба соседних народов немного стоили. Особенно, если шла речь о Германии 40-х годов прошлого века и СССР. Человеческая ценность населения земного шара была глобально осознана лишь после войны и выражена во «Всеобщей Декларации прав человека», утвержденной в 1948 году ООН, но так и не подписанной СССР, а лишь как бы «принятой к сведению на общем собрании».

Несмотря на то, что основоположники марксизма устами Энгельса провозгласили жизнь как способ существования белковых кровяных телец, подчеркивая важность природного и даже географического факторов в контексте последующего развития марксистско-ленинской идеологии, биологический феномен считался второстепенным по сравнению с текущей политикой и ее словесно-демагогическим оформлением. Одно время географический подход самого Ф.Энгельса к человечеству у нас даже осуждался, как отступление от канонического марксизма!

Вторая мировая война отличалась особенно жестокими и массовыми истреблениями человека как вида, и уже тогда доказала опасность и гибельность такого общественного пути. Основоволожники течения – Ж.П.Сартр, А. Камю, С. де Бовуар и следовавший за ними А. Сент-Экзюпери не уклонялись от сражения с фашизмом – и словом, и делом. Гибель последнего – славного сына Франции – в 1944 году подтверждала характер зыбкости человеческой судьбы в яростном мире. Но при всех трудностях военного бытия, сторонники данного направления никогда не ставили никакую идеологию выше жизни конкретного человека, а тем более духовной жизни во всем ее объеме и разнообразии. Будучи левым художником и мыслителем, Ж.П. Сартр, участник Сопротивления, отказавшийся от получения Нобелевской премии по причине поддержки им М. Шолохова в 1964 году, едко и беспощадно издевался над каноническим соцреализмом и его унылыми творцами-художниками «социалистического лагеря».

Представляемое им литературное течение, опиралось на широкую основу. При уважении к традиции и удивительной для той поры широте мышления в число основателей такого типа творчества попали выдающиеся литераторы многих веков и народов – Шекспир, Диккенс, Бальзак, Достоевский. Можно удивиться, почему в

перечне великих имен нет Л. Толстого. Но все объясняется довольно просто – Л. Толстой в «Войне и мире» карикатурно представил Наполеона, о котором во Франции и в Европе сложилось положительное мнение, благодаря Кодексу его имени и отмене крепостного права в покоренных им временно странах. Наш анализ показывает, что многие произведения Л. Толстого соответствуют модели экзистенциалистского романа. Это и «Анна Каренина», и «Крейцерова соната», и «Дьявол», и «Смерть Ивана Ильича». Естественно, они часто шире и глубже предъявляемых к литературному творчеству требований самих экзистенциалистов. Однако экзистенциализм, в отличие от соцреализма, был открытой системой и предоставлял автору свободу творчества, тем более – идеологических оценок. Многие писатели, вроде Э. Хемингуэя, У. Фолкнера, Г. Бёлля, поддерживали творческую связь со сторонниками этого течения, но организационно в него не входили и не декларировали свою солидарность с его принципами. Однако откуда было бы взяться столь изощренному психологизму в американской литературе, у учеников Р. Шервуда? И уж, конечно, С. Моэм, тоже стоявший на некотором отдалении от экзистенциалистов, включил имя Л. Толстого в число великих литературных учителей современных авторов. По его мнению, их не так много – всего четыре: Диккенс, Бальзак, Толстой и Достоевский. Это истинная писательская школа. Остальных можно умному человеку и не читать.

Совершенно естественно, что в литературном творчестве должна была быть и какая-то осмысленная философско-психологическая подкладка. И хотя над «Либи́до» Фрейда творцы экзистенциалистской литературы порой ядовито посмеивались, считая, что выживание в этом мире всех видов живых существ (Дарвин) и их самоутверждение в природной и социальной среде (Ницше) – основные цели человека, но писатели в конкретном литературном творчестве не раз подчеркивали значение спонтанных эмоциональных порывов, не контролируемых сознанием, и непреложность законов внешнего социального мира – «Супер-эго» (по Фрейду), и даже причастность персонажей к коллективному бессознательному (это хорошо разработано учеником Фрейда К. Юнгом, а основоположником психоанализа было лишь намечено (на уровне возрастной, детской, и племенной психологий). Личность персонажа в экзистенциализме рассматривалась на разных уровнях своей структуры и конкретно-исторических условий существования.

К числу экзистенциалистов были отнесены и некоторые философы новой в ту пору волны – Гуссерль, Бердяев, Шестов, Хайдеггер, что свидетельствовало о безусловной преемственности традиций в культурно-историческом процессе... Но главное в ином – практическая интуитивная психология литературы и искусства дала и дает пока человечеству больше, чем научная «психиатрия», тем более – фрейдистская, психопатологическая. И это стало краеугольным камнем всего рассматриваемого здесь литературного течения. И весьма справедливым утверждением – с точки зрения здравого смысла, который потом взял на вооружение В. Франкль.

Неоценимую услугу мировому литературоведению оказал в ту пору и автор работы «Проблемы творчества Ф. Достоевского» М. Бахтин (1929). Безусловно, его позиция, в ту пору уже арестанта, в сталинскую эпоху не могла иметь даже право на существование, но удивительнее всего, что она все же давала о себе знать. Несколько раньше психологизированный театр А. Стриндберга, Г. Ибсена, А. Чехова и других представил как будто некую универсальную формулу сочетания психологизма и действия и устремился, условно говоря, как бы по пути параллельному миру

Достоевского, со своими особыми элементами и психологической составляющей в освещении характеров и обстоятельств.

Не пошла русскому классику на пользу и фрейдистская весьма авторитетная в психологии и в культуре в целом школа. Фрейд и его сторонники, ученики и продолжатели «дела» целенаправленно подавляли вольных или невольных конкурентов. В некоторых их книгах можно найти такую мысль, что творчество Достоевского и Толстого лишь иллюстрировали основные положения психоанализа Фрейда. Возможно, основоположник фрейдизма тут и неповинен. Он сам не раз признавался, что фундаментальные принципы психоанализа заимствовал из разных источников. Из античной культуры – катарсис, – что названо им сублимацией, Эдипов комплекс. Кое-что пришлось почерпнуть ему и из эпохи племенного строя – «комплекс орды», «тотем» и «табу», кое-что из моральной структуры родового уже строя – феномен «праотца» и его борьбу за первенство, что уже успели в ту пору досконально изучить Ч. Дарвин и Ф. Ницше – каждый, конечно, по-своему.

В силу нашей недавней идеологической спеси (мы самые лучшие и самые прогрессивные) и желания создать какую-то совершенно особую науку (зачем нам буржуазные «генетика» и «кибернетика», как и психологический анализ!), мы нередко отрешивались даже от собственных открытий в науке, литературе, философии, отдавая их на откуп просвещенной Европе XX века.

Один из талантливейших учеников, развивавших фрейдизм в сфере коллективного бессознательного (потом он отошел от своего учителя), К. Юнг представил эту первобытную орду, племя как средоточие коллективного бессознательного и предложил типологию современных человеческих особей и способов их мышления – «архетипы». Но если разобраться, то его намного опередил не только античный философ Феофраст – ученик Платона и автор «Характеров», но и Гоголь. Ведь что такое гоголевское сообщество в «Вечерах на хуторе», в «Мертвых душах»? Что такое символы и персоналии народной фантазии – черти, домовые, вии, русалки, помеченные чертами национального представления и мировосприятия? А так называемые гоголевские типы? Отдадим должное русским писателям – вплоть до Толстого, и включая его, изображавшим общинный народ – крестьян, казаков, солдат, кавказцев как неких носителей определенной коллективной культуры, где индивидуальное сознание обесценено или практически никак не выявлено. Л. Толстой это называл «роевым сознанием», Лесков – «хоровым». Достоевский был, пожалуй, первым в русской литературе крупным писателем, представившим подобные народные, правда, городские и криминальные типы – как яркие индивидуальности. Массовидность героев времен гражданской войны – этого «дикого, орущего и мечущегося безголовья» (А. Малышкин) тоже своеобразный русский феномен, включающий апологетику массы, пресловутого обезличенного коллектива.

И нынешняя концепция персонажно-группового сознания, привычная для экзистенциалистов, давно получила широкое распространение, вплоть до марксистских ученых и художников. Современная социология исследует всякого рода социальные общности, вроде этнических, религиозных объединений, рабочих групп, политических партий и пр. На литературно-художественном уровне, начиная с физиологических очерков, гоголевской «Шинели» и «Бедных людей» Достоевского, все это уже как-то представлялось и даже типологизировалось. Антон-Горемыка не Башмачкин. А что такое, к примеру, «малая родина» у наших советских «деревенщиков» и как она

согласуется с малой Вселенной, о которой то и дело твердит А. Мёрдок? Недаром теперь в Интернете большим спросом пользуются программы и сайты, охватывающие социальные связи людей, из которых «Одноклассники» – самое безобидное поле массового общения. Значит, русская культура, литература и философия шли в ногу и в каком-то смысле опережали открытия выдающихся антропологов и этнографов XX века Д. Фрезера и К. Леви-Стросса, хотя и не делали из этого сенсаций.

А что такое фрейдовское «Либи́до»? Уж не находится ли оно в связи с осознанием мира «человеком из подполья» Достоевского? И не улавливаются ли его связи с пренебрежительным отношением к фундаментальным ценностям мировой культуры Ленина и Сталина – социальным, художественным, религиозным? И не перерастает ли такое сознание в «организацию революционеров» всякого толка, – вплоть до современных фашистов, террористов-смертников, талибов, фанов, ксенофобов? Не порождает ли такая корпоративная общность фашизоидные идеи, тяготеющие к миру «бесов» Достоевского?

А сам принцип диалогического общения, разработанный в 1929 году М. Бахтиным на материале творчества Достоевского? Г. Фридлиндер считает автором «симфонической диалектики» в творчестве Достоевского предшественника М. Бахтина А.З.Штейнберга, хотя на симфоническую природу литературного произведения указывал несколько раньше М. Горький и еще в 1902 году печатал пьесу «На дне» с нотами, поскольку любил пьесы слушать, а не читать!

Принцип диалога, как способ открытия истины, был известен уже Сократу и нашел письменное воплощение в знаменитых Диалогах Платона. Трудно переоценить значение диалога во всякого рода «мозговых штурмах», телевизионным и игровым аналогом которых является популярная игра «Что? Где? Когда?». Концепция творчества, как игры (Фрейд, Хайзенга) – тоже дело рук игрока и автора «Игрока» – Достоевского.

Суть дела, пожалуй, в другом. Благодаря изучению трудов М. Бахтина, француженка Ю. Кристева, болгарка по происхождению, ссылаясь на русского ученого, ввела в литературоведение термин «интертекст» (1969), который определил концепцию не только художественного модернизма, но и стал широко применяться практически во всех гуманитарных науках, и теперь уже с проблемой глобализации во всех областях жизни и порождаемых последней новых ступеней пост-постмодернизма получил всеобщее признание.

Известно также, что театр абсурда (Э. Ионеску, С. Беккет) вырос из экзистенциализма, будучи его своеобразным левым ответвлением. Здесь как бы с наибольшей силой выражена парадоксальность человеческой жизни. Но разве не Лермонтов заметил в свое время: «А жизнь, как посмотришь с холодным вниманьем вокруг, – такая пустая и глупая шутка». Именно экзистенциализм мог бы начертать эту фразу на своем знамени, если бы кто-то из основателей течения ее знал. Примеров более чем достаточно.

Теперь о связях Достоевского с экзистенциализмом и туманным Альбионом.

А. Мёрдок – не только признанный классик современной англоязычной, экзистенциальной литературы, исследователь самого этого литературного явления, она же и яркий представитель одного из самых модных и пикантных пластов в романистике – женского романа. Все это весьма любопытно и неоднозначно. Родилась писательница в г. Люблине, в ирландской семье Джеймса Мёрдока – офицера-кавалериста, участника Первой мировой войны.

Получив среднее образование уже в Лондоне, куда в раннем её детстве переехала семья, Джейн Айрис Мёрдок в 1942 году закончила Оксфорд – факультет классической философии и психологии, а, поработав на разных чиновничьих должностях, поступила в докторантуру при Кембриджском университете, где изучала уже современную философию, сосредоточившись потом на Ж. П. Сартре (1947-1948).

С 1948 года по 1963 г. А. Мёрдок преподает в колледже Св. Анны в Оксфорде.

В 1953 году у нее вышла книга о творчестве и личности Ж.П. Сартра, послужившая основой докторской диссертации, которая вскоре была и защищена. В 1956 году она вышла замуж за будущего профессора английской филологии Джона Бейли, с которым прожила 40 лет, а в 1986 году развелась по собственной инициативе. Детей у них не было – по вине мужа. Факты супружеской жизни отражены ею в романах «Черный принц» и «Дитя слова», о которых здесь и пойдет речь. Некоторые из них и посвящены супругу, хотя А. Мёрдок нельзя назвать верной женой и хорошей хозяйкой.

Она увлекалась плаванием, политикой (работала как-то даже в офисе ООН) и другими мужчинами – была даже какое-то время членом компартии Великобритании, но вскоре разочаровалась в концепции последней. Эрот для нее стал реальным, а не античным богом. После развода с мужем писательница вдруг стала страдать от болезни Альцгеймера и последние годы своей жизни провела в доме для престарелых, откуда и ушла в мир иной 9 февраля 1999 года, не дожив полгода до своего восьмидесятилетия. Благодарный муж, кстати, снял о ней документальный фильм под названием «Айрис Мёрдок».

Уже к 1954 году писательница пытается реализовать литературно-философские постулаты близкого ей течения философско-литературной мысли на практике: издает свою первую книгу – роман «Под сетью» (1954) – метафора опрокинутого в современность старого библейского мифа о женитьбе царя Давида на Мелхеле, где тесть Саул полагает, что его дочь «будет ему сетью» – «Книга царств». Тут особенно заметно влияние еще модного в ту пору французского течения. Модель экзистенциалистского романа по-своему нормативна, как и концепция соцреализма, которую не раз едко высмеивал Сартр. Здесь обязательно, в числе прочих, присутствует и половой порыв, и планирование будущей своей жизни персонажами – «проектирование» (термин из герменевтики), а также – либо их гибель, либо какая-нибудь серьезная травма – крушение всяких романтических иллюзий и надежд. Литература, по мысли, Ж.-П. Сартра, в XX веке переходит «от состояния непосредственного отражения в состоянии отражения, обдумывающего». А это значит, что психология и философия являются неотъемлемыми ее составляющими, некоей подкладкой. Прежние стабильные состояния Богом сотворенного мира и благоустроенного человечеством то и дело находятся «под угрозой уничтожения», а в конкретном творчестве нередко оборачиваются абсурдом.

Экзистенциалисты критически относились к основоположнику психоанализа, не отбрасывая личностный характер человеческого бытия и заменив прежний его подход к человеку и миру собственным экзистенциалистским анализом, оставив все же кое-где и фрейдистскую многомерную структуру человека с его «фрагментарностью» (М.Бахтин), но подменив энергетические стимулы человеческих устремлений то проекцией собственной судьбы, то логикой здравого смысла – логотерапия В. Франкля, неотрейдиста, близкого к экзистенциализму, почувствовавшего в фашистском концлагере все «прелести» коллективного бессознательного и геноцида. Немало резких

слов сказано в книгах самой А. Мёрдок и о К. Юнге. Сторонники модного одно время литературного течения, очевидно, усматривали в последнем некоего невольного сторонника тоталитаризма, будучи решительно настроенными против какой-либо господствующей, тем более властной идеологии, одурманивающей массы. Доминанта их творчества была принципиально иной.

Экзистенциалисты в пику рационализму очень высоко ценили интуитивное, художественное познание жизни и человека. Вместе с тем они пессимистически оценивали обреченность последнего, в силу которой жизнь превращается в абсурд.

Айрис Мёрдок, автор двух дюжин прозаических книг, конечно, существенно изменила англо-американскую манеру романного повествования. Писательница отбросила многозначительную сдержанность, чопорность, хэмингуэевский подтекст, за что харьковский критик В. Брюгген назвал ее просто «болтушкой» (2003). В. Брюгген не учел, что сама доступность текста таит в себе нечто весьма значительное, характерное и даже типологическое, на что мы уже обратили внимание и что попытаемся теперь доказать. А. Мёрдок избавила английский роман во многом от его рационалистичности, порою даже скуки.

Чтобы анализировать роман надо иметь хотя бы общее представление о нем представление. Генезис этого жанра как бы связан с эпохой Возрождения и в самом названии часто заключена номинальная характеристика произведения, написанного на одном из романских языков. Это дало Д. Лукачу характеризовать роман как «буржуазную эпопею» (1935). Поразительно, что с ним в чем-то согласился и Ж.П. Сартр, не без основания считая, что заказчиком и потребителем той или иной разновидности романа является буржуазная публика, примерно, как нынешняя, но часто вовсе не буржуазная, – способствует производству боевиков-блокбастеров и сериалов из мелодрам – «мыльных опер». Роман возник все же еще в античные времена – «Дафнис и Хлоя» Лонга, «Сатирикон» Петрония и другие подобные произведения. Иное дело, что он не был в ту пору доминирующим жанром, уступая место трагедиям, затем мистериям, и в первую очередь – эпосу – во всех его разновидностях. Немалую роль при этом играла неграмотность публики. В европейской традиции, примерно, с 18 века роман уже определяли, как повествование «о любви и семейной жизни».

Однако роман оказался наиболее емкой формой литературы, открытой для «чужеродного» ему материала – проникновения в него философии, психологии, социологии, науки, технологии, производственно-технической деятельности и пр. Помимо общих жанровых форм – способов деления литературы на роды и виды, у него существует еще и особое «жанровое содержание» (Г.Н. Поспелов). Классификация по внутреннему признаку, примерно, такая: роман может быть психологический, социально-бытовой, политический, идеологический, мемуарно-очерковый, военный фантастический, научно-фантастический, этологический, биографический и т.д.

Иногда в форме романа излагается нечто принципиально иное, чем от него ожидают. Так в романе «Что делать?» Н.Г. Чернышевский обнародовал свою радикальную программу преобразования общества на базе разнчинства, преимущественно в нравственно-этическом аспекте – условия написания книги в Петропавловской крепости ничего иного ему не позволили бы сделать (1862). Современники из дружеского автору лагеря называли такой роман «трактатом» (Е. Водовозова и др.), как и последующие за ним «Очерки русской жизни Н. Шелгунова (1895). Очевидно, роман М. Горького

«Мать» также похож на идеологическое руководство к действию, как, скажем, «Буря» И. Эренбурга или «Коммунисты» Л. Арагона, романы самого Сартра конца 40-х годов. Все это «нужные и своевременные книги», если на них распространить определение вождя, касающееся «Матери», но вряд ли в художественно-эстетическом, гедонистическом или утонченно-психологическом смысле РОМАНЫ. Именно в силу небывалой грузоподъемности романа они стали литературным фактом. Л. Толстой, подчеркивая разницу своих двух главных произведений, утверждал, что в «Войне и мире» им руководила мысль народная, а в «Анне Карениной» – мысль семейная.

Потому один из основоположников русского декаданса И. Ясинский восторженно анализировал «Анну Каренину» как произведение чистого искусства (1884). Ленинская же ее трактовка очень похожа на трактат самого вождя «Развитие капитализма в России». Конечно, оба критика изначально субъективны и «фрагментарны» в своем восприятии и постижении романа.

В нем можно найти немало потрясающих своим высоким психологизмом сцен и переживаний той же Анны (поведение на скачках, свидание с сыном), как и трогательное воссоздание автором курчавых волосков на шее героини, ее ухоженных аристократических рук, что дает, безусловно, некое право для художественно-эстетического анализа. В. Ленин же извлекает из произведения очень характерную цитату и определяет в своих категориях ее смысл: «У нас теперь всё это перевернулось и только укладывается», – трудно себе представить более меткую характеристику периода 1861-1905 годов». Ленину вовсе неинтересно, что словечко «перевернулось» у Л. Толстого ключевое и многозначительное и вначале оно относится к дому Облонских, потом характеризует отчаянные неудачные попытки Левина сохранить уровень производства зерна в России после освобождения и исчезновения крепостного крестьянства, затем приобретает и вовсе расширительный смысл, связанный с появлением в нашей стране нового типа просвещенной женщины, вовсе не похожей на «тургеневских барышень» или на Веру Павловну Чернышевского.

Таким образом, мы должны здесь вести речь о наиболее популярной, классической разновидности романа, повествующего если не о великой любви или благополучном (несчастном) браке – семейной жизни, то уж во всяком случае, о личной судьбе персонажей. Общественные же проблемы, которые поднимает писатель, так или иначе должны быть рассмотрены сквозь призму частного, конкретно-человеческого их воплощения. Модель такого романа, как и всякого иного, предполагает некую собственную структуру или уж во всяком случае – историческое и художественно-выразительное ощущение специфики изобразительных средств. Вот некоторые из наиболее известных узловых элементов экзистенциалистской структуры романа.

1. Проблемно-тематическая детерминация. А. Мёрдок, придерживаясь как будто классической формы любовного романа, все же чаще представляет нам неудачников в любви, так и не создающих никакой семьи, хотя ЛЮБОВЬ для нее – необходимый критерий оценки человека и качества его жизни. Это, если следовать за Фрейдом, еще один социально-цивилизационный фактор, который является причиной устойчивых неврозов. Экзистенциалисты, как помним, и саму человеческую жизнь признали волей случая и даже не шуткой, а абсурдом в эпоху военных и социальных потрясений. Главный герой Мёрдок пытается жить по совести, нести добро людям, но нередко по прихоти судьбы или слабости характера предстает источником зла, эдаким Черным принцем или его попросту таковым представляют и даже «подставляют» по какой-

либо причине. Как говорилось в свое время в советской аннотации на цитированный здесь роман «Дитя слова», в нем-де «раскрывается несовершенство буржуазного общества, уродующего заложенное в человеке нравственное начало». Мы-то уж были полным и безупречным совершенством!

В психологическом смысле творчество романистки то и дело подтверждает фрейдистскую мысль о многоуровневом строении человеческой личности, о «фрагментарности» человека», как уточнил ее М. Бахтин. Основная граница проходит между подсознанием – «либидо», «подпольем», по Достоевскому, и сознанием, то ли в форме характера самой личности – «Эго», то ли в кругу ее – культурно-цивилизационного, идеологического или этнологического бытия (Супер-эго). В конкретных случаях верх берет либо общественное и личное осознание ситуации, либо «подполье» – какой-нибудь инстинкт – любовный, самосохранения, властный и пр.

2. Второй уровень – персонажный. Здесь нет места перечислять основные типы романских героев и киногероев. Главные персонажи Мёрдок далеки от всяких Рембо или Джеймсов Бондов, поскольку те, при всех своих достоинствах, воплощают в себе более низкий, «плебейский» уровень усвоения культуры и набили оскомину в остросюжетных детективах, в блокбастерах и прочих зрелищных шедеврах такого сорта.

Ее основной герой – интеллект-неудачник, либо участвующий в создании культурных ценностей, либо стремящийся к такому участию, либо каким-то образом инкорпорированный в мир современной гуманитарной культуры. Он «Дитя слова» (1975), как Хилари Бэрд – персонаж упомянутого романа (так же, примерно, характеризовал себя и Ж.-П. Сартр), Джеймс Донегью («Под сетью») и Пирсон Брэдли из «Черного принца». Все эти персонажи – некие разновидности одного прототипа – большей частью супруга писательницы на разных этапах его жизни.

В самой системе её персонажей есть немало современных напористых и волевых парней, контрастных главным, но с низким социальным статусом, персонажам и по сути опасных врагов последних.

3. Немалую роль в изображении характеров играют условия жизни – обстановка, обстоятельства. Человек у экзистенциалистов существует как бы в трех средах. Одна из них собственно человеческая личность в трех ее измерениях, по Фрейдю, другая – групповая среда общения, более узкая, чем привычный нам почти абстрактный «класс», – своеобразная «микровселенная», и третья – окружающий мир во всей его социальном и биологическом разнообразии. Несколько труднее воспринимается именно второй уровень человеческого бытия.

Как утверждал один из разработчиков структурно-генетического метода, ученый марксистского толка, второй слой представляет некую социальную структуру, образующую мир художественного произведения и он «гомологичен мыслительным структурам некоторых социальных групп». Смысл этого утверждения таков: в литературе мы имеем дело со структурированным групповым сознанием. В данном случае, если сослаться на Мёрдок, – это некая узкая прослойка, располагающаяся между слабо мыслящим простонародьем и сильными мира сего – как правило неисправимыми нахалами, вроде Роджера, бывшего мужа Имплиции, или Ганнером – непримиримым врагом Бэрда из романа «Дитя слова». Эти преуспевающие удачливые хамы – разновидности современного нахрапистого Лужина, порою даже не лишённые образования, поверхностной культуры и манер. Ниже обеих этих групп

располагается бесчисленные группы трудящихся – уборщиц, швей, санитаров, домашних слуг и прочих людей такого сорта, которых могут безнаказанно обижать и даже насиловать Ганнеры. Ганнер это как раз успешно проделал с сестрой Хилари Бэрда Кристел, а самого Хилари попросту не раз собирался убить («Дитя слова»).

Джейк (роман «Под сетью») – всего лишь литературный переводчик и сценарист, хотя одно время вынужден служить санитаром в лондонской больнице и испытать на собственной шкуре все «прелести» своего нового социального положения. Это соответствует и выводам современной психологии, где противоречивая групповая общность людей создается в этнических, религиозно-клерикальных сообществах, в политически активных кружках, ячейках партий, школах, университетах. Тут свой мир ценностей и способов общения. Нынешняя информационная глобализация норовит с помощью Интернета невольно разрушить эту очень милую и освоенную романом среду, в которой ныне орудует немало мошенников.

Конечно, мир культуры или искусства весьма широко представлен в литературе – тут и Э. Хэмингуэй, и И. Шоу, и В. Набоков, а в кино – Ф.Феллини, И.Бергман, А.Тарковский и другие столпы нынешнего интеллектуального психологического кинематографа. В этом мире грез тоже свои проблемы. И немалые. Айрис Мёрдок представляет большей частью неудачников, людей низкого социального слоя, но не завидующих своим преуспевающим и денежным коллегам. Если они и пробиваются к заветному пирогу, то уж никак не за счет отказа от своих принципов, а с помощью сильной руки, сохраняя честь и достоинство. Невольно вспоминается Родион Раскольников, правда, трансформированный и весьма современный. Он-то и есть её любимый герой, с которым нескудно образованному и даже полубразованному человеку. Нетрудно заметить, что речь часто все же идет о сравнительно комфортных для западного человека условиях жизни – обстоятельствах, составляющих основную часть морального удовлетворения или психического стресса от условий современной цивилизации, изначально, как помним, враждебной людям, основной причине всяких психических болезней – устойчивых невротозов. Это и в миниатюре – чисто буржуазная среда, общество потребления, как любил его определять Сартр и чем мы ныне восторгаемся.

Герои Мёрдок мужского пола часто женственны по натуре и способам выражения своих мыслей. Сказываются в выборе рассказчика некие издержки полового «трансфера» и энергетика современного женского романа. Они-то и дело как-то очень мило восклицают – «ох!» и «ах!». Феминизированные мужские персонажи – продукт современных условий жизни и общественной терпимости к людям теперь уже даже нетрадиционной ориентации. Сами же женщины успешно делают порою карьеру в современном мире, беззастенчиво используя и традиционные пути своего продвижения (за счет своих женских прелестей), и проявляя немалые волевые чисто мужские усилия, завидную хитрость, сноровку в своих карьерных устремлениях. Таковы, например, Магдален и ее подруги – Сэди и Анна – в первом романе писательницы «Под сетью» (1954). Тут есть о чем задуматься. Сама писательница – «командор» также не лишена некоторых свойств супермена.

4. Сюжет. Традиционно сюжет определяется как «развитие действия и отношений героев» (М. Горький). С развитием действия в наш век все предельно ясно и понятно – достаточно прочитать какой-нибудь уголовно-детективный бестселлер или посмотреть по телевизору очередную серию «Рембо». Герой в упрощенно

психологическом смысле живет либо под страхом преследования, либо сам участвует сознательно в преследовании, опасном для его жизни. Другое дело – «отношения». Отметим лишь, что традиционно в них была выражена логика причинно-следственных связей. От человеческих отношений часто зависел характер сюжета, даже трагический исход в судьбе персонажей. Вражда двух знатных и враждующих родов Вероны приводит к гибели обоих их юных наследников – Ромео и Джульетту. Лишь после гибели молодых людей, кое-кто из прежних неприятелей подает друг другу руку. В сюжете могли быть отклонения от общепринятой этической нормы – Татьяна первая призналась в своей любви к Онегину, тот ее отверг, но потом неожиданно сам влюбился в Татьяну – женщину и, что называется, остался в дураках. Но тут не было жгучей ненависти, дикой ревности, глупости – всего того, что случилось с Ленским, любившим Ольгу.

Своеобразные событийно-эмоциональные синусоиды сюжета, смена характера эмоций и нравственных ориентаций (любовь – ненависть, добро – зло, преданность – предательство), как и точек зрения у персонажей на противоположные, – вовсе не новость в литературе. Но до поры до времени такое происходило как бы в одной плоскости, где можно было многое предусмотреть и предугадать. Уже Достоевский, как видим, круто изменил положение вещей. Его герои часто действуют совершенно непредсказуемо и руководствуются при этом отнюдь не мелкими корыстными или какими-либо родовыми соображениями. «Кто я – тварь дрожащая или право имею?», – рассуждает не в меру самолюбивый и страдающий манией величия Раскольников. Так же, как мы убедились, мыслит и самолюбивая Катерина Ивановна из «Братьев Карамазовых. Теперь, по Сартру, «обдуманной соразмерности частей» пришел конец, а «хаос спонтанности ценится гораздо больше».

Персонажи А. Мердок в её до предела психологизированном сюжете также то и дело покушаются друг на друга, соблазняют друг друга, но эти своеобразные перипетии сюжета, связанные едва ли не с элементами садо-мазохизма, часто или до поры не отражаются на их статусе, на характере или конфигурации их групповых отношений. Брэдли Пирсон – надежный и верный друг семьи Баффинов, супруги зовут его на помощь в трудную минуту. И хотя после соблазнения 68-летним мужчиной двадцатилетней дочери Баффинов Джулиан, кстати, в момент сообщения о смерти его родной сестры Присциллы, супруги ненавидят Брэдли, Арнольд готов его даже убить, а Рейчел называет его «грязным похотливым стариком». Их приятельские отношения рушатся, но вскоре опять налаживаются. Они не могут выйти за пределы своей узкогрупповой среды. И Рейчел вполне искренне призывает Пирсона на помощь в трудную минуту. Ничего удивительного, что опустившийся Фрэнсис Марло, родной брат брошенной жены Брэдли, ухаживает за впавшей в депрессию после развода с его сестрой Пирсона – Присциллой, но Марло прозевал критический момент, когда больная приготовила себе завышенную дозу наркотика. С точки зрения Марло, Брэдли – мазохист, страдающий нарциссизмом, изображающий из себя громилу, пуританина и эстета. Полная противоположность ему самому, опустившемуся человеку!

Каждый из персонажей, конечно, «комплексует» по-своему, но причудливая синусоида их отношений все же развивается в одном и том же кругу общения – родственников или старых знакомых, пока не случается нечто чрезвычайное, что разрушает микросреду или микровселенную привычного обитания цивилизованного человека. И не в буржуазной замкнутости, не в классовой несовместимости здесь

дело, где, дескать, каждый даже маленький человек – индивидуалист, пытается оградить для себя безопасную территорию, а в общем характере нынешней европейской цивилизации. Даже в тоталитарном государстве, каким был Советский Союз, люди откровенно общались лишь на кухнях, а соседи по площадке в многоквартирных домах часто не знали друг друга – и не хотели знать! Это не старое большое село, где всё обо всех хорошо известно. Потому отношения узкого круга персонажей как бы повышаются в цене и становятся мощным стимулом романного повествования. Второстепенные очень низкого уровня люди в этом смысле приближаются к главным героям. Бедная и не очень развитая Кристел отказывает своему жениху Артуру Фишу – мелкому конторскому служащему – после помолвки, потом, правда, передумывает. То же проделывает и неудачник, закончивший случайно Оксфорд Бэрд Хилари, – в отношениях с Томми. После ухода из жизни Китти, с которой у него уже намечился бурный и опасный роман («проектирование жизни»), и влюбленные планировали завести ребенка, Бэрд вновь «нисходит» до своей серенькой Томмазины Улмайстер и ведет ее в церковь. В каждом таком случае присутствует некая хотя бы житейская философия, связанная с экзистенциальной сущностью героев. Важную роль играет и конкретика романа.

При этом все эти новобрачные несут с собой и в себе груз сомнений, прежних неудач и потрясений, о чем вспоминают даже в самый счастливый день своей жизни и что может со временем стать сюжетом нового романа. Это не те старомодные влюбленные, которые после брака, даже не получив полцарства, сбрасывают с души раз и навсегда бремя и тяготы прошлого.

Столь же характерна и для Мёрдок, и для всего экзистенциалистского романа абсурдность сюжета, отражающая абсурдность самой жизни.

Так Ганнер умом понимает, что он должен простить Хилари Бэрда, попавшего случайно с его любовницей Энн в автокатастрофу, где та и погибла, и почти простил, но, когда он увидел вдруг виновника случившегося, прогуливающимся со своей законной и очень яркой женой, светской львицей Китти, по берегам Темзы, рассвирепел. Он попытался тут же сбросить обидчика в холодную реку, но туда попадает Китти, а Хилари ее героически спасает, требуя помощи от Ганнера! Женщина все равно вскоре гибнет – от простуды («Дитя слова»). Чем не абсурд бытия? То же, примерно, происходит и с любящими, примерным и благополучными супругами Баффин, пытающимися убить друг друга, но в результате пожизненный срок заключения получает выручающий их обоих ни в чем не повинный Брэдли Пирсон – друг семьи («Черный принц»).

Современные герои Мёрдок представляют постиндустриальную цивилизацию. Здесь не встретишь таких ярких и самобытных национальных типов, как Митя Карамазов или Парфен Рогожин у Достоевского. Да и вообще национальное начало во многих произведениях современной западной литературы как бы стерто или придавлено началом осознанием, вредным, цивилизационным, политическим, – в наши дни новомодным Европейским Союзом. Экзистенциализм – международное течение. И Мёрдок тут не исключение. Даже не очень развитые, рядовые персонажи, вроде серенькой модистки Кристел, ищут для себя и находят достойную духовную подпитку в Священном писании. Недаром Ганнер называет её «ходячей Библией». Уж не напоминает ли она чем-то «вечную Сонечку» Мармеладову?

Сюжет еще и способ развертки и понимания сути конфликта. В «Черном принце» он русскому читателю до боли знаком. Здесь попросту представлен обновленный вариант судьбы Мити Карамазова, который попал на каторгу за убийство отца, хотя его и не убивал. Здесь у писательницы две ключевые «зеркальные» сцены. В начале романа главный герой Брэдли Пирсон выезжает по телефонному звонку близкого друга, преуспевающего писателя Арнольда Баффина, которому показалось, что он в семейной ссоре и драке убил свою жену Рейчел, но та все же вскоре пришла в себя, и все завершилось более чем благополучно. Это начало романа. В конце произведения как бы зеркальное отражение этого эпизода. Тут уже Рейчел в такой же семейной ссоре убивает мужа кочергой у камина, ударив его по голове. Покладистый и обязательный Брэдли едет на выручку, но потерпевшего не удастся вернуть к жизни. Более того, полиция, ничтоже сумняшеся, приходит к заключению, что именно Брэдли и убил презираемого им Арнольда – из зависти к его литературным успехам! Друга семьи приговаривают к пожизненному заключению, где он и создает свой биографический роман. Конечно, Рейчел воспользовалась «счастливым случаем», дала показания против подлого и бездарного психопата – «убийцы», одержимого манией величия.

Безусловно, тяжесть преступления, появившегося в силу судебного-следственного недоразумения, абсурдна и заставляет читателя еще раз вспомнить представленное на страницах романа. Последствия приговора так или иначе отражаются на восприятии и усвоении художественного продукта. Брэдли не мед – за короткий срок между двумя покушениями супругов он как раз успевает соблазнить и почти изнасиловать дочь несравненных супругов Джулиан, но в то же время подготовить её к занятию художественным творчеством, махнуть рукой на собственную сестру, тяжело переживающую свой развод с преуспевающим буржуа Роджером, но все же Брэдли вовсе не такой маньяк и злодей, каким его выставили в общественном мнении. Тут у него и начинается серьезная болезнь и, едва закончив роман, Пирсон уходит из жизни, завещая не пересматривать дело, чтобы не травмировать симпатичную ему Рейчел, которая по-своему все же любила его, но очень крепко сперва обиделась за дочь, потом же инстинкт самосохранения – как и причудливая логика большой социальной жизни – подсказали ей такой неблагородный способ действия.

Катерина Ивановна, как помним, еще более мелко и чисто по-женски предает Митю Карамазова на суде, ибо не может ему простить своего «прежнего унижения» – она предложила ему себя за чек, чтобы выручить растратившего казенные деньги отца. К чести Мити – он помог девице и отказался от такой её жертвы. По Достоевскому, идеал Мадонны (Супер-эго) и содомский грех (Либи́до) одновременно уживаются в человеческой душе. Это сказано задолго до Фрейда и нередко определяет невероятную контрастность как в собственных характерах русского классика, так в персонажах тех, кто его ныне наследует.

Возмущенный до бешенства Ганнер, узнав о гибели беременной от него Энн, в тот же день изнасиловал родную сестру попавшего в больницу Хилари Бэрда – Кристел («Дитя слова»). Но, самое поразительное – потерпевшая Кристел вспоминала об этом эпизоде с большой теплотой и удовольствием! Ясно, что и здесь мы имеем дело, прежде всего не с нравственно-психологическими мотивами, которые определили развитие действия, а с подсознательными эмоциями, с законами среды и уровнем развития личности. Для Кристел немалая честь быть обласканной таким солидным

человеком, как Ганнер. Нередко похожие эпизодические эпизоды служат способом встряхивания действия – в духе Айрис Мёрдок. Они – как отражение вселенских катастроф в миниатюре, в пределах романного пространства.

5. И тут явно подходит время делать выводы, подводить какие-то итоги, то есть непосредственно подходить к концепции жизни, к идее художественного произведения. Идея эта тоже в достаточной мере психологизирована и нередко представлена в символично – образной форме. Это не набор неких обязательных или дежурных фраз, завершающих повествование. Идея известна порою заранее и заключена либо в названии произведения, либо в библейском эпитафие, как в «Анне Карениной». Идея – это способ проверки личности на прочность, что особенно хорошо ощутимо у Раскольникова Достоевского. Достоевский как раз и был приверженцем общественно значимой идеи в литературе. «Писать без публики и без мифа невозможно», как выразился наследующий его Сартр.

Но по логике экзистенциализма идея не должна быть чисто идеологической. Это объясняет название романа – «Черный принц» – черный Эрот, который пробегает тенью не только между любящими и вполне преуспевшими супругами Баффин, но определяет отношения Рейчел и Брэдли, Брэдли и Джуалиан. Вплоть до ушедшей из жизни от недостатка любви сестры главного персонажа – Присциллы или презираемого Пирсоном приживальщика Фрэнсиса Марло, брата бывшей супруги Кристиан – недотепы и алкоголика, который своими путаными показаниями «психоаналитика» на суде невольно способствовал несправедливому приговору, хотя хотел, будто бы даже выручить своего более обеспеченного приятеля, родственника и благодетеля, презиравшего его, как оказалось, недаром, исходя не только из его социального положения и вредных привычек, но и по некоторым чисто личностным свойствам. Такой вот наследник Екатерины Ивановны из «Братьев Карамазовых»!

Мифология в духе Черного Эрота отнюдь не случайна для современной литературы и кинематографии. Обращение к мифам и мифотворчеству и к другим фольклорным жанрам – легендам, поверьям, сказаниям, и даже к явно рудиментарным теперь жанрам, вроде сказки или баллады, вовсе не новость для современной культуры в широком смысле слова. И Пушкин, и Лермонтов, и Сомов, и Л. Толстой, и Достоевский, и Шевченко, и Леся Украинка, и Лесков, а потом Горький, Коцюбинский, Бажов, Шукшин, Астафьев, Айтматов, Филатов, Зулъкифаров были весьма внимательны к заключенным в них фактам «коллективного бессознательного» и представили их в блестящих и очень современных для своей поры интерпретациях. В кинематографии таких примеров тоже великое множество – вспомним «Балладу о солдате», грузинские фильмы «Покаяние», «Пастораль», «Тени забытых предков» С. Параджанова на украинском материале. Голливуд прославился не только киноверсиями троянского мифа, «Страстей по Матфею», «Александра Македонского», «Спартака», но и созданием собственных современных мифов и грез, начиная с «Тарзана» и кончая «Аватаром», не говоря уж об интерпретации вечно злободневной своей собственной и набившей оскомину темы – как стать миллионером или как выйти замуж за миллионера. Фильм «В джазе только девушки», кажется, готов был поставить тут точку.

Лесков называл намеки на разработку старых сюжетов «легендами нового сложения», и сам их мастерски слагал. Но вряд ли в таком контексте можно избежать упоминания «Легенды о Великом Инквизиторе», которая сознательно или закономерно воплотилась во многих произведениях Достоевского, едва не во всех самых

значительных. К ней имеет отношение и Раскольников, возомнивший себя Наполеоном, и князь Мышкин, напоминающий Христа, и беспощадный Ставрогин, и его единомышленник Понтий Пилат, и несчастный Макар Деушкин, и «вечная Сонечка».

Непосредственно-интуитивное и жестко-рациональное начало, характеризующее неумолимость законов большого социального мира, – вот нерв, который определяет вечное противоречие в отношениях человека со Вселенной, – то, что извлекли из мировой культуры и продемонстрировали в укрупненном плане экзистенциалисты, в том числе и А. Мёрдок. Исторические и религиозные мифы далеко не всегда чистое подсознательное, они, как и связанная с ними символика, в любом случае ближе к нему даже по времени своего возникновения. Пространство мифа или легенды теперь расширено до неузнаваемости. Оно охватывает не эпизод, а едва ли не всю территорию текста и то и дело соотносится со многими его идейными, идеологическими составляющими.

Людам не хватает для нормальной и правильной жизни – любви, причем не в вульгарном, даже не в половом, а в утонченно-эротическом или духовном смысле. Такова идея многих произведений писательницы. Идея очень женственная и субъективная, как и приличествует женскому роману, хотя смысл произведения намного шире и к такой банальной истине не сводится, пусть она даже немало и объясняет, являясь еще и неким конструктивным фундаментом произведения.

Законы литературного письма требуют от художника не только изображения в том или ином ключе предметов, явлений, ситуаций, общественных структур окружающей реальности, но и чисто субъективного начала – мастерства. В художественном произведении важно не только ЧТО, но и КАК? Для этой цели существует такой уровень осмысления как художественного мира, как ПОВЕСТВОВАНИЕ, что чаще всего представляет собою реализацию авторских стиливых установок в тексте конкретного произведения. Это давно было замечено и структурировано в России еще в середине 19-го века профессором российской словесности А.Д. Галаховым – автором многочисленных сочинений по природе изящной словесности – «Русская хрестоматия» (1842). Он разбил единый поток повествования на три главных, с его точки зрения той поры, стиливых слоя – Описание, собственно Повествование – то есть событийно-сюжетный уровень, и Рассуждения. Конечно, ныне эта его классификация чрезвычайно расширена: сюда включены диалоги, монологи, прямая речь, несобственно-прямая речь, авторский голос, голоса персонажей и пр., от чего суть дела не меняется.

Кстати, проблему диалога в художественном творчестве М. Бахтин разработал в конце двадцатых годов как раз на материале творчества Достоевского, пытаясь определить внутренний диалог как некое противоречие в словесном выражении автора или персонажа. Психоанализ, будь он фрейдистский или экзистенциальный, весьма подходит для понимания явной и скрытой мысли, как своеобразный «детектор лжи». Не всё, что люди говорят, о себе в первую очередь, является правдой. Отсюда уже многомерность самого текста.

Под ОПИСАНИЕ попадают как правило не самые существенные вроде бы объекты – обстановка действия или пребывания, человеческие лица, одежда, уличные предметы – столбы, фонари, мосты, животные, хотя собака, вроде Марса, может быть и милым персонажем («Под сетью»). И тут А. Мердок даже не оригинальна – Л. Толстой, Чехов, Дж. Лондон освоили «психологию животных» намного раньше.

ПОРТРЕТ И ПЕЙЗАЖ выделяются как основные составляющие в этом ряду. У Достоевского – певца Петербурга и сибирской каторги – нет описаний пышных садов, буйной зелени. Откуда им взяться? Но от коморки Раскольникова – «морской каюты», по определению Разумихина, с желтенькими и кое-где отставшими, поблекшими обоями, – «хочется бежать», как выразился Д. Писарев. Именно такая микросреда и наводит жильцов на мысли о преступлении. Но далеко не всегда.

Безвкусно обставленные коморки многих персонажей писательницы, людей, располагающихся на социальном низу или на пару ступенек выше, вызывают противоречивые чувства. А. Мёрдок весьма внимательна к пище своих персонажей. Как правило, она непритязательна и состоит наполовину из овощей, наполовину из консервов, сосисок и – кофе на закуску. Но воссоздано все это очень тщательно и скрупулезно. Кофе с тортиком, бисквитиком или сухариком – здесь далеко немаловажно.

То же касается одежды. У представителей низов она заношена, убога и ни на что не претендует. Даже экзотическая красавица индианка – по прозвищу Бисквитик – со своими смолистыми и великолепными волосами, «не смотрится», ибо всегда дурно, или попросту бедно, одета («Дитя слова»).

У А. Мердок представлена и среда обитания – Лондон, который тоже большую часть года сер, а погода в нем часто изобилует дождями. Поэтому герои и героини нередко страдают простудами. Лондон – это уже как бы своеобразная Вселенная для автора. Его кварталы и микрорайоны отличаются не только своей архитектурой, но и социальным статусом своих жителей, вплоть до особенностей присущего королевскому центру или окраинам английского языка! Конечно, ценны теперь не описания сами по себе. Немаловажен и их комментарий: «Характерная черта Центрального Лондона: единственное, что там можно купить в любое время дня и ночи, – это почтовые марки. Даже женщины там не найти после половины четвертого утра. («Под сетью»)). А вот уже и окраины: «Чизикская Набережная – это ленивая вереница домов и садов, сонно глядящих в реку, а Хэммерсмитская – лабиринт водопроводных сооружений и прачечных, среди которых вкраплены кабаки.

А. Мердок очень щепетильна и скрупулезна в описаниях – она не упускает случая тщательно подробно представить одежду героя, а особенно героини, считая, очевидно, что для мужчин все эти женские хитрости и изощрения чрезвычайно важны, как и для их владелиц или «носительниц». Тут уж явно преобладает женский взгляд. Однако однообразие и часто безвкусица в одежде низов, таких как сестра Хилари – Кристел, поражает, хотя она сама и подрабатывает как модная швея-портниха; внешняя яркость волос и смуглость лица индианки – служанки у Китти – по прозвищу Бисквитик, – увы! – лишь контрастирует с её убогим одеянием: «На Бисквитике было ее драповое пальтишко – капюшон она натянула на голову. Ее маленькое, узкое тонкое личико казалось под ним лицом ребенка» («Дитя слова»), не говоря уж о Фрэнсисе Марло. На этом фоне очень хорошо смотрятся богатая норковая шуба самой Китти, которая, между прочим, едва не погубила её (со всеми ювелирными украшениями) при падении в Темзу, или продуманный мужской наряд Ганнера и его лицо, которое становится с годами как бы моложе и красивее от полноты жизни и самодовольства («Дитя слова»).

Кстати, природа, как видим, не только кропит своими дождями или балует персонажей солнышком, но и играет немалую роль в человеческой жизни – Китти погибла от невольного холодного купания в Темзе, хотя и умела хорошо плавать. То

же и с современной техникой. Хилари убил Энн – свою любовницу – гражданскую жену Ганнера, взвинтив скорость до максимума, поскольку женщина просила отвезти её к сопернику. Психологический колорит и чисто физическое, реальное действие связаны неразрывной цепью. О собственно повествовании, то есть развитии сюжета мы уже имели случай сказать несколько выше. Стоит лишь отметить – психологическая составляющая сюжета вполне уравнена теперь в правах с самим физическим действием, а иногда и превосходит его по значимости и содержанию. Это и увеличивает в немалой мере третью, по А. Галахову, часть повествования – РАССУЖДЕНИЯ.

Наиболее интересны рассуждения в современном психологическом романе. Если раньше это был несколько отстраненный от героев пласт художественного текста, как у Л. Толстого – размышления о войне и о жизни. Автор в одном из изданий даже выделил их в отдельный том, то теперь, у А. Мердок, – весьма тонкий анализ, а чаще даже самоанализ персонажа, который осмысливает свои поступки, события, самые незначительные происшествия, отношения с людьми, и тут же принимает решения, касающиеся его будущего. И действует герой не только по законам психоанализа З. Фрейда или Ж.П. Сартра: автору безразлична, а очень важна и литературная практика Достоевского.

В русской литературе, при всей её изошренности, вряд ли можно было встретить столь глубокий анализ, как у Раскольникова – письма собственной матери Пульхерии Александровны. Сын чувствует, что пишет его родительница и что она на самом деле думает. У нее ведь тоже диалогическое сознание! Таков высший уровень проницательности и постижения личности. Но сознание самого Раскольникова еще более глубокое. И недаром мировая литература воспользовалась в полной мере опытом русского классика. Не исключение и Айрис Мёрдок. Достоевского у нее тоже хватает, пусть даже и несколько упрощенного для её сюжетов и потребностей современного романа – буржуазного спроса на этот «продукт». Интересно, что многие формы психоанализа вкладываются в уста её персонажей. Вот характерная сценка из романа «Под сетью», соотносимая с проблемой жилища Раскольникова: машинистка из Сити Магдален требует от переводчика Джеймса Донегию освободить занимаемую им комнату, поскольку собирается выйти замуж за состоятельного человека – Старфилда.

«Вы можете подумать, что Магдален поступила жестоко, так бесцеремонно меня выгнав, а я со своей стороны проявил слабыхарактерность, приняв это так покорно. Но Магдален совсем не бандит. Это жизнерадостная земная женщина, простая и сердечная, готовая услужить кому угодно, если только это не доставляет ей хлопот; о многих ли из нас можно сказать больше? У меня же в отношении Мэдж совесть была нечиста. Раньше я сказал, что почти ничего не платил за квартиру. Так вот это не совсем верно, я не платил за квартиру ничего. Эта мысль меня слегка беспокоила. Принимать подачки от женщины вредит самоуважению. К тому же я знал, что Мэдж хочется выйти замуж. Она не раз давала мне это понять, и думаю, что она бы вышла замуж даже за меня. Только я-то хотел другого. По обоим этим причинам я понимал, что на Эрлс-Корд-роуд у меня нет ни малейших прав и что если Мэдж ищет прочного существования, винить в этом я могу только себя. В контексте этих размышлений идет речь и об упомянутой уже микровселенной человека, куда попадает лишь небольшая часть лондонских знакомых Джейка, и о том, как жить дальше ему самому. А главное – эпизоды повествования развернуты как в прошлое, так и в будущее – поиски жилья в Лондоне – едва ли не основа сюжета романа «Под сетью». Соперник

его потом вновь уступил Мэдж Хилари, но герой такой «подачкой» не пожелал воспользоваться.

Наиболее значительны литературные уроки Брэдли его будущей любовнице и писательницы Кристиан в «Черном принце». Вот как толкуется главным героем, и тоже писателем, «Гамлет» В. Шекспира с упором на «образ автора» (В. Виноградов) – как бы мы выразились теперь. Это невероятно остроумная пародия на традиционный психоанализ старика Фрейда, который вряд ли может научить слушательницу главного героя литературному письму, ибо целиком отождествляет современные суждения с точкой зрения Фрейда и делает их похожими на сеанс психотерапии – с участием Шекспира: «В «Гамлете» Шекспир особенно откровенен, откровеннее даже, чем в сонетах. Ненавидел ли Шекспир своего отца? Конечно. Питал ли он запретную любовь к матери? Конечно. (...)

Он остроумен, как Иисус Христос, но Христос говорит, а Гамлет – сама речь. Он – это грешное, страждущее пустое человеческое сознание, опаленное лучом искусства, жертва живодеда – бога, пляшущего танец творения. (...)

Мазохист ли Шекспир? Конечно. Он король мазохистов, его строки пронизаны этим тайным пороком. (...)

Шекспир кричит от боли, извивается, пляшет, хохочет и визжит – и нас заставляет хохотать и визжать в нашем аду. Быть – значит представлять, играть. Мы материал для бесчисленных персонажей искусства, и при этом мы – ничто.

Думается, что здесь досталось и Фрейду, и неофрейдистам, и даже экзистенциалистам, которые были особенно авторитетными специалистами в части переноса образов и явлений искусства на полотно собственной жизни – и наоборот. Апелляция к известным именам – также своеобразный контекст современного повествования. Без чего мало кто теперь обходится.

Наконец, хотелось бы сказать несколько слов о «декоративной части» изложения, то есть о деталях и чисто художественных вроде бы излишествах, с точки зрения рационального подхода, в таком романе. Безусловно, многие самые короткие сообщения, насчет палки или кочерги ускоряют темп действия, повышают интерес к нему. Кочерга играет в «Черном принце» роль топора Раскольникова, которую тоже негде будто бы и спрятать, обмыть от следов крови. Раскольников, как помним, немало хлопочет над своим орудием казни и с большим трудом укрывает его под лестницей – во дворе. Кочерга – низменный бытовой предмет грубо подводит черту под отношениями «любящих и благоверных супругов» у А. Мердок.

Диалогичность повествования как бы разводит причинно-следственные мосты до предела. Так Брэдли стало дурно в опере от сознания, что он влюблен, его даже вырвало – от любви к юной леди! Высокое в уме, а низкое в натуре находит своё материальное, предметное выражение в физиологии. В последний час своей жизни Брэдли слушает прекрасную классическую музыку. Современный роман требует лаконизма и четкости. Текст романа А. Мердок пестрит ядовитыми афоризмами:

«Ничто меня так не раздражает, как платить за квартиру».

«Главное её занятие – быть самой собой. И на это она (*Магдален – А.Г.*) тратит бездну времени и ухищрений».

«Неболтливая женщина – это жемчужина на черном бархате. Я глубоко уважаю и люблю миссис Тинкхем». И таких перлов в романах А. Мердок хватает. Они разряжают и ускоряют, «ударно» итожат фрагменты повествования.

Стиль современного произведения должен быть насыщен иронией, юмором, что опять же в духе привычного диалогического или контрастного художественного сознания. Приведенная выше интерпретация Шекспира – убедительный тому пример. Дистанция между близким автору по духу персонажем во многих случаях сокращается, отношения обнажаются. То же относится и к другим неприемлемым по моральным соображениям или их социальным ориентациям лицам. И это не всегда презрение, часто лишь ощущение собственной позиции и личностного статуса.

Но главное, кажется, в ином. В большинстве современных романах даже тональность в лучшем случае диалогична. «Роман – комическая форма ... Бог, если бы он существовал, смеялся бы над своим творением. В то же время нельзя отрицать, что жизнь страшна, лишена смысла, подвержена игре случая, что над нею властвует боль и ожидание смерти. Из этого и рождается ирония, наше опасное и неизбежное оружие», – убежден Брэдли Пирсон в «Черном принце». Роман как бы по жанру не приспособлен к воссозданию трагедии в чистом виде, он намного шире и аморфнее, с современной точки зрения. Потому и меняется часто его тон.

К этой экзистенциалистской максиме можно относиться как угодно, однако неостроумный романист XX века скучен, напоминает какого-нибудь унылого соцреалиста, не будем тратить время на примеры, хотя в XIX веке выдержать единый тон и способ повествования в романе было чуть ли не обязательной нормой. Изменение тона повествования казалось тогда некоей данью дурному вкусу. Да, герои могли шутить, но в известных пределах. Представим себя умирающего Андрея Болконского или брата Левина Николая из «Анны Карениной» в таком полушутливом амплуа.

Кстати, сам Достоевский тоже придерживался правил игры своего времени. Раскольников никак не известен своими остротами или юмором, в отличие от жизнелюбивого Разумихина. Теперь же – персонажи шутят даже перед казнью, даже на смертном одре. Это относится и к героям Набокова, и И. Шоу, и Мёрдок. Сартр даже в серьезных научных статьях может отчаянно иронизировать или попросту валять дурака.

Мердок тут ничем не уступает ему и другим своим собратьям по перу. Она достаточно язвительна, остра и по-женски чертовски наблюдательна. Да ведь и отношение к юмору существенно изменилось. Популярность во многих странах израильской русскоязычной писательницы Дины Рубиной в значительной мере связана с ироническим характером её литературного письма. Мыслителем века её никак не назовешь. То, за что раньше могли вызвать на дуэль, или из-за чего могла начаться драка, воспринимается теперь как обыденная манера общения. Вот Магдален предлагает Джейку покинуть её жилплощадь, он, естественно, требует объяснений.

«Ох, Джейк! – сказала Мэдж. – Ты просто болван.

Это были самые ласковые слова, которые я пока от нее услышал. Мы оба немного оттаяли».

Но и Джейк не остается в долгу: «Она подошла к книжной полке.

– Тут, кажется, есть твои книги.

– Освобождаем место для товарища Старфилда, – сказал я. – А он читать умеет?».

Особенно достается женщинам, ибо часто у А. Мердок повествование ведется от лица мужчины. Возможно, настоящие мужчины не столь часто злословят по адресу женщин. Но смысл всех эти «шуточек» нередко раскрывает еще одну тайну современного романа – тайну диалогического авторского повествования. Мало того,

что женщина – в художественном творчестве надевает авторскую маску мужчины (что у мужчин почти не встречается, если не считать актеров типа Верки Сердечки), но еще и разводит до предела полюса повествования, доказывая лишний раз, что от трагического до смешного в современной жизни – один шаг.

Таким образом, к концу XX века современный интеллектуальный роман предстал не только как многослойное диалогическое повествование, но и органично психологизировался, насытился философствованием на всех своих уровнях. Очевидно, экзистенциализм как литературное течение фактически теперь сошел со сцены. Заменивший его постмодернизм оказался более широким и емким явлением, а понимание последним «интертекста» открыло широкий простор для заимствований и продолжения прежних авторских индивидуальных открытий и даже сюжетов произведений, вплоть до пиратства.

И, безусловно, в современном мировом литературном процессе место Достоевского весьма и весьма почетно. А психологические интеллектуальные романы А. Мёрдок далеко не последние произведения в современном литературном потоке. У нас только-только их начали по-настоящему и серьезно издавать.

Николай ТИХОНОВ

НЕ ПЛАЧЬТЕ О МЁРТВОЙ РОССИИ

О РОССИИ

Не плачьте о мертвой России
Живая Россия встает,-
Ее не увидят слепые,
И жалкий ее не поймет.

О ней горевали иначе,
Была ли та горесть чиста?
Она возродится не в плаче,
Не в сладостной ласке кнута.

Не к морю пойдет за варягом,
Не к княжей броне припадет,-
По нивам, лесам и оврагам
Весенняя сила пройдет.

Не будет пропита в кружале,
Как прежде, святая душа
Под песни, что цепи слагали
На белых камнях Иртыша.

От Каспия к Мурману строго
Поднимется вешний народ,
Не скованный именем бога,
Не схваченный ложью тенет.

Умрет горевая Россия
Под камнем, седым горюном,
Где каркали вороны злые
О хищников пире ночном.

Мы радости снова добудем,
Как пчелы - меда по весне,
Поверим и солнцу, и людям,
И песням, рожденным в огне.

1918

* * *

Праздничный, веселый, бесноватый,
С марсианской жаждою творить,
Вижу я, что небо небогато,
Но про землю стоит говорить.

Даже породниться с нею стоит,
Снова глину замешать огнем,
Каждое желание простое
Освятить неповторимым днем.

Так живу, а если жить устану,
И запросится душа в траву,
И глаза, не видя, в небо взглянут, -
Адвокатов рыжих позову.

Пусть найдут в законах трибуналов
Те параграфы и те года,
Что в земной дороге растоптала
Дней моих разгульная орда.

1920

* * *

Огонь, веревка, пуля и топор
Как слуги кланялись и шли за нами,
И в каждой капле спал потоп,
Сквозь малый камень прорастали горы,
И в прутике, раздавленном ногою,
Шумели чернорукие леса.
Неправда с нами ела и пила,
Колокола гудели по привычке,
Монеты вес утратили и звон,
И дети не пугались мертвецов...
Тогда впервые выучились мы
Словам прекрасным, горьким и жестоким.

1921

* * *

Когда уйду - совсем согнется мать,
Но говорить и слушать так же будет,
Хотя и трудно старой понимать,
Что обо мне рассказывают люди.

Из рук уронит скользкую иглу,
И на щеках заволокнутся пятна, -
Ведь тот, что не придет уже обратно,
Играл у ног когда-то на полу.

Ноябрь 1921

* * *

Мы разучились нищим подавать,
Дышать над морем высотой соленой,
Встречать зарю и в лавках покупать
За медный мусор - золото лимонов.

Случайно к нам заходят корабли,
И рельсы груз проносят по привычке;
Пересчитай людей моей земли -
И сколько мертвых встанет в переключке.

Но всем торжественно пренебрежем.
Нож сломанный в работе не годится,
Но этим черным, сломанным ножом
Разрезаны бессмертные страницы.

Ноябрь 1921

* * *

Не заглушить, не вытоптать года, -
Стучал топор над необъятным срубом,
И вечностью каленная вода
Вдруг обожгла запекшиеся губы.

Владеть крылами ветер научил,
Пожар шумел и делал кровь янтарной
И брагой темной путников в ночи
Земля поила благодарно.

И вот под небом, дрогнувшим тогда,
Открылось в диком и простом убранстве,
Что в каждом взоре пенится звезда
И с каждым шагом ширится пространство.
<1922>

* * *

Хочу, чтоб стих был тонок, словно шелк,
Не для того, чтоб в шепот перешел.

Но я сейчас сжимаю стих в комок
Не для того, чтоб он дышать не мог,—

А чтобы счастья полная строка
Теплела где-то жилкой у виска,

А чтобы стих, как свернутый клинок,
Блестя, развернулся бы у ног.

Ты грустно скажешь: не люблю клинков.
И без стиха есть жилки у висков.

Постылый блеск о стены разобью,
Я строки дам клевать хоть воробью.

Я их заставлю будничными быть,
Как та тоска, которой не избыть,

Та, чей озноб легко на горло лег,
Чтоб уж не стих, а я дышать не мог!

1937

Євген БАРАН

АВТОР НА ТЛІ СУЧАСНОЇ ЛІТЕРАТУРИ**ФЕНОМЕН АНДРІЯ КУРКОВА.**

Міркування, спричинені читанням нового роману Андрія Куркова «Садовник из Очакова» (Харьков: Фолио, 2010. – 314 с.)

Скільки би не говорили про Андрія Куркова і його твори, найголовніший висновок, який можна і треба зробити, – він уміє заінтригувати читача. Се один із небагатьох письменників пострадянського простору, який вдало балансує на межі «популярної літератури» і літератури для гурманів (якщо така є). Росіяни мають Бориса Акуніна, ми – Андрія Куркова, який, хоча й пише свої твори російською мовою, завжди й усюди декларує себе яко український писатель. Гадаю, се той позитивний момент нашого борсання в культурологічному просторі, який забезпечує бодай сякий-такий розголос національному побутуванню. Це при тому, що Курков майже уникає прямих акцентувань на проблемах українства, за винятком роману «Остання любов президента» (2004), де обіграно українську квазіполітичну ситуацію. І то все це робилося письменником на рівні сюжетотворчому, аніж концептуально-ідеологічному.

Найновіший роман Андрія Куркова є простим у задумі й цікавим у розгортанні сюжету: є Ірпінський провінційний колорит з натяками на суспільну ситуацію в країні, є незнайомиць, біографія якого й складає таємницю, є бажання проникнути в чужу таємницю (елементи приватного детективу), є паралельний світ, ключем проникнення у який стає стара міліцейська форма взірця 1957 року, нарешті є хепіендівський фінал. Майже «голлівудська картинка».

Цей принцип – ірреально/реального, паралельного співіснування і потрапляння героя в якісь незвичні ситуації, де він починає розігрувати ролю приватного детектива, – так чи інакше, але є стрижневим для прози цього письменника.

Не буду зациклюватися на проблемі, з якою дуже часто стикається автор, – сюжетно-композиційних повторів, але суть полягає не в цьому. Головне ж у тому, що Курков дуже динамічно розвиває сюжет, де зав'язка може складати сторінку-півтора, основний «пунктик» його книжки – розвиток подій (інколи затягнутий), тоді як кульмінація і розвиток також є динамічними і стислими в обсязі.

Курков не пише творів з глобальними темами, він завжди ситуативний і завжди конкретний у виборі сюжету. Зрештою, він не претендує на месійність чи патріотичну патетичність своїх писань. Головне завдання є простим – зацікавити і повести до кінця. Що йому, здебільшого, вдається.

Чи означає це, що у нас немає більше письменників, які могли би писати так, як Курков? Ні. Такі письменники є. Той же Мирослав Дочинець із Мукачєво або ж Дмитро

Білий із Донецька, Василь Слалчук із Луцька або ж Володимир Даниленко з Києва, Володимир Лис із Луцька або ж Сергій Федака із Ужгорода...

Справа полягає, як завжди в іншому, – в умінні й бажанні пробитися в європейську кон'юнктуру з її невибагливістю сюжетною, легкістю стилістичною і вмінні проговорювати загальнолюдські цінності, інколи з елементами специфічного європейського сентименталізму та самоіронії.

Андрій Курков мав нелегкий шлях до читацького успіху. З тисячі розісланих анотацій і анонсованих сторінок своїх книг до європейських видавництв, він отримав майже вісімсот відмов, але досяг свого. І то цей успіх є ширшим у європейського читача (німецькомовного, англомовного, франкомовного), аніж нашого.

Сьогодні Курков виступає у своєрідній ролі місіонера українства. Хоча сам він прекрасно розуміє, що його підтримки того чи іншого літерата замало, аби він «прорвався» на європейський книжковий ринок. Потрібне щось більше за талант чи ремісниче уміння, потрібне везіння, помножене на письменницький трудоголізм й індивідуальний талант спілкування. Зрештою, інколи важко пояснити, що саме потрібно, аби до Тебе виник видавничий, а відтак і читацький інтерес. Себто, не потрібно відкидати й у формуванні письменницького успіху такого чинника як метафізика.

Кому мої міркування видаються занадто простими або ж непотрібними. – рекомендую ... відкрити сторінки нової книги Андрія Куркова. Читається легко з відчуттям естетичної і етичної повноти (при тому, що Андрій Курков аж ніяк не ханжа). Він просто є творцем історій, які читаються «с удовольствием и не без морали». Себто, він дотримується того письменницького принципу, який на українських теренах сформував ще незабутній Тарас Григорович.

І поспробуй скажи після цього, що Андрій Курков не український письменник зі всіма позитивами і негативами такого...

КАЗКА ПРО ЛИЦАРЯ, ЯКИЙ ПРАГНУВ ПЕРЕМОГТИ НЕЛЮБОВ.

Степан Процюк. Руйнування ляльки.

Роман / Післямова Олега Солов'я. – К.: Ярославів Вал, 2010. – 280 с.

*«Скажіть, як можна любити їх, коли вони не люблять навіть себе?»**Скажіть, як можна відкритися світові, коли він, як величезний вулик, заліплений воском? Тих сотів, тих відрубницьких хуторів несть числа... Куди не ткнешся, потрапиш пальцем у небо. <...>**Не знаємо, не знаємо. Слід бігти далі, заробляти гроші, ввечері розважатися, вдень знову заробляти, місяцями заробляти, щоб відкласти на пристойний літній відпочинок, потім знову заробляти, щоб поповнити втрачене влітку, вечорами розважатися. Двері до насолод відкриті, ти кайфуєш, не забуваючи про завтрашнє заробляння, завтра, заробляючи, думатимеш про вечірні насолоди.**Так триватиме тиждень і місяць, рік і десять, сорок і п'ятдесят, нарешті ти постарієш, не зможеш заробляти, трохи хворітимеш, близькі будуть приховано дратуватися, бо їм треба заробляти на вечірні розваги і літній відпочинок, відтак ти помреш, приберігши відкладене із заробітків на свій похорон, твій син чи дочка на другий день знову спішитимуть, бо треба заробляти, не можна гаяти часу – відтак вони поволі старітимуть, багато витратять на ліки, медицина може чимало, але не все, потім тихо помруть, утомившись і від ліків, і від насолод.**Їхнє знамено підхоплять діти <...>»*

Степан Процюк видається мені героєм казки, яку вже всі забули: про лицаря, який прагнув повернути людям Любов. Хоча, здається, не він перший. Якщо вже сягати глибин, то вся біблейська історія (від Адама до Христа) є нічим іншим як прагненням повернути Любов.

Так жорстко і тяжко писати про втрату цього почуття і його пошуки в новітній українській літературі могли писати лише одержимі. Таких знаю двох: Антона Морговського (1957-2001), один з останніх романів якого так і називався «Нелюбов», і Олеся Ульяненка (1962-2010), кожен з романів якого був присвячений сій темі. Обидва згоріли, добровільно принесли себе в жертву Любові... Відійшли незрозумілі загалу, і з дивним відчуттям вини кожного із нас за їхню жертвну смерть.

Процюк іде їхнім шляхом. Шляхом самоспалення? Шляхом приреченої самотности. Не винен він у тому, що тяжко і незрозуміло для багатьох пише. Бо називає речі своїми іменами. А це привілей – пророків, апостолів, одержимих. Аж ніяк не живих людей. Тим більше українських письменників, яких ніхто не чує, і які вмирають не так від чужої байдужости, як від луни власного крику.

Я не говорю про сюжетні лінії (їх принаймні дві: успішного науковця і журналіста Василя Величка (ВВ) і колишнього вчителя Івана Сороченка), про фактичну відсутність дії як такої, яку замінюють монологи-монологи-монологи. Не говорю про окреслені драматичні й трагічні долі жінок (Анни, Людмили, Тетяни, Тамари). Тому що перед нами не роман дій, а роман ідей. Він більше публіцистично-есеїстичний, аніж художній. Тут більше психології, аніж дії. Але це той варіант Процюкової панщини, якої він не годен лишитися.

Всі Процюкові книги до цього роману (а біографічний роман про Стефаніка написаний після «Руйнування ляльки», хоча книгою вийшов на декілька місяців раніше) є нічим іншим як авторським «Репортажем із царства нелюбові» (так називалася одна із ранніх повістей Процюка).

Нас дратує те, що Процюк не завуальовує проблем нашого індивідуального і колективного буття, а розкриває як на долоні? Те, що власник сайту «Вікілікс» зробив нещодавно, – розкрив кухню європейської політики, про яку і так всі знали або догадувалися, але робили пристойний вигляд, се давно робить Процюк в українській прозі. Давно, вперто, приречено.

Інколи мені шкода Степана Процюка. Шкода його таланту, шкода його одержимости, шкода його мазохістичної багалітньої спроби повернути людину до основ її буття. Йому би легше писати, може і жив би легше. Йому би не зациклюватися на людській нелюбові, берегти більше власне ще нерозтрачене уміння любити. Не виходить. І не вийде. Бо він є героєм Казки про лицаря, який прагне повернути людям любов. Герой казки має перемогти або загинути. Хоча, якщо це справді Казка, а Степан Процюк герой її, то, звичайно, що він переможе. Принаймні не спокуситься Феєю-пожирачкою людських душ. А порятувавши себе, він також й іншим дає надію...

Авторы номера

Биографические справки

ЕРОФЕЕВА – ТВЕРСКАЯ Валентина Юрьевна родилась и живёт в Омске. Окончила Московский Коммерческий институт, юридический факультет МЭСИ. Секретарь правлений Союза писателей России и «Ассоциации писателей Урала», Председатель Омской организации СПР, член-корреспондент «Академии поэзии». Лауреат премии им. Л.Мартынова.

Автор шести поэтических книг. Публиковалась в центральных и региональных литературных журналах, еженедельниках, антологиях, хрестоматиях русского языка и литературы, поэтических альманахах, в омских коллективных сборниках и др. Стихи переводились на болгарский и немецкий языки. Соавтор нескольких музыкальных дисков «Созвучье нот и слов» (Омск). Живёт в Омске.

Бязров Тазрет Александрович родился 1 июля 1924 года в с. Новый Урух Северной Осетии-Алании.

Окончил Дагестанский государственный медицинский институт, аспирантуру.

Врач-фтизиатр, кандидат медицинских наук.

В семидесятые годы несколько лет заведовал кафедрой медицинской патологии в столице Гвинейской Республики Конакри. Им были написаны несколько учебных пособий для студентов (на французском языке), по которым до сих пор учатся студенты-медики в Гвинее (Бомако), Гвинейской Республике (Конакри), Конго.

Т.Бязров – участник Великой Отечественной войны, кавалер орденов Славы, орденов Отечественной войны, награждён многими медалями.

Член Союза писателей России.

Живёт в Харькове.

КУЛИЖНИКОВ Михаил Анатольевич родился в Белгороде, где и проживает поныне. Окончил Белгородский педагогический институт, Воронежское музыкальное училище. Член Союза писателей России, заместитель председателя Белгородского регионального отделения СП России. Лауреат международного поэтического конкурса «Звезда полей 2010».

Живёт в Белгороде.

БАЛАНОВСКАЯ Наталия Кирилловна родилась в Якутии. Там же окончила медицинский институт. Основная профессия – врач. Стихи начала писать с 1950 г. Автор пяти поэтических сборников. Член Союза писателей России.

Живёт в Харькове.

БЕЛОВ Виктор Иванович родился в 1938 году в Воронеже. Окончил Борисоглебский пединститут. Историк и филолог. Автор многих книг стихов и прозы. Член Союза писателей России. Лауреат Всероссийской литературной премии «Прохоровское поле». Живёт в Белгороде.

ПЕНЗЕВ Иван Емельянович родился в 1934 году в Харькове. Рос и учился в Дагестане, служил в Военно-Морском флоте на подводной лодке. По возвращении в Харьков, работал на ХТЗ, был направлен на учёбу в Ленинградский институт культуры. Несколько лет руководил Дворцом культуры ХТЗ. Потом снова на двадцать лет вернулся в море. Плавал на гигантских океанских кораблях-траулерах. Трижды обогнул земной шар, побывал на всех континентах, в городах, портах. В поэзии верен морской тематике. Член творческой ассоциации литераторов «Слобожанщина». Живёт в Харькове.

Романовский Александр Георгиевич родился 26 января 1953 г. в с. Занадворовка в Приморском крае на Дальнем Востоке в семье офицера.

С 2002 г. – почетный член Харьковской областной организации Национального союза писателей Украины. Член Союза писателей России (2003). Председатель Харьковского отделения СП России (с 2006). На XIII съезде СП России 2009 г. избран секретарем Союза писателей России. Награжден орденом “Почётный Крест Украинской Православной Церкви” (2003). Лауреат международной литературной премии «Слобожанщина» (2006) и «Имперская культура» (2009). Автор 11 поэтических сборников, изданных в Украине, России и Польше.

Живёт в Харькове.

РОМАНОВСКИЙ Вячеслав Евгеньевич родился 5 сентября 1947 р. на Донеччине. Окончил филологический факультет Харьковського госуниверситета. Более трех десятилетий работает в журналистике. Автор 10 поэтических сборников. Член Национального союза писателей и Национального союза журналистов Украины. Лауреат муниципальной премии имени Александра Лэся и литературной премии имени Василя Мысыка.

Живет в Харькове.

ТИТОВ Арсен Борисович родился в 1948 году в Бирском районе Башкирии. Окончил исторический факультет Уральского государственного университета. Автор 13 книг прозы, многих публикаций в России и за рубежом. Лауреат трех Всероссийских и нескольких региональных премий. Сопредседатель Союза российских писателей. Живет в Екатеринбурге.

ТИХОМИРОВА Наталья Антоновна. Родилась в 1959 году в г. Андижане Узбекской ССР. По профессии архитектор и педагог. Окончила Полтавский инженерно-строительный (1980г.) и Харьковский Государственный педагогический университет (1994 г.). Музыкальное образование (по классу фортепиано) получила в средней музыкальной школе г. Самарканда. Автор и исполнитель 30 песен. Печаталась в газетах и журналах Харьковской и Днепропетровской областей. Заместитель председателя общины Святых Царственных мучеников (УПЦ Московского патриархата). Живёт в г.Чугуеве (Харьковская область).

ТИХОНОВ Николай. Родился 4 декабря (по новому стилю) 1896 года в Петербурге, в семье ремесленника. Участвовал в четырех войнах: в первой мировой, гражданской, финской и второй мировой. Первые же книги – «Орда» и «Брага» принесли ему всероссийскую известность. В 1935 году я был в составе советской делегации на Конгрессе в защиту прогресса и мира в Париже. В осажденном Ленинграде был начальником группы писателей при Политуправлении Ленинградского фронта. С 1949 года – председатель Советского Комитета защиты мира, с 1950 года – член Всемирного Совета мира.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ

Т. ИИИИИИИИИИ. ЖЖЖЖЖЖЖЖЖЖ

ПРОЗА

Арсен ТИТОВ. Товарищ Че и Боженька	11
Тазрет БЯЗРОВ. Дворяжка	63
Наталья ТИХОМИРОВА. «Слава Богу за всё»	111

ПОЭЗИЯ

Валентина ЕРОФЕЕВА-ТВЕРСКАЯ. Прохлопали заветное ...	5
Михаил КУЛИЖНИКОВ. «Ужасно мучаюсь вопросом...»	42
Виктор БЕЛОВ. Жуков	48
Александр РОМАНОВСКИЙ. Я уйди на рассвете	99
Иван ПЕНЗЕВ. Море всегда солёное	103
В'ячеслав Романовський. А розстані серце не хоче	120
Наталья БАЛАНОВСКАЯ. Есть у меня икона	125
Николай ТИХОНОВ. Не плачьте о мёртвой России	149

КРИТИКА, РЕЦЕНЗИИ

Александр ГУТОРОВ. РОССИЯ И ЗАПАД. Ф.М. Достоевский и А.Д. Мёрдок. Проблемы романистики XIX и XX вв.	128
Євген БАРАН. Автор на тлі сучасної літератури	153

АВТОРЫ НОМЕРА

Биографические справки	157
------------------------------	-----

Литературно-художественное издание

СЛАВЯНИН

Том 4

Главный редактор *Л.И. Мачулин*

Корректор *А.Н. Балабанова*
Художественный редактор *В.В. Вербицкий*
Вёрстка *А.И. Забродин*

Подписано к печати 25.02.2011. Формат 70x108 1/16. Бумага офсет.
Печать офсет. Гарнитура *PragmaticaCondСТТ*. Усл. печ. л. 27,30.
Уч.-изд. л. 27,70. Изд. №2. Зак. № 5. Тир. 200 экз.

Учредитель: ООО «Институт Восточно-славянской цивилизации».
61012, Харьков, ул. Полтавский шлях, 9, кв. 1, 1А.

Адрес для писем:
а/я 9127, Харьков, 61057, Украина.
е-mail: editor01@list.ru

Издатель: Мачулин Л.И.
61057, г. Харьков-57, ул. Рымарская, 17, оф.14.
Свидетельство о госрегистрации: серия ХК №125 от 24.11.2004 г.

